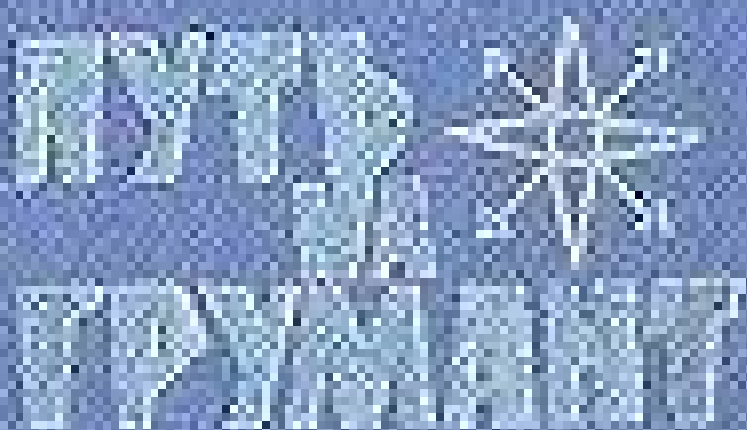

Dr. KARELIS ČIŠČINS

Константин Бадигин

Путь на Грумант

Поморская быль

Глава первая

НА ГРУМАНТ

Рулевой, бородатый дед Клим Зорькин, дважды стукнул в палубу ногой. Это был сигнал. Сейчас же голова кормщика, дремавшего в своей каюте, показалась над люком.

— Смотри, Алексей, лодью обгоняем.

Небольшое, парусное суденышко, прижимаясь к самому берегу, бежало на запад.

— Шибко дружит к берегу. Чья лодья-то — не признал, Клим?

— Видать не наша; по окраске-то на кемскую похожа. Любят малевать кемские. Ишь, красного цвета сколь, да накозье[1] покороче нашего будет. Кемская и есть.

Кормщик Алексей Химков ревнивым взглядом окинул свое судно — ладный трехмачтовый корабль: все ли в порядке? Нет, как будто все как надо. Свежая краска весело блестела под утренним солнцем, паруса белые-белые, без единого пятнышка, палуба безукоризненно чиста. Да и откуда быть грязи? Ведь только по этой весне на воду спущено судно. Приятным запахом свежеструганной сосны, крепким ароматом смоленых канатов было пропитано все вокруг.

Расстояние между лодьями быстро уменьшалось. Химков уже хорошо различал у борта фигуры промышленников, рулевого, привалившегося к румпелю, маленькую собачонку, вертевшуюся у поваренного люка.

Вот и поровнялись суда. Приветствовали друг друга по старинному обычаю:

— Путем-дорогой! Здравствуйтесь, молодцы!

— Ваше здоровье! На все четыре ветра!

— Откуда бог несет?

— С Кеми на Грумант, а вы?

— Мезенские мы, тоже на Грумант пробираемся, встретимся, может. Судно-то ваше как прозывается?

— «Святой Николай Угодник», купцов Плотниковых.

— А наше «Ростислав», купец Окладников снарядил, по первой воде идем.

Обгоняя попутное судно, «Ростислав» быстро уходил вперед, оставляя за собой две широкие пенные полосы, узорами расходящиеся по темносиней поверхности моря.

Химков спустился в каюту.

— Ванюша, — разбудил он сына, взятого на промысел учеником, — выходи на палубу скорость корабельного хода мерить.

Кабюта кормщика, окрашенная белой масляной краской, с большими светлыми окнами, была чиста и опрятна. В ней стояла койка карельской березы, небольшой столик в углу, приделанный к борту, стул. На стенах висели две затейливо выпиленные полочки — одна большая, другая поменьше. На большой полке лежал деревянный брусок с крестовиной — несложный астрономический прибор, аккуратно закрепленный, чтобы не свалился в непогоду. В специально сделанных отверстиях стояли песочные часы: большая склянка — четырехчасовая и маленькая, полуминутная, рядом в кожаных мешочках висели два поморских компаса — маточки. На маленькой полочке лежало несколько книг в гладких кожаных переплетах и толстая тетрадь в переплете из куска простой невыделанной кожи. На столешнице была укреплена походная чернильница. Тут же лежал старинный чертеж морских берегов, сделанный от руки, и рядом гусиное перо.

Сняв с полки песочные часы и вынув из рундучка под койкой лаг — прибор для определения скорости судна, Химков поднялся с сыном на палубу.

— Клим, ну-ка, брось в воду, а я время замечу, — сказал он, перехватив румпель из рук старика.

Клим бережно взял незамысловатый прибор, состоящий из дубовой дощечки, вырезанной сектором в четверть круга. К доске были привязаны грузило и тонкая пеньковая веревка с узлами через каждые несколько футов.

Придерживая одной рукой конец веревки, Клим размахнулся и бросил деревянный треугольник в воду. Прибор сразу стал вертикально. Когда веревка натянулась, старик подал знак Химкову и стал свободно выпускать конец, считая вслух, сколько узлов уходит из-под руки в ВОДУ. Кормщик следил за склянкой. Как только песок из одного отделения целиком пересыпался в другое, он крикнул Климу, чтоб задержал мерную веревку.

Оказалось, вышло больше семи узлов.

— Сколь узлов у тебя из руки в полминуты выйдет, — учил Ваню отец, — столь и миль судно в час скорость имеет. А ежели мили в версты перевести, значит «Ростислав» — то наш по пятнадцать верст парусит. Хорошо лодья поспекает. Ветерок был бы только.

Еще раз осмотрев судно, море и берег, Химков снова спустился в каюту и что-то отметил на карте, сверился с толстой тетрадью.

Тетрадь кормщик особенно дорожил. Это была рукописная лоция, указывавшая, какими путями безопасно и правильно вести судно в море.

На заглавном листе тетради большими аккуратными буквами было выписано:

«Расписание мореходства.

Сие мореходное расписание составлено вернейшим порядком, по которому мореплаватели находят, то-есть узнают, все опасные места и через то сберегают жизнь свою.

Сии труды, сие знание крестьянина Мезенской волости Ружникова Федора. В чем своеручно подписуюсь.

Июля 23 дня лета 1703».

Ниже была сделана приписка:

«Февраля 15 дня 1731 года по смерти Ружникова передана сия книга крестьянину Химкову Алексею».

«Ростислав» быстро уходил вперед.

Химков перевернул несколько страниц и задержался на записях о Семи островах, мимо которых сейчас проходила лодья.

«С немецкого конца заходить — есть двое ворот, токмо на малой воде обсыхают, а в полводы пустят. Ходить надо знаючи, есть в воротах камень, а в голомянную[2] немецкую сторону правее Красной Лудки чисто, токмо от Костагора с востока надо идтить неблизко, есть с востока водопоймина,[3] да и с лета сажень за десять есть тоже водопоймина — на полной воде обе закрывает... Бережнее луд[4] у наволоков[5] мелко, ходят порожними лодьями больше чем в подводы прибылой. С моря у Воятка и Зеленца островов чисто и глубоко, хотя и великая бывает в непогоду зыбь».

Четкой славянской вязью, скупыми, точными словами описывались в лоции берега, заходы в становища-порты, расстояния между мысами и приметными пунктами от Архангельска и до самого Груманта.

День начинался, как обычно. Ровно в шесть часов Ваня звонким голосом крикнул в люк:

— Перемена переменяйся, подпеременщики вставай!

Поморы, проснувшись, выходили из поварни на палуб, сонно потягиваясь и щуря глаза от яркого света. Один за другим они шумно плескались соленой водой, зачерпнутой из-за борта деревянным ведерком.

Задымилась печка: это Ваня приступил к своим обязанностям, приготовляя промышленникам их немудреный завтрак.

За завтраком на лодье обсуждали морские дела и погоду. Всех занимал вопрос: какой подует ветер? Останется ли он попутным, или ждать перемены?

Крепко поругивали моряки своего хозяина — купца Окладникова. И было за что. И мука, и крупа, и рыба, и масло, и морошка — все было или подмоченное, или с тухлецей. Зная, что жаловаться в море некуда, купцы не стеснялись, сбывая артелям негодные продукты, хотя по договору обязаны были снабжать промышленников бесплатно отборным провиантом.

После завтрака никому не хотелось оставаться в душной поварне; поморы разбрелись по палубе. Во время долгого корабельного хода, да еще в хорошую погоду, у них было много свободных часов. Скучали поморы от вынужденного безделья. За несколько дней пути они отдохнули, выпались и теперь коротали время, лениво перебрасываясь словами.

Изредка кто-нибудь подходил к помпе у грот-мачты и, качнув несколько раз, отходил прочь. Вода выливалась прозрачной стружкой прямо на палубу и, причудливо растекаясь, уходила за борт, оставляя на свежеструганных досках темную, языкатую тень. Под теплыми лучами солнца палуба быстро просыхала, от нагретых струек воздуха, подымавшихся кверху, рябило в глазах.

Ваня, убрав поварню, забрался на мачту и, устроившись поудобнее на грот-рее, любовался

морским простором, радостно было на душе у мальчика. То, о чем он мечтал с малых лет, сбылось: отец взял его с собой на промысел.

— Так вот оно какое, великое Студеное море! — с восхищением повторял Ваня, глядя в бесконечную морскую синь.

Часто слышал он, как взрослые говорили о море. Говорили по-разному, иногда со страхом, но всегда с уважением: море — кормилец. Многих море оставило сиротами и вдовами. Но притягивало оно людей своими просторами, тайнами, богатством.

— На печи лежа, кроме пролежней, мало чего нажить можно, — говорит бывало помор-охотник, собираясь на промысел, — а с морем игру затеешь, уменчи да опасливо ежели, в накладе не будешь. Нам, поморам, в плаваниях не учиться стать.

Нет дороги в море трусам. Бьет таких людей море, не любит их.

Не щадит и людская молва трусов да бездельников.

Зато чтут поморяне своих героев. Нелегко, правда, заслужить похвалу строгих северных людей. Но смелый подвиг морехода-промышленника на море, во льдах, на зимовке не будет забыт. Народная молва разнесет имя смельчака по становищам, по погостам, по селам и деревням, песнями и сказаниями прославит его.

Никогда не страшится помор отправиться за промыслом в далекие, неизвестные места. Не пугают его ни холод, ни ветры, ни лишения. Много знал Ваня славных подвигов и побед простых людей — хозяев ледовитых морей.

На лице у мальчика появилось упрямое выражение. Дал себе твердое слово Ваня — быть таким, как они, как отец. Не уступать Студеному морю, не бояться его.

Мальчик всей грудью вдыхал свежий, упругий воздух с характерными запахами морской травы и рыбы. Но вот он заметил, что невдалеке, с правого борта, покачалась пеннистая белая полоса. Она то пропадала, то появлялась вновь: у самой поверхности быстро плыло громадное черное тело.

Ваня посмотрел вниз, ища, у кого бы спросить — что он видит в море?

На палубе, прислонясь к мачте, стоял Степан Шарапов и рассказывал, как гулял он на берегу перед отходом. Его слушатели удобно расселись на промысловых карбасах, укрепленных толстыми веревками между мачтами. — Трое суток не спали, — певуче говорил Степан, — некогда было. Одной водки сколь выпили — страсть! Брюхан-то наш раздобрился, три рубля заручных денег дал. Ну-к что ж, половину я матери отдал, а остальные у него же в заведении оставил.

До Вани долетали отрывки беседы и других промышленников:

— Мал он зверек, да сходный: сала с его, поди, пуда с два будет, да окромя того кожа...

— В море встанет ежели темень — жди дождя, в горах завязалась — быть крепкому ветру...

— И того года сын не вернулся с моря, да и лодьи не стало...

— Што и говорить, беда, да ведь избывная; мало ли народу пропадало, а после ворочались...

— Степан! — позвал Ваня сверху. — Посмотри-ка на море! Кабыть зверь большой у лодьи гуляет.

Степан Шарапов и другие поморы оглянулись в ту сторону, куда указывал мальчик.

— Да ведь это акула, ребята! Вот бы словить! Сходи, Степан, к кормщику, проси, чтоб дозволил, — раздался чей-то голос.

Степану самому хотелось поразмяться, и он не заставил себя долго просить.

— Пусть позабавятся молодцы, — решил Химков, — скажи Климу, чтоб снасть готовил. Времени на акулу-то немного уйдет.

Старый Клим достал из трюма бочонок, продырявленный в нескольких местах, и привязал к нему с одной стороны толстую веревку саженой в пятьдесят, а с другой — тяжелое грузило.

Ваня, успевший слезть с мачты, тащил вместе с Федором Веригиным длинную железную цепь с заостренным крюком на конце. Акулий крючок похож на согнутую булавку, если только представить себе булавку из толстого болтового железа длиной этак фута в два. К свободному концу цепи Шарапов и Веригин привязали крепкую смоленую веревку, намотанную на деревянную выюшку.

Остальные промышленники в это время убрали паруса, а Химков измерял глубину — берег был близко. Оказалось около двадцати саженой.

Через несколько минут отдали якорь. Лодья остановилась и, плавно покачиваясь, стала приходить на канат, разворачиваясь по ветру.

Клим уже заканчивал свои приготовления. Он наполнил бочонок ворванью и кусками протухшего нерпичьего жира. Поморы знали: пахучий жир — самое лакомое блюдо для акулы.

— Ну, бросай, Степан, бочонок в море-то, да не мешкай, — торопился старик, — а я удило налажу.

Из бочонка, расплываясь по воде, потянулась струя жира.

— Смотри, Ванюха! — крикнул Степан. — Потекла лайва-то! Теперь акула к нам враз пожалует.

Но Ваня был уже в другом месте. Он помогал Климу насаживать на крючок приманку — пудовый кусок мяса.

— Дядя Клим, а как мы знать будем, что акула наживу возьмет? — волновался Ваня.

— Сам увидишь, не мешай с разговором. Подай лучше жердь, вон там, у борта, лежит.

Тонкий конец поданной Ваней жерди старик выдвинул наружу, а комель крепко привязал к бортовому брусу. Потом он бросил крючок с наживой в море и, потравив изрядно веревку, ловко накинул петлю на конец жерди.

— Теперь, Ванюха, все в порядке. Тут тебе и удило, и леска, и крючок.

Не прошло и пяти минут, как хищная рыбина отыскала приманку и вмиг проглотила ее вместе с крючком. Толстую сосновую жердь согнуло в дугу.

Только этого и ждали охотники.

— Сюда, ребята! — весело крикнул Степан.

Двое поморов взяли за веревку. Акула свободно давала тащить себя, почти не сопротивляясь. Вот она совсем близко, тянули уже за железную цепь. Наконец из воды показалась тупая голова акулы. Свирепо глянули на людей круглые глаза, фосфорически вспыхнули яркозеленые зрачки.

Ваня заметил, что челюсти хищника с некрупными, но острыми зубами судорожно двигались, как две пилы. Акула старалась перегрызть железо.

Федор Веригин, великан с широченными плечами, держал наготове полупудовый деревянный молот — кротило. Как только акулу подтянули к борту, он сильным ударом оглушил ее, и мореходы, набросив цепь на ворот, быстро вытащили добычу.

— Смирена акула-то! — говорили мореходы, окружив распластавшуюся на палубе двухсаженную рыбину.

Действительно, полярная акула, «морская прожора», страшна только в воде. Вытащенная на палубу, она, в противоположность своим южным сестрам, совершенно безопасна.

Несколько человек, ухватившись за цепь, протащили акулу еще на два-три шага, на более удобное для разделки место. От шершавой акульей кожи на палубе остался заметный след: как будто дерево оцарапали стальной гребенкой. Это оттого, что акульи чешуйки снабжены как бы мелкими, загнутыми назад костяными гвоздочками.

Острый нож в руках богатыря Веригина с трудом брал крепкую кожу. Сделав широкий надрез на брюхе, Федор ловко отделил печень. Вот она, большая, желтая вывалилась наружу.

— Ужо натопим воюксы[б] — пуда три, не меньше, — заметил Степан.

Затем вспороли акулий желудок. Все знали, что иногда там можно обнаружить самые неожиданные предметы. На этот раз, кроме двух небольших нерп, в брюхе ничего не оказалось.

Перед тем как выбросить акулу за борт, Клим через тонкую тростниковую трубочку надул воздухом рыбий желудок. Это было старое поморское правило.

— Вишь, удило-то вдругорядь поставили, — объяснял старик Ване, завязывая разрез куском веревки. — Ежели акулу так бросить, не надувши, она враз затонет и другие акулы ее жрать начнут. А приманку тогда не тронут, и не жди.

Напоследок старый Клим вырезал кусок шершавой акульей кожи пригодится в хозяйстве, а тушу, дружно поднатужась, мореходы спихнули обратно в море.

- Смирена акула то, — говорили мореходы, окружив распластавшуюся на палубе двухсаженную рыбину.

Вторая акула также быстро была поймана и разделана. Размером она была не меньше первой, в желудке у нее оказалось около двух десятков крупных рыб.

— Свежая еще треска-то, хоть уху вари, — пошутил кто-то.

Федор Веригин, потрошивший акулу, брезгливо поморщился и выбросил треску за борт.

Тем временем морские хищники, привлеченные запахом нерпичьего жира, окружили судно со всех сторон. Бесшумно двигались их черные тени в прозрачной воде.

— Смотри, оплыла лодью акула-то. На маленьком карбасишке ежели — страшно. Бывает, акула и опружить[7] карбас может. Вместо лысуна[8] попадешь прожоре в брюхо, — с опаской поглядывая на воду, сказал Степан.

Охота закончилась Промышленники развлеклись и весело подымали паруса, выкатывали якорь. Под удалую песню большой ворот медленно навивал шлаг за шлагом мокрый канат.

Наполнив паруса ветром, снова тронулась лодья в дальний путь. Палубу убрали и начисто вымыли. И опять пошла своим чередом жизнь мореходов.

Ваню интересовало на судне все. Он был неутомим и вездесущ. Его видели то на мачтах, то на носу лодьи, то он лазил в трюм, осматривая каждую бочку. Мальчик успел разговориться и с рулевым, упросив доверить ему на минуту массивный румпель.

А сейчас он стоял у отвала[9] поглядывая на потемневшее море, и тихонько напевал про себя.

Вдруг Ваня насторожился. Недалеко от лодьи промелькнуло что-то белое. Вот совсем близко от борта, сразу в нескольких местах, в воде появились чьи-то уродливые, горбатые тела. Станных изжелта-белых существ с каждой минутой становилось все больше.

«Богатое наше море, — думал Ваня, — сколь в нем рыбы да животины всякой плавают!»

Он не выдержал и окликнул стоявшего неподалеку Веригина:

— Федор, а Федор, глянь-ка, опять зверье разгулялось, да сколь их!

Неторопливо обернувшись и прикрыв глаза ладонью, промышленник посмотрел на море.

Белухи это. Чует ветер зверье. Целым юровом[10] выплыли. Множеством своим воду сушат.

Неприятно и резко хрюкая, точно свиньи, звери вспенивали море. То ныряя, то неуклюже всплывая на поверхность подышать воздухом, они выплескивали небольшие фонтанчики из маленького отверстия на шее. Некоторые держали во рту только что пойманную, еще трепетавшую рыбешку.

Ваня стал различать идущих бок о бок с массивными телами белух небольших яркосиних зверьков. Это были детеныши-сосунки длиной около пяти футов. В стаде Ваня заметил и серых, голубых белушат.

— Белуха, она с годами светлеет. Белым зверь только на четвертый год делается, — пояснял Ване Федор. — А родятся синие, ровно крашенные, сосунки-то.

Но вот над стадом появилась чайка, потом другая, третья. Надоедливо горланя, они сотнями закружились над морем.

— Теперь смотри, Ванюха, потеха будет: ограбят чайки зверя. Чисто морские разбойники!

Как бы в подтверждение этого, одна из птиц распласталась и стала спускаться к воде, зорко следя за белухой. Мгновение — и чайка, тяжело махая крыльями, летела с рыбой в клюве, отнятой у нерасторопного зверя.

Поморы с интересом наблюдали эти сцены, отпускали веселые шутки и смеялись каждому ловкому маневру птиц. Кто-то заметил:

— Шутка шуткой, а белуха-то не меньше двенадцати пудов сала дает. Да шкура... Вот и считай, сколько барыша хороший промысел принесет.

— Кожа-то на ней гладкая, без шерсти, а зверь-то, почитай, не менее восьми аршин длиной будет, да и более того нередко.

— Сказывают, еще в новгородские времена белуший промысел богатым был, — вступил в разговор Клим Зорькин. — Сетями наши поморяне зверя добывали.

Примолкли мореходы, провожая глазами удалявшееся стадо белух. Скоро только чайки, кружившиеся в небе, указывали его путь.

Вечерело. Покачиваясь, судно чертило на вздымавшейся чуть-чуть груди Студеного моря бесконечную нить, тянувшуюся далеко-далеко, куда только хватал глаз.

Огненный шар незаходящего солнца медленно клонился к западу. Бесчисленные искорки, вспыхивавшие на морской глади, слепили глаза. А вдаль, у самого горизонта, кудрявились белоснежные облачка.

— Экая благодать! В такую-то пору сутки выстоишь у руля, с палубы уходить жаль, — говорил Степан, сменяясь с вахты.

Солнце опускалось все ниже и ниже. Вот уже пылающий край его коснулся легких облачков, и вдруг широкая искристая дорога легла через весь океан.

Лодья с оранжевыми в потоках вечерних лучей парусами, как волшебная птица, неслась по сверкающему пути навстречу огненному светилу.

Все оставались наверху в этот летний вечер на тихом, мирно дремавшем море.

Под нескончаемое журчание воды, пенящейся под форштевнем, снова начались песни и разговоры. Говорили о промысле, о погоде, о невестах, оставленных на родине, о детях, женах и о многом другом, что помнится мореходам в долгие дни плавания.

Глава вторая

«РОСТИСЛАВ» ОТКЛОНЯЕТСЯ ОТ КУРСА

Был август 1743 года. Уже несколько дней «Ростислав» под всеми парусами шел курсом на Грумант. Погода стояла хорошая, ясная, дул обедник — попутный ветер с юго-востока.

Благополучно миновав гребнистые валы Святоносских сувоев, вечно враждующих между собой, лодья направила свой бег к северо-западу.

Неприступный с виду Мурманский берег выходил к морю грядами гранитных утесов и отвесных, выступавших из воды крутобедрых скал. Местами скалы были покрыты серым лишайником и мхом. И только изредка по берегу попадались уродливые низкорослые березы с маленькими, словно нераспустившиеся почки, листьями, зеленые пятна трав.

«Ростислав» шел на Грумант проторенной морской дорогой, проложенной русскими в незапамятные времена. Глазам мореходов то и дело открывались плотно уставленные поморскими судами заливы и бухточки, в глубине которых виднелись древние церквушки, окруженные кучками изб. Множество высоких деревянных крестов и пирамид из дикого камня указывали судам вход в становища — поморские порты.

Что представлял собою «Ростислав»?

Это было судно длиной восемьдесят футов и шириной около трети своей длины — двадцать пять футов. Оно могло принять в трюм около двенадцати тысяч пудов груза.

Судно было обшито, как и все поморские лоды, досками вгладь, то — есть ребром доска к доске, хорошо проконопачено мхом и осмолено. Сверху судно было покрыто палубным настилом и тоже проконопачено. Корпус окрашен в коричневый цвет.

Лодья делилась на три помещения с несколькими люками: носовое — поварня, где жили промышленники, с кирпичной печью для готовки пищи. Рядом был трюм с двумя своими люками — большим и кормовым. На самой корме в небольшой каюте помещался кормщик. Кормовая каюта освещалась тремя окнами: двумя на срезе кормы, сзади, и одним, верхним, на палубе.

Внизу, в трюме, чтоб не подмочить груза, были настланы доски — стлань. Глубина трюма «Ростислава» равнялась одиннадцати футам. Судно с полным грузом погружалось в воду на девять футов.

Оснастка лоды была проста и легка в обслуживании. Три мачты — фок, грот и бизань[11] — были сделаны каждая из одного целого дерева и имели по одному парусу. На фок и грот-мачтах стояли прямые паруса, а на бизани — между гиком и гафелем[12] — обыкновенный парус. К прямым парусам при слабых ветрах дополнительно крепились специальные полотнища — прищепы.

Для лучшей поворотливости парус передней мачты иногда вытягивался к бушприту[13] или на наветренный конец блинда-рея[14] и служил лодье кливером,[15] риф-сезней[16] на поморских судах не было — их заменяли прищепы. Спускались паруса прямо на палубу и подымались с палубы, что очень упрощало работу в условиях сурового климата Ледовитого океана.

Корпус был выпуклым по бортам, с широким днищем. Как и все суда этого типа, «Ростислав» плохо управлялся при встречных ветрах, что затрудняло лавировку. В то же время, благодаря особенностям корпуса, судну меньше грозила опасность быть раздавленным льдами. Это было особенно важно при плаваниях на севере.

На лодье было три якоря, по тридцати пудов каждый, с канатами, свитыми из смоленой пеньки, длиной по восемьдесят саженой. Для подъема якорей на носу судна был устроен ворот. На палубе размещались три карбаса и одна лодка — осиновка, необходимые на моржовом промысле.

Много верст оставил за кормой «Ростислав». Далеко сейчас родная Мезень... Мореходы, сбившись на носу лоды, смотрели на каменистые берега и угрюмые скалы Мурмана. Сердца их тревожно сжимались. Путь на Грумант далек и опасен.

Студеное море крепко сторожит свои богатства...

— Тут, ребята, по берегу гагачьих гнезд тьма, — нарушил молчание старый Клим, — по расщелинам птенцов высиживают... Пришлось мне Мурман-то поглядеть, хлебнул горяшка вдосталь, — продолжал он, помолчав, — Да и везде нашему брату не сладко. Жизнь вот прошла, а кроме мозолей, ничего не нажил...

Никто не ответил Климу, мысли мореходов были далеко... Перед затуманенным взором промышленников проносились последние минуты, проведенные дома: голосистые причитания баб, плач детишек и заунывные псалмы дьячка... Молебен правил хозяин Еремей Панфилович Окладников, чтоб, значит, поветер на ведро лодье в дороге было. Краснолицый,

заплывший жиром купец, обрядивший моржовый промысел, гнусаво подпевал дьячку, вымаливая богатую добычу.

Только через год будут ждать домой грумаланов. Полный груз моржового сала, кож и ценных моржовых клыков должен привезти «Ростислав» купцу Окладникову. Тюлени, нерпы, белые медведи и другой зверь тоже не минуют большого трюма лодьи.

Много становищ пробежала лодья. Много поморских судов встретили на своем пути мореходы, пока на пятые сутки плавания открылись обрывистые скалы Мурманского Носа.

Не доходя до самого мыса, Химков повернул лодью на север, к берегам Груманта.

— Ну, батюшко, не выдавай, будь ласковый с нами, дай удачную охоту, сохрани наши жизни,
— обращаясь к Студеному морю-океану просили поморы.

Теперь «Ростислав» уходил от матерого берега к ледяным скалам холодного острова: гористый Мурманский берег отодвигался все дальше и дальше...

Алексей Химков стоял на корме, с беспокойством посматривая на юго-запад, где темная стена облаков нависла над горизонтом.

— Шибко идем, Алексей Евстигнеич. Медведь-остров назавтра в аккурат увидим.

Кормщик обернулся на слова высокого помора, стоявшего на руле.

Ход-то хорош, да судно увалисто. Не отнесло бы к востоку, видишь, шелоник[17] завязался... А ну, братцы, помогай паруса к ветру ставить! — крикнул Химков собравшимся на корме промышленникам и сам стал перебрасывать на ветер парус задней мачты. Для его умелых, проворных рук это было минутным делом. Парус заполоскался, несколько раз сердито хлопнул и быстро надулся ветром.

Не отстали от кормщика и остальные мореходы, в тот же момент подправившие паруса на фок — и грот-мачтах. Заскрипев рангоутом, «Ростислав» заметно увеличивал скорость, подгоняемый ветром. — Хорошо справились! Молодцы, ребяташки! — похвалил. Химков, — Однако ты поглядывай, — сказал он рулевому. — Шелоник крепко взялся. Вот ужо распустит взводень-то,[18] держись только.

Недаром говорится, поддакнул подкормщик, — шелоник на море разбойник. Шальной ветер, без дождя мочит.

На разные голоса застонал и засвистал в снастях ветер. Океан давал себя знать. Зыбь, раньше почти незаметная, сильно покачивала лодью. Темнозеленые волны подкатывались под борт «Ростислава», то подымая, то опуская его, и уходили нескончаемой вереницей.

Ходко шло судно, словно утка, переваливаясь с борта на борт. Изредка высокая крутая волна заставляла судно сильно крениться. Тогда лодья, как бы рассердясь, хлопала по волне днищем, и пенящиеся гребни, разлетаясь солеными брызгами, дождем обдавали мореходов, все еще стоявших на палубе и смотревших на едва различимый, тонувший в океане Мурманский берег...

Тяжким трудом, с постоянным риском для жизни зарабатывали поморы свои гроши. Годового заработка грумаланам едва хватало для уплаты долгов да чтобы кое-как прожить зиму до нового покрута.[19]

Снаряжая покрут за моржами на Новую Землю и на Грумант, купец делал промышленников пайщиками. Но это только так считалось — «пайщики». При удачном промысле хозяин отбирал у поморов три четверти, в лучшем случае две трети добычи, так что на всех

остальных «пайщиков» приходились лишь жалкие остатки. В случае неудачной охоты купец вовсе не выдавал жалованья мол, как пайщики, промышленники отвечали за убыток.

Богатый купец, предоставляя артели судно и припасы, сам на промысле обычно не бывал. Весь труд на море приходился на долю наемных батраков, и дорого обходилась им купеческая «помощь».

В белушем промысле за одну только сеть артель в сорок и более человек отдавала хозяину половину всего добытого зверя.

Не лучше были условия и на тюленьем промысле. В артель мог вступить всякий, на равных паях. Весь доход с добытого зверя делился поровну, по числу пайщиков. Казалось, все правильно: рядовой помор сполна получает заработанные деньги. Но это только на первый взгляд. На самом деле выходило иначе. После вычета за снаряжение, предоставленное хозяином лодки, промышленник получал вместо целого пая всюю одну восьмую, а то и меньше.

Купец никогда не оставался в накладе, забирая почти весь доход от промысла.

Набор артельщиков производился среди бедных крестьян всяческими путями: уплатой за них налогов, одалживанием денег на прокормление семьи.

Обычно помор отрабатывал долг на покруте. Если же он промыслял самостоятельно, то обязан был продать купцу свою добычу по очень низкой цене. Сумма долга, разумеется, удерживалась при этом особо.

Недаром бедняки-промышленники назывались подневольными, а промысел — кабальным.

Пытаясь вырваться из кабалы, поморы выходили на промысел зверя без необходимого снаряжения, в одиночку и часто погибали на далеком пустынном берегу или где-нибудь на льдине, унесенной в море.

Остров Медведь, около которого должен был пройти «Ростислав», как и все остальные северные острова и земли, давно был знаком русским мореходам. Он славился моржовыми лежбищами. На его северных берегах с незапамятных времен стояли поморские промысловые избы.

Охотясь за морским зверем к северу от этого острова, поморы не позже XII века открыли Грумант. Как известно, через четыре столетия его вновь «открыл» Баренц, назвавший землю Шпицбергеном.

Остров Медведь служил прекрасным маяком на пути грумаланов. Даже тогда, когда остров со всех сторон заволакивала непроглядная мгла, над туманом отчетливо выступала вершина его высокой горы.

Самый старый в команде «Ростислава», Клим Зорькин, промыслявший более полувека, не раз хаживал в эти места. Крепкий, как дуб, с легкой проседью в густых волосах, старик был отменным знатоком промысла, он знал все повадки и хитрости зверя. Знал, как лучше снять шкуру, разделать тушу, вытопить сало. Советов Клим просили все зверобои артели.

На «Ростиславе» было еще двое опытных, испытанных мореходов: Алексей Химков — сухой, жилистый сорокалетней здоровяк, и его однолеток, подкормщик Иван Колобов. Остальные одиннадцать человек — молодые, рослые, плечистые. И среди них совсем еще мальчик, двенадцатилетний Ваня, сын кормщика.

Артель зверобоев во время плавания составляла команду лодьи. Кроме кормщика — полновластного хозяина на судне — и его помощника подкормщика, в составе артели обычно

бывало два носошника, два забочешника, несколько весельщиков и ученик — зук. Носошник в старину был основной фигурой на промысле. На моржовой охоте он с борта карбаса метал в зверя носок — поморский гарпун. Забочешник, находясь на средней скамье карбаса, должен был следить за ремнями — сборами, чтоб не запутались, и подавать носошнику носки. В описываемое время в ходу были уже кремневые ружья, однако носошники и забочешники попрежнему оставались в артелях, только, кроме гарпуна, они были вооружены и пищалью.

Ученик — зук — обыкновенно занимался тем, что готовил, пищу, прислуживал взрослым на охоте, проходя понемногу трудную науку моряка-зверобоя. Вместо платы зук получал иногда, при богатом промысле, кое-какие подачки и подарки. Слово «зук» означает небольшую морскую птичку, вроде чайки. Птичка эта обычно кружится над местом разделки рыбы и питается отбросами промысла.

Жизнь на зверобойном судне и взаимоотношения экипажа исстари определялись морским уставом, строго соблюдавшимся каждым промышленником.

Исключительная честность отличала русских северных мореплавателей. Кто не слыл за честного человека, тому дорога в артель была закрыта.

— Тебя, вишь, мало кто знает, гляди, и не пойдут с тобой ребята, — говорили поморы малоизвестному охотнику.

На «Ростиславе» зверобойная артель подобралась удачно. Алексей Евстигнеевич Химков пользовался уважением и любовью среди промышленников, и каждый мезенец считал за счастье пойти в плавание с таким кормщиком.

Из числа зверобоев особенно выделялся своей необычайной силой и крепким сложением носошник Федор Веригин — богатырь с густой курчавой бородой. Вся артель в шутку звала его «ошкуй», то-есть медведь. И недаром. Он смело выходил с рогатиной на огромного белого зверя и слыл в Мезени человеком большой храбрости.

— Не иначе, оленьей кожей Федор покрыт. Старые люди говорят, кто оленьей кожей обернется — бесстрашен бывает, — поговаривали про Веригина односельчане.

Федор был артельщиком на лодье. Его заботам Химют поручил все продовольственные запасы и снаряжение.

Второй носошник, Степан Шарапов, славился как весельчак, песенник, сказочник и гусяр.

Поморы понимали и ценили удалую песню, затейливую быль-сказку. Песенников брали во все артели, отправлявшиеся на далекие промыслы с зимовкой, оплачивали их значительно выше, чем рядовых зверобоев.

Второй день после поворота на Грумант не принес «Ростиславу» ничего нового. Только нерпы, появившиеся в большом количестве, то и дело высывались из воды, словно наблюдали за проходящим судном. А лодья набегала крепкой грудью на свинцовые волны и, разбрасывая тысячи брызг, торопилась все дальше и дальше на север.

Пользуясь хорошей погодой, мореходы попрежнему проводили свободное время на палубе.

На корме у приказинья[20] стояли Алексей Химков с подкормщиком Колобовым и старым зверобоем Климом Зорькиным.

— Нет, ты на ход-то посмотри, — говорил Колобов Климу, показывая на шумевшую у бортов

воду, — что скажешь?.. Ведь поболее триста верст в сутки бежим.

Зорькин недовольно хмурился:

— Ходкая лодья, спору нет... Да не захвалить бы... а то не ровен час...

— Ну, полно, дед, не бойся, — смеялся Химков, — пугливым больно стал.

На носу лодьи слышался певучий голос Шарапова, то и дело покрываемый взрывами молодого смеха. Направо и налево Степан сыпал шутки и прибаутки.

Все поморы были одеты в вязанные из грубой шерсти домашнего прядения рубахи — бузурунки — и толстые штаны, заправленные в высокие промысловые сапоги — бахилы.

Было тепло. Многие мореходы оставили свои шапки внизу, в поварне, и ветер шевелил густые светлые копны их волос. У каждого на поясе красовался нож в больших кожаных ножнах. Поморы не расставались с ним даже на ночь.

— Без ножа на люди стыдно показаться, девки засмеют, — говорили охотники.

Химков, щурясь, смотрел на солнце и думал:

«К полдню близко. Ширину по солнышку сыскать надобно. Медведь-то вот-вот должен быть».

Он хотел позвать сынишку, да вспомнил, что время паужну артели готовить — занят Ванюша.

Спустившись на минуту в каюту, кормщик появился на палубе с градштоком[21] и маточкой в руках. Сначала он определил время: держа на солнце компас — круглую деревянную коробочку размером с карманные часы, он приставил к нему тоненькую соломинку. Тень от соломинки прошла как раз по середине прибора.

— А правда, полдень и есть. И в склянке песку самая малость осталась.

Затем он взял градшток и повернулся спиной к солнцу. Переставляя поперечный брусок ближе к глазу, он надел на противоположный конец прибора небольшой диск, блестящей поверхностью к светилу. Смотря одним глазом в нижнюю мишень поперечного бруска и через середину диска на гори зонт, Химков стал передвигать диск, пока не поймал солнечный луч на отполированную поверхность. Пройдя через мишень на верхней части поперечного бруска, луч, блеснув на экране диска, показал высоту солнца над горизонтом.

— Как раз солнышко полуденное колесо[22] проходит. Не опоздал, — с удовлетворением отметил кормщик.

Отсчитав градусы и минуты, он быстро спустился в каюту и перевернул песочные часы: ровно полдень.

С помощью таблиц Химков высчитал широту, прикинул проплытое расстояние и отметил на карте положение судна.

По счислению выходило, что Медведь-остров вот-вот должен быть на виду. Иной раз и раньше гора открывалась. «Неужто к востоку так сильно увалило судно? — подумал Химков. — Ну, ладно, поживем — увидим. А сейчас изнутри лодью сведаем».

— Федор, крикнул он, приглядываясь к стоявшим на носу.

Из группы зверобоев вышел Веригин и неторопливой развалистой походкой направился к кормщику.

— Пойдем, Федор, посмотрим, под стланью воды нет ли. Лодья — то новая, может, конопать где выпала. Не подмокло бы что.

Они спустились через большой трюмный люк.

В трюме находилось пока только продовольствие и снаряжение артели — больше тысячи пудов различного груза. Ведь на каждого морехода, на случай зимовки, брали солидный запас: тридцать пудов муки ржаной и ячневой, пять пудов толокна, пять пудов соленого мяса, один пуд масла в кашу, два-три фунта меду на кисель, пять фунтов гороха, пять ушатов кислого молока или творога с сывороткой и бочонок ягоды морошки. А тут еще были бочонки с водой, порожние бочки для моржового жира, дрова, лес для постройки избы и многое другое.

Кроме того, в «балластном ящике» лежало с полторы тысячи пудов камня. Отправляясь в дальнее плавание, судно для большей мореходности загружалось камнем. Когда трюм заполнялся промысловыми грузами, «балансный ящик» разбирали, а камни выбрасывали за борт.

Пока трюм наполовину пустовал, и осмотреть его было нетрудно.

Прежде всего Химков проверил, крепко ли стоят наборные части корпуса.

Весь набор держался прочно. Да и немудрено Остов судна, его ребра — опруги — были изготовлены из добротной смолистой ели. Лодью скрепляли поперечные брусья и дополнительная внутренняя обшивка. Каждый поперечный брус, расположенный между бортами, — бимс, или, по поморски, перешва, крепился к бортам четырьмя крепкими кницями, сделанными из корневищ, по две кницы с каждого борта. На некоторой высоте от киля шел второй ряд бимсов, тоже укрепленный кницями имеющими форму буквы «Г». Короткая сторона кницы крепилась к боковой грани бимса, а длинная, прилегала к шпангоутам, упиралась в соседний бимс. Это был второй мощный пояс, идущий по всей длине судна. Во время выгрузки или погрузки на второй ряд бимсов для удобства настилался временный помост.

Кормщик и Федор тщательно осмотрели днище, заглянули под настил, на котором был аккуратно расставлен груз. Там плескалось немного воды. Стали осматривать каждый шов в бортах и кое-где нашли места, откуда вода слегка просачивалась. Однако она проникала в столь небольшом количестве, что не вызывала беспокойства.

Ну, молодец Серебренников! Что конопатка, что осмолка! Хорошо судно сладил. Хорошо, то и дело повторял Химков, вспоминая архангельского судостроителя.

Погода быстро портилась. Солнышко теперь лишь изредка проглядывало сквозь тучи, обложившие весь горизонт.

Тщетно пытались грумаланы разглядеть гористый остров, хотя грозные скалы Медведя давно должны были открыться. Химкову стало ясно, что шелоник отнес судно далеко в сторону.

— Велик увал больно. Держи-ка, Колобов, меж запада побережник,[23] — решил он.

Пока подкормщик приводил «Ростислава» на новый курс, а промышленники подправляли паруса, Химков задумчиво осматривал небосклон.

«Туманом нас скоро покроет, вишь, бель по горизонту стелется», — проносились в голове тревожные мысли.

После перемены курса лодья сбавила ход, так как теперь когда взяли много левее, ветер дул почти прямо в борт.

— Слышь Алексей, — сказал Колобов, — раз туман, тут и лед должен быть. Как в туман войдем, поостеречься бы надо.

Кормщик только отмахнулся — он и сам вполне понимал обстановку.

Туман сначала походил на легкие клубы пара, поднимавшегося над поверхностью моря, но прошло некоторое время — и судно со всех сторон окутала плотная молочная пелена.

Замолкли веселые голоса молодцов промышленников на носу лодьи. Туман заставил всех подтянуться и насторожиться. Тишина нарушалась только шорохом и всплесками воды, рассекаемой судном.

Неслышно, крадучись нападает на морехода враг — туман. Еще недавно и горизонт был чист и солнце светило на ясном небе. Но стоило перейти ветру, и все наглухо окутала белая пелена.

Туман давит грудь, глушит звуки, прижимает их к черной воде. Тяжелеют промокшие паруса, натягиваются, как струны, снасти, все судно покрывается крупными каплями воды. Капель становится все больше и больше, они собираются в ручейки, и скоро не будет сухого места на лодье и сухой нитки на мореходе. Хорошо, если находишься в открытом море и на корабле падежный компас. Тогда судно может идти по курсу вслепую. К берегу и с компасом приближаться опасно. Туман обманет. Увидит дозорный скалистый мыс, да поздно — быть лодье на камнях...

Ване, прислонившемуся к передней мачте, временами казалось, что «Ростислав» остановился, застрял в вате тумана. Но судно, управляемое опытной рукой, продолжало двигаться вперед, к своей цели.

Незаметно над морем сгустились сумерки. Еще непрогляднее стал туман. Палуба опустела. Все вокруг было пропитано пронизывающей сыростью, и холодные струйки воды стекали с набухших парусов.

Скупно перекидываясь словами, мореходы сели за ужин. Похлебав тресковой ухи, заправленной овсянкой, принялись за отварную холодную треску, обильно поливая ее рыбьим жиром.

— Трещечки не пожуеть — и сыт не будешь, — кладя ложку, сказал Шарапов. — Наша поморская рыбка. Говорят, прочих морях она куда плоше: вкуса нет, пресна да тоща.

Но разговор не клеился, и мореходы пораньше улеглись на оленье шкуры, укрывшись теплыми овчинными одеялами.

Не спали лишь вахтенный рулевой и Алексей Химков. Кормщик не раз выходил на палубу; он подолгу вглядывался в мутную темень и часто проверял направление судна по маточке.

Соснул бы часок-другой, Алексей Евстигнейч, — советовал рулевой.

— Путь-дорога морская честна не сном, а заботой — успею выспаться, коли все ладно будет.

Шелоник продолжал нести туман. По морю катилась крупная волна; пенистые гребни вздымались к ползущим над самым морем тяжелым белесым клочьям.

Покачиваясь на волне, выплыла навстречу лодье первая льдина. Она была покрыта живым коричневым ковром: моржи. Могучие, неуклюжие на вид звери мирно отдыхали лежа вплотную друг к другу. Вот один морж поднял клыкастую голову и с любопытством посмотрел на судно. А через минуту и он спал, положив длинные бивни на спину соседа.

Глава третья

ВО ВЛАСТИ ЛЬДОВ

Как слепая, на ощупь идет лодья. Изредка, совсем близко от курса из тумана белыми пятнами возникали большие торосистые льдины. Они внезапно появлялись и так же внезапно исчезали.

Дозорный, забравшись на блинда-рей, напряженно вглядывался во мглу.

— Лево-о-о возьми! — доносился из тумана его голос.

Лодья послушно брала влево, обходя обломок ледяного поля, с гулким плеском качавшийся на волне.

— Так держи-и-и... Чисто!..

То глубоко уходя в воду, то почти оголяясь, ледяная глыба показывала мореходам свои грозные подводные клыки.

Но вот на пути «Ростислава» сразу появилось много больших и малых льдин. Идти дальше, не зная, что впереди, было опасно. Кормщик решил переждать, пока развиднеет. Послышалась команда:

— Эй, молодцы, все наверх, роняй паруса!

Когда паруса были убраны, лодья сбавила ход и остановилась, а лед, подгоняемый ветром, продолжал двигаться, окружая ее со всех сторон.

Поднятые среди ночи промышленники уже не сумели больше заснуть. То и дело кто-нибудь выходил посмотреть, не прояснило ли. Но напрасно: туман и туман...

А льда собиралось все больше. Несколько раз, как бы пробуя силы, он сжимал крутые борта судна. Тогда «Ростислав» вздрагивал, поскрипывая всем корпусом.

Так продолжалось несколько дней.

Беспомощную лодью несло вместе со льдом.

Утихла океанская зябь, укрощенная ледяными полям. Лишь едва заметные колебания палубы напоминали о дыхании моря.

Химков уже второй раз спускался на лед и внимательно осматривал лодью. Пока все было благополучно. Крепкое судно отделялось незначительными царапинами.

Довольный осмотром, кормщик уселся на низенькие перильца у приказинья и, покуривая трубочку, прикидывал, где могла находиться сейчас лодья.

Он не заметил, как около него собрались почти все промышленники. Подошел и Клим Зорькин.

— Ну, попали мы, Алексей Евстигнейч, — обратился к Химкову старый зверобой. — Я во всю жизнь такого туманища не видывал. Ведь так во льдах и зимовать придется. Вокруг Груманта льдов-то ой, ой!

Зачем во льдах зимовать, Климушка? Нам бы только землю увидеть. А там и сами на берегу будем и лодью вытащим. На промысел выйдем.

Столпившиеся на корме мореходы внимательно прислушивались к уверенным словам кормщика. А Химков, ободряя промышленников, незаметно посматривал, что делается вокруг.

Наползая друг на друга, льдины ломались, нагромождая торосы и вновь расходились, образуя небольшие извилистые разводья.

Потерявший за лето свою обычную твердость, разрушенный таянием лед ломался почти бесшумно.

— Зимой бывало торосится ежели лед — как из пушек палит. Стон да грохот далеко слышать. А тут, вишь, какие горы ворочает, как корежит да ломает лед-то, и все молча, шепотом.

Как бы в подтверждение слов Степана Шарапова, большая торосистая льдина беззвучно лопнула и стала медленно расходиться. Казалось, кто-то невидимый быстро провел пером резкую угловатую линию.

Но вот черная полоска воды стала закрываться. Там, где была трещина, с шорохом кучились ледяные обломки. Нагромождаясь вкривь и вкось, куски льда образовали длинную гряду.

«Откуда бы льду летом взяться?»— думалось Ване. Мальчик не сходил с палубы, помогая взрослым и внимательно наблюдая за всем происходящим.

Льды, окружавшие судно, были не одинаковы. Рядом с ровным белоснежным полем — грязно-бурые льдины с холмами-торосами. Сейчас, в тумане, особенно неприглядным казался этот как будто перепачканный чем-то лед, где туман вытянул на поверхность каждую соринку, каждое пятнышко грязи. На многих льдинах между торосами виднелись озера талой воды. Отливая цветом льда, вода в них казалась то голубой, то коричневой, то зеленой...

Куда ни кинь взор — лед и лед... Тут был лед, намерзший за прошлую зиму где-то совсем близко. Тут же были и старые многолетние льды, приплывшие из более высоких широт после далеких и долгих странствий. Во льдах кое-где торча ли стволы вековых деревьев — истертые, исковерканные.

Необъятные пространства занимает дрейфующий лед. Гонимые ветрами и течениями, миллиарды и миллиарды тонн движутся медленно и неудержимо. Ледяные холмы в тридцать и более футов стоят над ровными полями, а в воде под ними лед еще втрое толще.

Но вот мощный ледяной поток упирается в несокрушимую твердь земли или другие льды. Тогда накопленная льдами сила движения обращается против них самих. Ледяные поля сходятся вместе, один пласт находит на другой, гигантские льдины сталкиваются, поднимаются стоймя, дробят друг друга. Море забурлит, застонет, покроется обломками...

Горе кораблю, попавшему в ледяные тиски!

При всей своей мощи льды чутко отзываются на ветер. Достаточно ветру изменить направление, и сплоченные ледяные массивы разойдутся, расплывутся, делясь на части. Появятся обширные полыньи и разводья, по которым возможно плавание кораблей.

Вернемся к «Ростиславу», который все чаще вздрагивал под напором грозных лавин. Становилось заметно холоднее. Туман редел и поднимался кверху. Сквозь клочья быстро несущихся низких, косматых туч показалось чистое небо. На востоке возникла неясная полоса темного берега, уходящего к северу. Как на фотопленке в проявителе у

распывчатого пятна постепенно обозначаются контуры, так освобождался от тумана долгожданный берег.

Но перемена погоды не принесла облегчения мореходам.

Химков, взобравшись на грот-мачту, вот уже минут десять старался отыскать путь для затертого льдами судна. Даже маленькой полоски воды нигде не мог заметить кормщик. Повсюду, насколько хватал глаз, теснились тяжелые непроходимые льды.

Кормщик отлично сознавал опасность, грозившую лодье. Недалек день — ударят морозы и накрепко скуют судно со льдом.

Неизвестный берег понемногу приближался. Теперь до него оставалось не более трех-четырёх верст. Отчетливо были видны скалистые обрывы. В то же время давление на корпус «Ростислава» усилилось. Это значило, что лед уперся в берег.

Целый день безустали работали поморы баграми и пешнями. То с лодьи, то спускаясь на лед, они окалывали судно, всеми силами стараясь ослабить нажим льдов. Упершись багром в нависший над палубой край льдины, весь красный от натуги, Федор пытался столкнуть ее вниз. Ваня тоже орудовал длинным багром рядом с Веригиньгм, задерживая ползущий на палубу лед. Остальные промышленники вместе с Химковым старались при помощи каната и ворота избавиться от льдины, грозившей проломить борт.

Но всем было ясно — не продержится долго лодья в таком льду. Беда нависла над мореходами. Нужно что-то срочно предпринимать.

Воткнув в лед пешню, кормщик крикнул, чтобы все подошли ближе. Прежде всего надо найти для встревоженных людей ясные, твердые слова.

— Братцы, это берег Малого Беруна,[24] — уверенно начал Химков, кивнув на черные скалы. — Затерло нас, и жмет что ни час, то сильнее. Спасать лодью надо. На большой воде[25] льды на расплыв пойдут. По разводьям судно можно провести к берегу... А зимовать ежели придется, так на этом острове наши, мезенские, недавно были — изба тут, должно, новая. А прежде всего разведать надо. Думаю я, вместе с Федором да Степаном...

— Отец! — вырвалось у Вани. — И меня...

Кормщик взглянул на широко раскрытые, полные мольбы глаза сына, чуть помедлил.

— ...да с Ваней думаю я на берег перебраться. Оглядим, куда судно вести и где самим зимовать. А сыщем такое место — сигнал подадим. Старшим здесь Колобова оставлю.

Зверобои молчали, угрюмо поглядывая на льды, отделявшие их от земли. В практике поморов часто встречалась необходимость послать на разведку самых опытных мореходов, причем выбор артели обычно падал на кормщика. И сейчас все понимали разумность плана Химкова, но каждый, наверно, подумал: «Не легкое дело по такому льду до берега добраться. Живыми бы остались».

— Ваня, Степан, Федор, одевайтесь, мешкать нечего. Доставай ламбы,[26] прихватывай багры, — распорядился Алексей. — Шарапов, ты пищаль да больше зарядов бери. А ты Федор, — топор, муки немного да табаку. Сам-то не куришь — не запомнил бы.

Быстро оделись промышленники. Каждый на всякий случай обмотался кожаным ремнем. Вскинув на плечи котомки с припасами, они ждали кормщика.

Химков на несколько минут задержался в своей каюте, чтобы поговорить наедине с Колобовым, отдать ему необходимые распоряжения по судну.

— ...Ну, кажись, все обсказал, — поднялся со стула Алексей. — Вернетесь ежели без меня — всяко ведь бывает, — ребят промыслом не обидь. Купцу все мало, сколь ни привези. А ребятам лишняя копейка вот как нужна... Письмецо Наталье моей передай. Скажи ей... Да нет, ничего говорить не надо: в письме все указано. Ну, бывай здоров, пойду.

Поморы обнялись, поцеловались. Химков надел свою котомку, снял с гвоздя маточку и по обычаю поморов-мореходов привязал ее к поясу. Затем он простился взглядом с какой-то и вышел вместе с Колобовым на палубу.

— Берегите, братцы, лодью, — повторил кормщик, прощаясь со всеми.

— Да уж будь надежен, не сомневайся, Алексей, тебе пусть бог поможет, — загудели в ответ промышленники.

Химков и его спутники сошли на лед, надели на ноги ламбы и с баграми в руках двинулись вперед.

Хорошо были видны на белом льду темные фигуры четырех поморов. Медленно и упорно двигались они к берегу, пробираясь с льдины на льдину. Химков впереди, за ним Ваня, немного правее Шарапов и Веригин.

Лед, как живое существо, старался задержать смельчаков, то преграждая путь невесть откуда взявшимися разводьями, то внезапно бросая поперек дороги торосы.

Все оставшиеся на лодье с волнением следили за своими товарищами. Вот оступися Степан, провалился в воду... Химков вернулся, помогает ему выбраться на большую льдину. Спешат Ваня и Веригин. Ну, слава богу! Опять идут вместе все четверо!

Скоро они стали едва заметны, слились в одно темное пятно. А поморы с «Ростислава» все не отрывали глаз от этого живого пятнышка, исчезающего в белесой дали.

Труден путь разведчиков, но люди пядь за пядью одолевали длинные версты.

Медленно и упорно двигали к они к берегу...

Еще усилие, еще — и вот они, наконец, в безопасности. Выбравшись на берег, все четверо, как по команде, обернулись и посмотрели на свое судно.

Маленькая скорлупка одиноко чернела среди обступивших ее льдов. Сизая струйка дыма вилась рядом с мачтами, казавшимися тонкими иглами. Далеко было до лодьи.

Мореходы насквозь промокли, с одежды стекала вода, собираясь у ног небольшими лужицами. Все тяжело дышали от усталости. И почти невозможным казалось им то, что они только сейчас совершили. Молчание нарушил Алексей.

— Обед, видно, на лодье готовят... И мы отдохнем немного да перекусим. А уж сушиться после будем.

Он с наслаждением опустил на землю, освободил натруженные плечи от котомки и вынул завтрак, завернутый в чистую тряпицу. Остальные последовали примеру старшего, в то же время с любопытством оглядывая незнакомую землю.

В некотором расстоянии от них, справа и слева, на берегу возвышались приметные черные скалы, выступавшие в море небольшими мысами. Меж скал берег был плоским, отлогим. А дальше, вглубь острова, в двух-трех верстах он поднимался крутой стеной, образуя довольно высокое плато.

Кроме мхов и лишайников, не видно было почти никакой растительности. На первый взгляд все уныло, мертво. Только опытный глаз охотника мог определить по еле заметным следам, что здесь водятся животные.

Химков поднялся первым. Привычным движением оправил он сбившийся пояс, сдвинул поудобнее нож и вдруг вскрикнул, всердцах бросив шапку оземь.

Зная сдержанность кормщика, все с удивлением посмотрели на него.

— Маточку затерял!

Взволнованные мореходы обшарили все вокруг, но ничего не нашли.

— Должно, во льдах отвязалась... Пойдем, — вздохнул Алексей, — видать, горю не поможешь.

Поморы приступили к обследованию острова, пробираясь по берегу моря к югу. Едва успев свернуть за мысок, они увидели стадо диких оленей.

Степан схватился за пищаль.

— Не суйся, успеешь! Сначала дело сделаем. Забыл, что ли, товарищей? — сурово остановил его Химков.

Шарапов с сожалением опустил ствол, поглядывая на спокойно пасущееся стадо.

Промышленники продолжали путь, ко всему приглядываясь и прислушиваясь.

Но вот Алексей заметил как будто подходящее место для стоянки судна. Это был приглубый берег из мелкого галечника. Степан с небольшой льдинки проверил багром глубину.

— Ну-к что ж, и не глубоко и не мелко, как раз в аккурат, — спрыгнув с льдины на берег, объявил он, — а вон и камень торчит, надежная зацепа для якоря будет.

— Ну и ладно! Хорошо, удачливо сыскали, — радовался Химков. — Наших бы надо подбодрить. Давай, ребяташки, костер разжигать, сигнал подадим. На расплавах,[27] коли можно, пусть лодью с места двигают. Дело трудное, за одну воду не осилить.

Плавника на берегу было великое множество. Мореходы без труда сложили большой костер и вскоре высокий столб дыма поднялся над берегом. У костра было тепло и уютно, но кормщик торопил товарищей.

— Нечего дело волочить зря. Дальше пойдем. Может, и изба на счастье близко.

Однако впереди виднелись лишь темно-серые скалы, в беспорядке торчавшие по берегу. Тихо было вокруг. Только скрип торосящегося льда в море да шорох осыпавшегося под ногами песка и щебня нарушали безмолвие.

Вдруг Алексей остановился. Его зоркий взгляд приметил в узкой долине что-то похожее на постройку.

— Изба! — закричал Ваня и пустился к ней со всех ног.

Через полчаса все собрались у старой, давно заброшенной постройки.

Избушка стояла, слегка покосившись, и как бы раздумывала: упасть или еще подержаться немного? Бревна в стенах кое-где разошлись, образуя широкие, в ладонь отверстия. Конопатка давно вывалилась. Когда-то для тепла крыша была покрыта толстым слоем земли.

Сейчас тесины местами сгнили, и земля провалилась. Там, где крыша еще сохранилась, разрослась полярная зелень.

Промышленники вошли в избу и, сняв шапки, перекрестились. Понемногу глаза привыкли к полумраку, и можно было рассмотреть помещение. Оно делилось на две части: первая поменьше — сени, и вторая попросторнее — горница, с большой печью налево от двери. Печь была сложена из нетесаных камней, когда-то слепленных глиной. Потолок избы почернел от копоти, а нижняя часть стен до уровня окон была чистая, как будто вымытая. В те времена такие избы были обычными на зимовках. Труб не ставили, и дым из печки выходил наружу прямо через двери или окна. В стенах горницы, почти под потолком, светились три небольших, грубо вырубленных окна. Почерневшие доски, видимо ставни, валялись на полу. Вдоль стен виднелись лавки — полати.

Шарапов потрогал рукой покосившуюся дверь.

— Много лет тут никто не жил. Древняя постройка-то.

— А руки на что? Поправим избу, любо-дорого будет, — уверенно пробасил Федор.

— Гляди-ка, бревна какие крепкие, гнилых почти нигде не видать, — откликнулся из другого угла избы Ваня.

— На то и север, море Студеное. Тут дерево тысячу лет лежать может и не струхлявится, — пояснил Алексей.

Место зимовья промышленникам не понравилось, но изба была подходящая. А самое главное — есть сени, они сохраняют тепло во время зимних морозов. Правда, сейчас по избе гулял ветер, засвистывая в щелях, но это не беспокоило поморов, сызмальства привыкших владеть топором.

Вскоре около избы жарко запылал костер, закипел котелок, прихваченный хозяйственным Федором. Сытые, в просушенной одежде, мореходы расположились в горнице на полатах. Уже начиная дремать, Химков окликнул сына:

— Ванюха, двери прикрой покрепче. Коли ошкуй в гости пожалует, пусть постучится сначала... да пищаль приготовь.

Ваня нашел валявшиеся поблизости от избы куски дерева, жерди и хитроумно укрепил дверь.

Уставшие промышленники погрузились в глубокий сон...

Вскоре после ухода Алексея напор льда на «Ростислав» еще усилился. То там, то здесь дыбились новые и новые торосы, у кормы лед со скрипом громоздился на борт, грозя обломать руль. Судно тяжело вздрагивало и медленно ворочалось под ударами льда и ветра.

Спустившись в трюм, старый Клим обнаружил воду, выступавшую на стлань. Вода сочилась, пробивалась через ослабевшие пазы корпуса.

Захлебываясь, заработала деревянная помпа, со стоном выкачивая из трюма воду. Поморы не жалели рук, налегая на рычаг.

Но лед все крепче стискивал лодью. Отбиваясь от наседавшего со всех сторон врага, мореходы с нетерпением и надеждой поглядывали на остров.

Вот на лодье увидели сигнал с берега. Дымный столб чуть левее двух черных скал указывал, куда вести судно.

— Где лодья ни рыщет, а у якоря будет! — повеселел Колобов. — Верно, ребята, пословка-то говорит?

Труден будет путь. Дождавшись полной воды прилива, потащат поморы вперед лодейный якорь, закрепят его за крепкую льдину, потянут свой корабль по узким разводьям, медленно ворочая воротом. Пешнями и топорами будут расчищать дорогу.

Но не суждено лодье быть у якоря... Ночью ветер перешел в шторм и круто изменил направление. Льдины яростно поползли на борт, ломая и кроша дерево.

Обшивка корпуса стала расходиться, образовались широкие щели. Льды, исковеркав и сорвав с петель руль, набивались под днище, подымая корму. Тщетно пытались поморы баграми остановить наступление льда. Нос судна быстро повалился вниз, на мгновение задержавшись коротким бревном бушприта за торос. Но только на мгновение... Вместе с оторвавшимися досками обшивки и частями креплений бушприт рухнул на лед. С грохотом, ломая переборку, посыпались на нос камни из «балансного ящика», еще больше приподнялась корма. Выворачивая и ломая палубу, упала передняя мачта. Из разрушенной поварни валилось на лед имущество мореходов. Покатились глиняные миски, разбилась на куски кирпичная печь. Повисли в беспорядке изорванные и спутанные снасти. Вот грот-мачта пошатнулась и нагнулась вперед, расползлись по швам раздавленные карбасы, раздался приглушенный водой треск, и внутрь корпуса хлынул студеный поток...

Откачивать воду было уже бесполезно.

— Ребята! — крикнул Колобов. — Лодью не спасти. Выходи на лед!.. Забирай припасы!..

Мореходы бросились было к трюму, но, глянув на гнувшиеся и трещавшие опруги, заколебались.

— Не хоронись от смерти, смерть труса ищет! — хлестнули по сознанию слова Колобова. В накинутом на плечи полушубке, без шапки, он стоял на вздыбленной корме, ухватившись рукой за ванты.

Через мгновение поморы были в трюме, хватали все, что еще не покрыла вода, и сбрасывали на лед.

И вот, что можно было сделать, — сделано. Промышленники сошли на лед и сняли шапки перед гибнущим судном.

Сгорбился и опустил голову Клим Зорькин. Мозолистые, не ослабевшие еще за долгую жизнь руки его сейчас беспомощно повисли. Тяжело было у него на сердце, жалко сморщилось лицо старика, слезинки запутались в седой бороде.

«Эх, „Ростислав“!.. Вот ведь как лодью жалко. Кабыть не ее, тебя самого льдом ломает!»

...судно тонуло. Поморы собирали разбросанное на льду снаряжение...

Исковерканное судно тонуло. Поморы собирали разбросанное на льду снаряжение, готовились идти на берег.

Но и здесь им не было удачи. Внезапно льды зашевелились: это опять переменился ветер. Теперь он дул вдоль берега к югу, унося лед, полузатопленное судно и заметавшихся людей в море.

Побежавших было к берегу мореходов остановило черное разводье... Голос подкормчего потерялся в завывании ветра...

Никто больше не слышал о десяти храбрых поморах и о судне, принадлежавшем купцу Еремею Окладникову, что из Мезени.

Рано утром, выйдя на берег и взглянув на море, Алексей Химков долго не мог понять, в чем дело. Он дернул себя за бороду, думая, что еще спит.

Но нет, то была действительность. Лед, только вчера лежавший сплошным покровом до самого горизонта, исчез. Вместе с ним исчезло и судно...

Вместо серо-белой взъерошенной поверхности льда большие волны ходили по свинцовому морю, у берега местами белел припай[28] да торчали приткнувшиеся на мель стамухи.[29] Море с рокотом разбивалось о ледяные глыбы, о голый скалистый берег, уходивший в мутную, тоскливую даль. Из-за гор ползли низкие тучи. Они задевали за острые вершины и, оборванные, лохматые, закрывали небо. Лишь изредка косые лучи солнца золотили на минуту стылую черноту каменных громад.

Резкий, порывистый ветер туманил слезою глаза. Он с силой бросал в лицо мелкие камешки и шумливо гнал их по берегу, словно опавшие осенние листья.

И шквалистый ветер, и пустынное море, и мрачное небо, и каменные громады представлялись в этот момент кормщику как что-то единое, враждебное. Мозг Химкова напряженно работал, ища выхода и не находя его. «Одни... без припасов, без оружия...»

Но вот издалека, сквозь льды и туманы, через все Студеное море глянули на него лица жены и детей, оставшихся дома... Губы их шевелились, как будто говоря: «Не оплошай, Алеша, отец! Вернись, кормилец. Погибнем мы одни. Сбереги себя».

Прошла минута, другая. Пелена сошла с глаз, — вспомнил, где он и что с ним. Вспомнил Ваню, товарищей, еще спавших, ничего не зная.

— Нет, рано сдаваться. Хоть и страшон и силен ты, Грумант, а русский человек сильнее. Выдюжим!

Алексей выпрямился и сжал кулаки. Он, простой мореход, принял вызов судьбы и решил бороться до конца.

Обернувшись, он увидел показавшихся из-за скалы Федора, Степана и Ваню.

Глава четвертая

ОДНИ НА ОСТРОВЕ

— Здорово ночевали! — весело приветствовал Химкова Степан, но тут же осекся, по лицу кормщика почувствовав неладное.

Химков молча показал на море.

— Где же льды? Где «Ростислав»? — в голос воскликнули мореходы.

— Вынесло ветром со льдами... или, может быть... погиб, с трудом ответил Алексей.

— И мы погибнем! — вскрикнул каким то не своим, отчаянным голосом Веригин.

Замолчи, Федор! — строго оборвал его кормщик. — Что с тобой? Отец твой не раз, помню, говаривал: «Лучше помереть в море, чем в бабьем подоле». Будем ждать, авось вернется лодья.

— Да не то, Алексей, не боюсь я. Только тяжело мне, ровно камень на сердце... Не будет лодьи! Век будем ждать. Одна надежда на бога.

— На бога надейся, да сам не плошай. Не придет судно — перезимуем. Зимовка-то нам не впервой, сделаем все, что надо, и проживем хорошо. А тебе и пять зимовок нипочем. Ишь ведь, детина какой уродился!

Веригин, что-то бормоча, хмуро глядел под ноги.

— Ну что ты горюешь? Не пропадем. Еще зверя напромыслим и с деньгой домой вернемся, — ободрял Алексей павшего духом великана.

— Ежели дружно, и десять годов ладно проживем. Дружбу — ее и темь, и мороз, и пурга боится. Верно я говорю, ребята? — поддержал Химкова Степан, улыбнувшись товарищам. — И ты, Ванюха, испугался, небось? — неожиданно спросил он мальчика. — Страшно ведь на Груманте зимовать: медведи, морозы лютые.

Ваня посмотрел на отца, на Шарапова, на Федора и ответил с недетской серьезностью:

— Нет, Степан. С отцом да с тобой не страшно. Мамку только жалко, одна ведь. А с Федором я бы нипочем не остался. Страшно с Федором.

Алексей и Степан молча переглянулись, а Федор быстро поднял глаза и рванулся к мальчику.

— Ванюшка, родной!.. Други! А разве я... — загудел он срывающимся голосом. — Нет у меня страха... да ведь дело какое! Пашеньку-то знаете, Малыгиных дочку... ждет меня ... Летом на тот год сватать хотел... Не подумал я — у тебя, Алексей, жонка, детишки дома... Простите, родные...

— Чего там, Федор, знаем ведь, каков ты человек. Вишь, молчальник, про свадьбу словом не обмолвился! Вот вернемся домой, мы со Степаном сватами будем, ладно, што ль? — уже шутил Химков. — А теперь, братцы, за работу. Зимовка то у нас, говорить нечего, трудная. Кабы знать, как дело обернется, припасу бы поболее взять. Да что вспоминать, теперь не поправишь...

Здесь, на Груманте, даже при хорошем снаряжении все требовало от людей огромного труда, изворотливости, подлинного мужества и стойкости. А четверо мореходов оказались почти ни с чем. На затерянном среди льдов и туманов полярном острове им предстояло все делать самим, с боем отвоевывать у природы каждый день жизни.

Но они не унывали.

— Ну, ребяташки, поглядим, что мы с собой-то взяли, — сказал Химков.

Поморы вернулись к избе и выложили перед Алексеем все, что у них было. Подсчитать запасы оказалось нетрудно. Они были очень невелики. Пищаль кремневая, рожок с порохом на двенадцать зарядов и двенадцать пуль, топор, котелок, полпуда муки ржаной, огниво и немного труту, один багор — остальные сломались при переправе по льду. Кроме того, у

каждого был большой промысловый нож.

— Все же не с голыми руками, — с удовлетворением отметил Химков. — И с таким припасом, ежели с разумом, большие дела можно делать. Ну, а теперь слушайте. — И, как всегда, Алексей толково объяснил, с чего начать, за что приниматься. — Первое дело — избу исправить, — говорил он, загибая палец, — Потом на зиму зверя добыть, дров запастись. Ежели будет время — остров разведем, на полдень становище должно быть. На моей памяти мезенские там новую избу ладили. А здесь нам жить неспособно. Зимовье-то наше русское, да без понятия поставлено, словно заморскими руками. Дверями-то уж всякая изба промысловая на берег глядит, а наша — в лощину. И берег далеко да не ладный, добром сюда лодья не пойдет, разве, как нас, несчастьем забросит. А и подойдет ежели, все равно нас с лодьи не доглядят. Да и нам за морем следить неспособно.

— А почему изба в лощине, а не у берега построена? — спросил внимательно слушавший отца Ваня.

— Я и сам пока в толк не возьму, сынок.

Все согласились с планом Алексея. Но прежде всего мореходы хотели выполнить старинный обычай: поставить крест на берегу. Недаром они позаботились прежде всего о кресте. Поморские кресты отнюдь не всегда обозначали могилу. Чаще всего они служили своеобразными маяками. Кресты ставили на самой высокой точке мыса или берега, где они резко выделялись среди скал и снегов и были издали видны с проходящих судов.

Сколотив высокий крест из плавника и укрепив его камнями, мореходы возвратились к избе...

В старых поморских лоциях кресты различались по числу и величине; еще не так давно они возвышались на многих приметных местах архипелага. Только в XIX веке эти памятники старой русской морской культуры были безжалостно уничтожены появившимися на Груманте норвежскими промышленниками.

Сколотив высокий крест из плавника и укрепив его камнями, мореходы возвратились к избе, до мелочей пересмотрели все, что нужно исправить.

— Вот тут, — говорил Федор, искусный плотник, — бревна больше погнили, заменить надо. А в остальных местах только перебрать. — И тут же отметил, какие бревна нужно сменить. Для конопатки решили использовать мох, которого на острове было сколько угодно.

— Потолочные доски, Федор, тоже бы надо пригнать плотнее, — указывал Алексей, пробуя раздавленные тесины.

— Хороший потолок тепло сохраняет, а плохой — зиму в избу загоняет, — поддакнул Степан.

Кроме того, решено было заменить дверные косяки, притолоки, пороги и сколотить новые двери попрочнее да с крепкими засовами. Ставни к окнам тоже не были забыты, старые пришли в полную негодность.

Исправить развалившуюся печь взялся Алексей. Ему не раз приходилось класть такие печи и дома и на зимовках.

— За камнем дело не станет. Камнем весь остров завален, а вот с глиной как, братцы, быть? — задумался Химков. — Хорошую печь без глины не сложишь. А она здесь есть, раз печь на глине стоит и пол глиняный. Ведь не возят же ее на Грумант!

Мореходы, отбросив мрачные мысли, с жаром обсуждали неотложные дела.

Нужно было подумать и о пропитании.

— Ну-к что ж, кабыть и обедать пора, — посмотрел на солнышко Степан. — Не будешь сыт — не поработаешь. Так ведь, ребята?

— И то правда, — согласился Федор. — Олешка бы нам сейчас спроворить. Как бы ладно было.

— Пока порох есть, тужить нечего. Двенадцать зарядов — это двенадцать оленей. Как, Степан? — обратился Алексей к Шарапову.

Степан Шарапов ухмыльнулся в усы. Он слыл среди зверобоев «Ростислава» лучшим стрелком и недаром числился в артели носошником. Бить без промаха из кремневого самодельного ружья — искусство нелегкое. Но среди поморов было много метких стрелков.

— Ну вот что, Степан, бери четыре заряда. Оленей выбирай покрупнее и пожирнее. А Ваня в помощь тебе будет.

— Поспешайте, ребяташки. За оленем далеко ходить нечего, везде их много, — поторапливал проголодавшийся Федор.

Действительно, впоследствии выяснилось, что на острове водились не только олени. Здесь был богато представлен весь морской и наземный полярный животный мир.

На отлогих берегах, у самого моря, находились моржовые лежбища. Ближе к горам и по разлогам вдоль речушек, где рос серый лишайник, ягель, паслись стада дикого оленя. Часто встречались по моховым долинам тундровые куропатки. В изобилии водился песец. В озерах с чистой водой плескалось много крупной птицы, прилетавшей на лето с юга. В разных местах острова иногда попадались огромные белые медведи, подстерегавшие добычу.

Когда в избу был принесен первый убитый Шараповым олень, его осмотрели с особым интересом. Оказалось, что здешний олень поменьше, чем на Новой Земле или на материке. Добытый охотником олень был крупный самец, весил он пудов пять. Цвет имел не бурый, а белесый с темными полосами вдоль спины — переходный от летнего к зимнему, рога полностью отросли и очистились от мохнатой шкурки. Освежевав оленя, мореходы удивились обилию нежного жира.

Разделявая тушу, Степан тщательно вынимал хребтовые и ножные сухожилия: они пойдут для изготовления прочных ниток. Одежда и обувь, сшитая такими нитками, не промокает на месте швов. В шкуре оленя не нашли ни одного свища. Это было удивительно: шкуры оленей с материка почти всегда испорчены личинкой мухи. Муха, или, вернее, овод, кладет свои яички на шерсть оленя. Личинки — а их бывает до двухсот, — развиваясь, пробуравливают кожу и живут в ней. Весной личинки выползают наружу и сваливаются на землю. К лету они превращаются в мух.

— Потому шкура груммантского оленя и ценой дороже, что в ней вовсе дыр нет, — заметил Федор.

Особенно был хорош камос — кожа с ног оленя, употребляемая специально для обуви и рукавиц. Камос поморы снимали возможно аккуратнее.

Шарапов и Ваня отлично справились с заданием. Скоро четыре жирные олени туши висели невдалеке от избы.

Запасшись провизией, грумаланы с новыми силами взялись за работу. Прежде всего нужно было снабдить Федора лесом для избы. Лес выбирали из плавника и сносили его ближе к

жилью.

В плавнике встречалось немало ценного. Тут были доски судовой обшивки погибших в море кораблей, разломанный шпангоут, брусья, толстые круглые обломки мачт. Ваня нашел почти целый деревянный руль от большой лоды, а Федор набрел на остаток лодейного ворота, засыпанный песком. К великой радости зимовщиков иногда попадались обломки такелажа с болтами и скобами, гвозди и другое железо. Это были особенно нужные находки, — все железо тщательно собирали.

Лес для избы заготовили в течение двух дней. Федор безустали стучал топором, пригоняя бревна.

Роясь в плавнике, поморы обратили внимание на одно интересное обстоятельство. Плавник в обилии валялся не только у самой воды, но и вдалеке, почти около избы, у крутых горных склонов, то-есть верстах в двух от берега. Как ни старались промышленники понять эту загадку, так до истины и не добрались.

Однажды, собирая плавник, Степан окликнул Химкова:

— Смотри-ка, сколь глины нанесло. — И он указал на устье мутного ручья с мягким илистым дном. — А ну пойдём вверх — предложил Алексей, — посмотрим, откуда ручей глину несет.

К большой своей радости, они скоро обнаружили глину в ущелье, верст за пять от моря. Сделав из досок носилки, за день натаскали ее, сколько нужно, и тотчас приступили к ремонту печи. Затем привели в порядок и глиняный пол.

Работы по подготовке к зиме успешно продвигались вперед. В повседневных хлопотах незаметно уходило полярное дето.

Лес для избы заготовили в течение двух дней.

Химков тщательно следил за временем. С самого начала он поставил в горнице доску и на ней зарубками обозначал каждый прожитый день. Праздники он отмечал крестами.

Однажды в солнечный день Алексей позвал сына:

— Ну-ка, Ванюша, давай часы мастерить. Пока солнышко по небу ходит, пусть оно нам время показывает.

На ровной открытой площадке Алексей вбил прямую тонкую жердь. Длинная тень упала на землю.

— Прежде всего, Ваня, мы стороны земные узнаем. Тогда и ветры сподручнее будет примечать. Вот солнышко к полдню движется — тень от жерди все короче будет. — С этими словами Химков снял поясной ремень и привязал его к нижней части шеста. К другому концу ремня, на расстоянии, как раз равном длине тени, он прикрепил небольшую палочку и, как циркулем, вычертил на земле небольшую дугу. На конце тени он вбил острый колышек. — Теперь, Ванюха, смотри не зевай. Тень сначала совсем окоротеет, а потом, как солнышко за полдень пойдет, снова вытягиваться станет. Только она до моей черты доберется, ты в то место другой колышек вбей. Тогда и мне скажешь.

Кое-что о солнце мальчик уже знал: знал он, что в полдень оно бывает как раз на юге. Если в полдень встать к солнышку лицом, то на правой руке будет запад, на левой — восток, а позади — север. Все это было ему знакомо; теперь его разбирало любопытство узнать, как отец будет делать часы. Едва тень коснулась черты, Ваня вбил второй колышек и тотчас позвал отца.

— Молодец! Сейчас полуденную линию найдем. Алексей разделил дугу между колышками пополам и провел от шеста к середине дуги длинную линию.

— Вот эта стрелка как раз север показывает, а другой ее конец, где я перышки нарисовал, на полдень смотрит. Алексей провел новую линию поперек первой.

— Смотри, черта вправо — восток указывает, а влево — запад.

— Знаю, отец. А часы как замечать? — не выдержал Ваня.

— Сейчас, — Химков провел накрест еще две линии. Получилась восьмилучевая звезда. — Вот тебе и часы, Ванюха. Между лучами как раз по три часа времени протечет. Примечай тень и часы отсчитывай. Понял, сынок?

Ваня кивнул головой.

— А теперь прапор[30] на крыше сладим.

Алексей взял жердь, прикрепил сверху крестовину и в самый конец воткнул гвоздь. На гвоздь насадил крыло от большой чайки — бургомистра. Все это сооружение он пристроил к крыше избы, придав лучам крестовины истинное направление на страны света.

Ваня долго еще вертелся у солнечных часов, наблюдая, как медленно движется за солнышком тень, делаясь все длиннее и длиннее...

Устраиваясь пока в старой избе, Алексей не оставлял намерения перенести зимовье на южный берег и разведать остров поподробнее. Попутно он хотел выяснить, где находятся лучшие места для промысла моржей, где расположены удобные становища, на случай, если в будущем придется снова вести лодью на Малый Берун.

В том, что они попали на Малый Берун, и именно на его западный берег, Химков не сомневался. В ясные дни он отчетливо видел на западе снежные, остроконечные вершины соседнего Большого Беруна.

Химков знал, что между этими островами тянулся пролив, достигавший в южной части ста верст ширины. «Ростислав» погиб именно в этом проливе, почти всегда заполненном дрейфующими льдами.

Грумаланы долго не теряли надежды на возвращение судна. О «Ростиславе» больше не говорили, но ежедневно всматривались в море.

Там ничего не было видно.

Глава пятая

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Прошло несколько дней с тех пор, как в избе заменили последнее негодное бревно, старательно проконопатили стены, плотно, доска к доске, уложили крышу и потолок. Давно просохла заново сложенная каменная печь.

Завершение первоочередных предзимних работ позволяло Химкову привести в исполнение его замысел обследовать весь остров. Но стала хмуриться погода. Однажды ночью крупными липкими хлопьями пошел мокрый снег, с моря навалил густой туман.

Непогожее время не пропало для Алексея даром. Ему удалось смастерить новый интересный прибор.

Готовясь к исследованию острова, он долго ломал голову, как обойтись без компаса и в то же время точно определить направление береговой линии.

— Что замолк, Алексей, о чем думу думаешь? — участливо спрашивал Федор.

— Хотел чертеж наших берегов сделать, да матки нет... И примыслить ничего не могу.

Веригин стал что-то вспоминать.

А matka-ветромет разве к делу негодна? Отец-то мой без ветромета и в море не ходил. Штука простая, смастерить недолго.

Алексей просиял и обнял товарища.

— Спасибо, надоумил. Теперь я с чертежом за милую душу управлюсь... Ванюха! — крикнул он сыну. — Найди-ко мне тесину поровнее, да мигом, не копайся.

Когда подходящая доска была разыскана, Химков, не откладывая, приступил к делу.

— Округ-то кабыть в аршин надобен, а, Федор? Такой ведь ветромет у отца был? — показал он размер руками.

— Такой, такой, хорошо помню, — загудел Веригин.

— А я вполовину меньше сделаю, — способнее будет в пути. Ветра да межники размечу — и довольно.

Химков разрезал пополам дюймовую доску, сбил половинки гвоздями и аккуратно процарапал окружность в пол-аршина диаметром, работая топором и ножом, он вырезал ровный круг и разбил его перпендикулярными линиями на шестнадцать секторов.

— Теперь, Федор, помоги: дыры по краю выжги и одну дыру в середине не забудь. А я палочки тем временем выточу.

— Ладно, давай, — с охотой отозвался Веригин, взял круг и, присмотрев на полке гвоздь по размеру, сунул его в огонь.

К концу дня были готовы и палочки. Восемь величиной в папиросу и восемь поменьше лежали стопочкой на столе; палочку подлинней — с пол-аршина — Алексей держал в руке. Скоро Ваня увидел готовый прибор — копию первого русского компаса-ветромета, известного с глубокой старины.

— Вот, Ванюха, эти палочки поболее, ветрами называют, — они главные. Ежели, примером, эту за север возьмем, тогда другие как назовешь? Ну-ка, сказывай.

Ваня, указывая по порядку пальцем на большие палочки, отвечал:

— Полуночник, веток, обедник, полуденик, шелоник, запад, побережник...

— Правильно, молодец! А вот эти палочки поменьше — межники, потому что между ветрами они стоят. Эти назови.

— Меж-севера полуночник, меж-востока полуночник, меж-востока обедник, меж-лета обедник, меж-запада шелоник, межзапада побережник, — бойко отсчитывал мальчик.

— Ай да Ваня! Да ты в кормщики гож, хоть сейчас лодью давай, — рассмеялся Степан, ласково теребя его за чуб.

— Большие матки в тридцать две палочки делают, продолжал Алексей. — Шестнадцать малых палок стриками зовут, а по заморскому — румбами. У каждого стрика тоже свое название есть... Ну, спасибо, ребята, теперь чертеж у нас справный будет.

— Как же, Алексей, матка эта действует без стрелки-то — дерево ведь одно... — нерешительно произнес Степан. Алексей улыбнулся.

— А это что? — указал он на торчавшую посередине прибора высокую палочку. — Это и есть стрелка. В полдень солнышко по ней, как на наших часах, тень бросит и аккурат все ветры укажет.

— Понял, понял, — закивал головой Степан. — Ну-к что ж, по солнышку я и так дорогу сыскать умею... А вот ежели нету солнышка, как сейчас, примером, тогда как?[31]

— А кресты на что? — вмешался Федор — Кресты ведь, по закону, на восток ставлены — крылья север тебе укажут. Вот и ставь ветромет по кресту: с моря далече разобрать можно, куда крест глядит.

Ну, а ежели и крестов нету? — не унимался Степан.

— Того быть не может, чтобы русский человек на своей земле креста не поставил, — пробасил Федор. — Все мысы, губы да становища крестами помечены. А других людей, кроме русских по всему Студеному морю нет.

— Твоя правда, Федор, — подтвердил Химков. — В море ежели — ветромет по солнцу да по звездам дорогу укажет. А по берегу идешь — кресты замечай, тоже верно. Хороша вещица: и время и путь по ней узнать можно. Одно плохо: по морю идучи, другой раз ни солнца, ни звезд вовсе не увидишь... А давно штуку эту наши мореходы выдумали, магнитной стрелки и в помине не было...

Действительно, ветромету русские мореходы были обязаны той точности, которая искони соблюдалась ими в лоциях и морских картах — чертежах. Поморский прообраз компаса широко употреблялся на севере до появления магнитного, но, несомненно, он применялся и в более позднее время при плавании вблизи берегов, а особенно в районах, изобиловавших островами и подводными камнями.

Соорудив ветромет, Химков восполнил потерю маточки и мог приняться за карту берега. Чем заменить бумагу — он догадался давно: гладкой доской.

Дождавшись, когда солнце вновь оживило помрачневшие скалы и низины. Алексей и Степан Шарапов стали собираться в дальний поход на юг. Федор, большой домосед, сам просил оставить его дома. Ване, хоть он и умолял взять его с собой, тоже пришлось остаться: отец был непреклонен.

— Побудешь с Федором, — отрезал он.

С завистью смотрел Ваня на веселые дорожные хлопоты Степана, но делать было нечего. А Степан, напевая песенку грумаланов, лукаво посматривал на загрустившего мальчика:

Друг на друга мы взглянули,

Тяжелехонько вздохнули:

«Ну, ребята, не тужить!

Надо зиму здесь прожить.
Поживем, попромышляем,
Зверей разных постреляем,
Скоро темная зима
Проминется сама;
Там наступит весна красна.
Нам тужить теперь напрасно»

— Не горюй, Ванюха, — утешал Федор, — придет еще твое время, находишься.

Прощаясь. Химков наказывал:

— Ну, Федор, смотри, за хозяина остаешься. О чем говорили, не забывай. А ты, Ваня, траву-салату поищи. Ее здесь по берегу немало растет. Сколь можешь больше собирай. Зимой на оленьем мясе щи варить будем: и вкусно, и против цынги хорошо помогает. С Федором траву эту нарубите да заквасьте, как капусту, Федор тебе и корыто смастерит. Где салаты много растет, те места замечай. Ежели заболит кто, будем из-под снега траву весной доставать. Норы песцовые примечайте. Вернемся — кулемки поставим.

Прихватив с собой багры, пицаль, заряды и по доброму куску вяленой оленины, поморы ясным сентябрьским утром двинулись в путь.

Дорога шла по берегу моря. Версту за верстой Алексей замечал контур береговой линии. Концом ножа он вырезал на гладко оструганной доске все значительные мысы, выдающиеся в море, заливы, бухты, прибрежные камни, опасные для судов, и все приметные места. Отойдя немного к югу от двух черных скал, мореходы увидели большой залив, тянувшийся на десять — двенадцать верст. Совсем рядом уходил в море низкий песчаный мыс.

Ножом на гладкой доске Алексей вырезал карту острова.

Вдруг Алексей подтолкнул Степана локтем.

— Гляди, медведи! Целое семейство.

Важно переваливаясь и не обращая внимания на людей, по берегу шла рослая медведица с двумя мохнатыми медвежатами.

Химков назвал песчаную косу Мысом Трех Медведей. Залив между скалами решили назвать заливом Спасения, а большую бухту — бухтой Ростислава и отметили их на походной карте.

Дальше на протяжении всего пути берег уходил прямо на юг, почти не изменяя характера.

Ширина низкой прибрежной полосы, покрытой то галечником, то крупным песком, была различной. Местами отвесные скалы подходили почти к самому морю, местами отступали вглубь острова, образуя небольшие долины по берегам мелких речушек, шумливо сбегавших с горных склонов.

Все низкие береговые участки представляли отличные ягельные пастбища. Олени стада то

и дело встречались на пути, особенно у водопоев. Смешные маленькие оленята резвясь возле маток, неуклюже прыгали, взбрасывая свои длинные ноги.

— Тьма здесь оленей! — то и дело восторгался Шарапов. В море на льдинах отдыхали, греясь на солнце, морские звери.

На низких берегах не раз встречались залежки моржей.

— Вот где зверя промышлять надо, Степан! — радовался и Химков — Если выберемся целы, только сюда артель поведу.

— Путь-то не легкий. Зверь тоже умен, собрался, где бьют его мало.

Путь тяжелый, это верно. Все льды и льды... — вздохнув, согласился Химков — Когда то еще мы судна дождемся...

— Ну-к что ж, не впервой русским на Груманте.

К концу третьего дня берег резко повернул сначала к юго-западу, а затем к востоку, образовав тупой широкий мыс, которым оканчивался западный берег. Этот берег Химков назвал Моржовым.

Идти стало труднее. Прибрежные скалы неприступными обрывами подходили прямо к морю. Появились во множестве морские птицы. Они лепились на утесах, куда не могли забраться песцы и медведи.

Химков решил все же пройти к южному берегу. Подъем на высокий скалистый мыс оказался сложным. Пробираться пришлось вдоль горного потока, русло которого местами суживалось до тесного ущелья. Кривой путь приходилось искать, когда дорогу преграждал водопад, сверившийся с уступа на уступ: неширокая горная речка с размаху бросалась вниз, на вечно мокрые спины камней, и, пенясь в водовороте, неистово шумела. Иногда к реву воды примешивался глухой стук: поток толкал по каменистому дну крупные валуны, увлекал их к морю.

Несмотря на трудности, Алексей не забывал свою карту. Он заполнял ее по масштабу десять верст в дюйме. Масштаб был намечен прямо на доске. Большие расстояния брал на глаз, а где можно измерял шагами или багром, еще в плавании разбитым на сажени и футы.

Ночь путники провели у костра в небольшой пещере почти на середине подъема.

Разведя огонь, отправились собирать мох и скоро вернулись с двумя большими охапками. Когда костер прогорел, Степан багром сгреб угли в сторону. — Ну-к что ж, — позевывая, сказал он, — нынче тепло будет, как дома на печке.

Химков покрыл горячий камень мягким слоем мха, и усталые поморы заснули, лишь поворачиваясь на другой бок, когда начинало слишком припекать.

Утром их разбудил сильный пронизывающий ветер. Небо было ясное, холодное, солнце низко стояло над горизонтом.

Пещера находилась у каменистой площадки на отвесной скале, опускавшейся прямо в море. У самого края площадки громоздились острые камни. Некоторые из них еле держались. Степан чуть прикоснулся ногой, и огромный камень угрожающе заколебался над обрывом.

— Оберегайся! — крикнул Алексей. — До беды недолго. Стоит одному камню упасть, за ним тысячи пойдут. Попадешь в камнепад, живым не быть.

Поморы осторожно легли у края скалы, сняв шапки, чтобы не уронить. Их глазам открылся один из красивейших видов острова. Внизу расстилалось темное море, покрытое белой пеной плавающей птицы; отвесный мыс был облеплен кайрами и чайками, сплошь закрывшими черные камни. Сидящие на узком карнизе, совсем близко от охотников, кайры без всякого страха смотрели на две всклокоченные головы над скалой.

— Велики птичьи базары на острове. Жаль, прошло время яйца собирать. А неплохо бы яичницу сейчас...

— Успеем еще за зимовку попробовать. Ну, пошли дальше, насмотрелись.

Дорога вела все выше и выше, но после хорошего отдыха она покачалась много легче. К полудню путешественники добрались до перевала.

Химков укрепил на куче камней свой прибор и, дождавшись полудня, когда тень от длинной шпильки ветромета показала север, осмотрелся.

К западу горели снеговые вершины Большого Беруна. На юге расстилался огромный залив с бесчисленными черными островками, сверкающими голубыми айсбергами и множеством плавающего льда. В прибрежных низинах осколками стекла поблескивали озерки. В глубине острова виднелась высокая, довольно ровная поверхность, покрытая ледниками и голыми скалами. Морозы избороздили остров трещинами и ущельями; ледники рассыпали там и сям груды каменных обломков. Высоких гор на Малом Беруне не было.

Химков быстро наносил на карту все, что видел, пока его не отвлек возглас Степана.

— Ну-ка, поди сюда, глянь, — манил его рукой товарищ, показавшись из-за большого камня.

Они нашли тесаный, в несколько саженой, крест, поваленный на землю.

— Заметка на кресте-то, Алексей, топором кто-то высек, — Шарапов ткнул пальцем в широкую нижнюю перекладину.

«22 апреля 1732 года», — прочитал Химков и некоторое время что-то молча соображал.

— Ну да... Как раз тем годом и зимовали наши мезенские-то. Теперь и избу найдем. Где-то близко должна быть.

И тут же, взглядевшись в отлогий берег маленького заливчика к востоку от мыса, он взволнованно воскликнул:

— Гляди, зимовье, Степан! Видишь, чернеет? Вот радость-то! Недалече, рукой подать, там и заночуем. Сперва только крест поставим на место.

Крест был тяжелый, грубо, но крепко сколоченный из толстых бревен плавника. С ним пришлось долго повозиться.

Сверившись с ветрометом, Алексей и Степан установили этот поморский маяк ребрами точно на север — юг.

Спустившись на берег, они обогнули небольшой мысок и оказались возле заброшенного зимовья. На фоне вечернего неба темнело несколько небольших крестов. Проходя мимо покосившихся, старых надгробных памятников, мореходы сняли шапки.

Тут же стояла плавниковая изба, с мрачно темневшим дверным отверстием. Невдалеке виднелся сруб другой, заметно разрушенной избы. Алексей высек огонь и зажег сухую щепу, подняв ее к дверному брусу над входом.

Медленно разбирая славянскую вязь, он прочел. «Сия изба староверска», — и как-то нерешительно вошел в сени. За ним Шарапов. Из сеней в горницу двери были плотно закрыты. Удары по двери глухо отдались в темной избе.

— Ну-ка, ломай двери, — сказал Алексей.

Долго возились поморы, стараясь отбить толстые доски. Видимо, дверь была приперта чем-то изнутри. Стали осматривать окна. И окна были плотно закрыты. Когда удалось выбить одну ставню, из избы пахло затхлым холодным воздухом.

Химков первым влез в окно, осторожно нащупывая ногой полати. Степан передал ему горящий пук лучины и тем же путем забрался в избу.

— Кто-то лежит на лавке, — прошептал Шарапов. Они подошли ближе. При свете лучины на них глянуло черное лицо мертвеца. Друзья невольно отпрянули и перекрестились.

Кто был этот человек, умерший в одиночестве на безлюдном острове, далеко от родной земли?

— От зверей, видно, спасался, высказал догадку Шарапов, глядя на дверь, заваленную камнем.

Мореходы решили похоронить покойника, но копать яму в мерзлой каменистой почве было нечем, и они оставили его пока в избе, прикрыв окно. — Последним умер. Остальных схоронить успел, вишь, крестов сколько, — все еще шепотом говорил Степан, выйдя на волю и озираясь по сторонам.

Молча стояли поморы, стиснув в руках шапки. Наконец Алексей, пересилив себя, очнулся.

— Долго здесь тело человеческое не гниет, — думая о чем-то другом, сказал он. — Ведь сколько лет прошло...

Уходя из избы, они взяли закопченный медный котелок, нож и топор. Пищаль без зарядов и пороха была бесполезна, ее оставили на месте. На рукоятке ножа из пожелтевшей моржовой кости было вырезано неровными буквами имя владельца: «Иван Медведев».

Подумав, Алексей вспомнил:

— Слышал, был такой. Крепкий старик, хороший промышленник. Не одну зимовку пережил, да здесь, вишь, и смерть свою нашел... Но избу эту не Медведев ставил, помнится, будто другой кормщик был...

Залив, у которого было расположено зимовье, Химков назвал Крестовым, так же как и высокий мыс, на котором они устанавливали крест. Берег напротив, покрытый ледниками, назвали Ледяным, а его западный скалистый мыс — Летним.

Переночевали в сенях и утром двинулись в обратный путь, твердо решив перебраться сюда.

— Приметил, Степан? Здешняя изба дверью прямо на берег выходит. И становище на полдень... Все как надо.

Перевалив Крестовый мыс, мореходы снова спустились к морю. Все громче и громче становился шум прибоя. Начинался шторм.

Пока они смотрели на широкую, ровную поверхность моря с горы, им трудно было представить, что едва различимые складки и тонкие белые барашки вблизи превратятся в грозные валы, с ревом опрокидывающиеся на берег.

— Смотри, Степан, кипит море у мыса, будто раскалили камень да в воду поставили!

— Ну-к что ж... правда, — невозмутимо ответил Шарапов.

Перебравшись по камням на самую оконечность мыса, на островок, выступивший в море, они залюбовались величественной картиной.

Море бросало на каменную громаду мыса горы воды. Вгрызаясь в берег, волны яростно били его камнями; шумно откатываясь, они уносили с собой новые обломки, отвоеванные у скал.

Море заглушало все остальные звуки, и чтобы сказать что-то Алексею, Шарапов тронул его за плечо.

— Чего ты?

— Ходуном под ногами наш остров ходит!

— Новый удар потряс островок и покрыл его тучей соленых брызг. Степан и не заметил, как ноги сами отнесли его подальше от грозно набухавшего вала, готового вот-вот обрушиться на берег.

— Пойдем, Алексей, на матеру! — в самое ухо ему крикнул Степан, поеживаясь не то от воды, попавшей за ворот, не то от ощущения смутного страха перед слепой силой стихии.

Мореходы стали осторожно перебираться на берег.

Дальнейший путь к своей избе они проделали без особых приключений и к концу пятого дня благополучно вернулись домой.

Встреча была радостная, у яркого, веселого огонька, после сытного ужина, путешественники с наслаждением закурили свои трубочки. Сберегая остаток табака, они разрешали себе это удовольствие только в особых случаях.

После путешествия Химков отдыхал всего один день. За этот день он успел привести в порядок свои путевые чертежи и раскаленным гвоздем подчернил линии, вырезанные на доске. Получилась довольно подробная карта юго-западного побережья острова.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Сентябрь — лучшее время охоты на оленя. Нагуляв на летних пастбищах жир, животные покрылись пушистым зимним мехом. Нужно было серьезно подумать о заготовке мяса. Шкуры должны были пойти на изготовление постелей и обуви, для утепления избы. Долгая полярная ночь требовала немалого запаса жира для освещения жилья.

Промышленники решили истратить все оставшиеся заряды, чтобы добыть оленей.

Излюбленные животными места водопоя были уже известны зимовщикам. Ответственное поручение взял на себя Степан Шарапов.

Однажды в засаде, в ожидании зверя, Степан рассказывал увязавшемуся с ним Ване о повадках зверя.

— Олень страсть как сторожек, слышит и видит далеко. И нюх у него острый, и хитер он. Во время пастбы морду всегда против ветра держит. И в пургу собьются в кучу, а головы против ветра обернут.

Рассказывая, охотник то и дело выглядывал из-за камня, где они прятались. Неожиданно он умолк, всмотрелся и подтолкнул Ваню:

— Гляди, стадо!

— Не вижу...

— А вон там, чернеется. — Да это кустики какие-то.

Шарапов засмеялся:

— Не кустики, а рога, олени в западинке, сейчас увидишь.

Действительно, на ягелевой тундре вскоре показалось небольшое стадо оленей, голов на тридцать. Они шли к ручью.

Шарапов, в накинутаой на плечи оленьей шкуре, стал медленно подкрадываться к стаду, стараясь держаться против ветра. Приблизившись шагов на пятьдесят, он метким выстрелом в голову наповал убил животное.

К его удивлению, стадо и после выстрела продолжало спокойно пастись.

— Непуганый, видно, зверь здесь, не понимает гибели своей.

Шарапов сбросил маскировочную шкуру и, не остерегаясь, поднялся во весь рост. Олени заметили его, остановились, но не уходили.

Снова выстрел — упал еще олень. Только тогда стадо круто повернулось и ринулось прочь.

Едва дотащили охотники добычу к жилью.

Оленину нарезали кусками и по поморскому обычаю на вешалах — деревянных шестах — провялили на солнце и ветре. Часть мяса закоптили, а шкуры, очистив от жира, развесили просушить. На ночь мясо и шкуры убирали в сени, хороня от песцов и медведей.

Шарапов продолжал охоту, пока оставались заряды. Однажды, возвратившись из тундры, он сказал:

— Принимай, ребята, — памятный, восьмой. Последним выстрелом уложил. Теперь пищаль хоть в море кидай, все равно стрелять нечем, — горько пошутил Степан, сбрасывая с плеч оленью тушу.

Из двенадцати зарядов не осталось ни одного.

Все эти дни Химков усиленно искал выхода, думая, чем заменить ружье, как охотиться, как добывать пропитание, когда кончится запас оленины.

И он решил смастерить лук.

Еще не так давно это оружие употреблялось на Руси наряду с кремневыми пищальями. И неудивительно: трудно было грубому кремневому ружью стать рядом с достигшим совершенства луком.

Двенадцать стрел в минуту мог выпустить хороший лучник. Стрелы пробивали железные

кольчуги и латы на далеком расстоянии. Воин, сделавший на сто сажений хотя бы один промах из двенадцати стрел, считался плохим стрелком. Позже, в конце XVIII века, было устроено состязание между лучниками и стрелками из ружей. Тем и другим дали по двадцать выстрелов в одну и ту же мишень на расстоянии трехсот футов. В результате в мишени нашли шестнадцать стрел и только двенадцать пробоин от пуль. Лук долго занимал почетное место у всех народов на охоте и на войне.

— В старину, — вспоминал Алексей, — у поморов лук был главным оружием, а у некоторых жителей тундры он в ходу и по сей день. На конце стрелы железо должно быть. Остренной костью тоже стрелы снаряжают, да хуже это, с железом никак не сравнить.

Знал Химков, как сделать лук, но где добыть нужное дерево и тетиву?!

— Для лука, чтоб бил крепко да далеко, лиственницу надо, — советовал Шарапов. — А еще лучше корень лиственницы толщиной в вершок, а длиной в сажень. Таким луком на сто шагов оленя убить можно. А тут олень совсем близко подпускает. Лиственницу в плавнике поищем.

— А тетиву для лука из сухожилий медвежьих делают — сам видел, — вспомнил Алексей.

Против медведей, по совету Федора, решили применить обычную у поморов рогатину.

Охотничий припас стал самым важным делом. День и ночь зимовщики мастерили оружие, призвав всю свою изобретательность и сметку.

Для отковки рогатины и наконечников понадобилась целая кузница. Под наковальню приспособили гранитную глыбу, торчавшую около избы. Из двух отростков оленьих рогов, связанных наискось сухожилиями, смастерили клещи. Молот сделали из большого железного крюка, найденного на берегу, среди остатков разбитого судна. Из оленьей шкуры Шарапов изготовил кузнечный мех, а Федор припас хорошие древесные угли.

Когда кузня была готова, охотники выковали из железных стержней и гвоздей покрупнее копы для рогатин и четыре наконечника для стрел. Наконечники Алексей закалил и отточил на камне.

Федор выбрал для рогатины деревянный, в руку толщиной, держак и прочно прикрепил к нему оленьими сухожилиями копы. Силач-помор не только оленей валил без промаха, но был и знатным медвежатником.

Стрелы для лука изготовил Шарапов. Железные копьевидные наконечники он насадил на легкие сухие еловые лучины длиной в два фута. Другой конец стрелы он оперил четырьмя половинками крупных чайчьих перьев.

Ваня тем временем часами копошился в плавнике, пока, наконец, ему посчастливилось найти ствол лиственницы с ветвистыми корнями, недавно выброшенный морем. Один из корней как нельзя лучше подходил для древка лука.

Теперь оставалось сделать тетиву. Опасна охота на медведя с простой рогатиной, но зимовщики не могли считаться с этим и решили добыть зверя как можно скорее.

Готовясь к охоте, Федор повесил над дверью избы кусок оленьего мяса. Затем он разжег костер и бросил в него несколько кусков жира.

— На двадцать верст учует добычу ошкой, — объяснил Федор не отступавшему от него ни на шаг Ване. — Теперь будем ждать гостя.

Федор и Алексей распахнули дверь, а сами притаились в сенях, у Федора в руках была

рогатина, у Алексея — топор.

Медведь пришел к избе перед восходом солнца. Вытянув морду, он издали жадно втягивал вздрагивающими ноздрями дразнящие запахи горелого жира. Осмелев, стал осторожно кружить возле избы, постепенно приближаясь к приманке. Вот он нерешительно остановился у двери, поднял морду. Охотники слышали тяжелое дыхание зверя, видели черный кончик его подвижного носа. Постояв немного, медведь поднялся на задние лапы, чтобы достать мясо.

Медведь пришел к избе перед восходом солнца.

Этого только и ждали охотники.

Федор выскочил из засады и бросился чуть не под брюхо ошкучу. Тот злобно зарычал на неожиданного противника. Федор с размаху всадил зверю рогатину между ребрами, целясь в самое сердце, упер держак в землю и пригнулся. Ошкуч взревел, взмахнул лапами, пытаясь зацепить врага, но Федор уже отскочил в сторону.

Все произошло почти молниеносно. Алексей едва успел выбежать вслед за Федором, как поединок был уже окончен.

Ошкуч оказался огромной медведицей, в сажень длиной и пудов на двадцать пять весом. Когти на мускулистых лапах достигали четырех дюймов.

Осматривая распластавшуюся тушу, огромные лапы и страшные клыки, зимовщики поздравляли Федора.

— Глядите! — вдруг закричал Ваня.

Все обернулись.

Из-за камней, неуклюже переваливаясь, бежал маленький медвежонок. Жалобно скуля, он мохнатым белым шариком подкатился к неподвижному телу матери.

Ваня стремглав сбегал в избу за ремнем и в два счета опутал медвежонка. Очутившись в плену, зверек шипел, вытягивал трубочкой губы и норовил укусить мальчика. Но тот был в восторге от поимки медвежонка.

— Отец, я оставляю его себе, — твердил он.

— Ладно уж, может, веселей с ним будет. Только, Ваня, ты и заботу возьми на себя. Следи, чтобы не баловался зверь.

Так на зимовье появился новый житель — мишка.

Федор еще раз осмотрел медведицу.

— У нас на матерой земле ошкучи-то и больше бывают, — сказал он и, взяв нож, начал свежевать тушу.

Быстро сняли шкуру, сало уложили в деревянное корыто, часть мяса развесили коптить, а остальное решили провялить. Особенно тщательно мореходы отделяли сухожилия для тетивы, ради которой и была затеяна эта опасная охота.

Через несколько дней лук был готов. Его испытали на дальность, меткость и силу удара. Оказалось, что на семьдесят шагов стрела пробивает смолистую сосновую доску толщиной в дюйм. Ежедневно упражняясь с луком, поморы все увеличивали расстояние до мишени. Искусный стрелок из пищали, Степан и тут оказался ловчее всех. Он учил Ваню.

— Ты становись вот так, левым боком к цели, — показывал мальчику Степан. — Крепче конец стрелы пальцами захватывай да натягивай тетиву сильнее, чтоб острожок стрелы к спинке самой подошел. Большой палец ухо заденет — тогда и стрелять можно. Примечать надо, Ваня, как сильно тетиву тянешь: разницы каждый раз быть не должно, а то стрелы мимо полетят.

Ваня с трудом натягивал тугой лук.

— Что, тяжеленько? — смеялся Степан. — Тут, брат, по боле полпуда пальцами держать надо. Да ничего, привыкнешь. Все стрелы были сделаны одинаковыми по весу, чуть-чуть утяжеленные в передней части.

— Тут точность нужна. Не будет меткости, если разные стрелы будут.

То место тетивы, где накладывают стрелу, Степан аккуратно обмотал для прочности тонкой жилой. После каждой стрельбы он снимал тетиву, ослабляя натяжение дровца.

— Если тетиву оставить — долго не прослужит лук. Силы в нем не будет, стрела у самых ног упадет. Еще замечай, Ваня: выгиб у лука, вот здесь, смотри, спинкой прозывается; нежное это место. Не дай бог ножом или другим чем дерево тут повредить. Тогда конец луку придет. А здесь — брюшко. Ежели лук сам будешь ладить, смотри, чтобы у дровца концы от середины одинаково гнулись. А ежели одинакости нет, тогда на брюшке подскоблить для ровности нужно.

— Спасибо, Степан, за науку, спасибо, — повторял благодарный мальчик.

Наступил день, когда на охоту за оленями с новым оружием вышли все, кроме Федора, опять оставшегося хозяйевать.

Охоту, как всегда, возглавлял Степан. Он легко подошел к стаду на пятьдесят-шестьдесят шагов, и из четырех выпущенных им стрел только одна не достигла цели.

— Ну-к что ж, хорошо бьет! Стреляешь — зверь не пугается, а кабы из пищали грохать, так олени через полгода и за версту бы нас не подпустили.

Подойдя к убитым животным, охотники вынули стрелы.

— Наконечники надо поуже да длиннее, и заострять лучше, оттачивать перед каждым выстрелом, — заключил Шарапов, изучая первые трофеи.

На следующий день охота возобновилась. Теперь зимовщиков беспокоило только одно: сохранить стрелы. Для этого каждый выстрел должен был быть смертельным, иначе раненый олень убегал и стрела пропадала. Охотники продолжали без усталости тренироваться.

Как бы там ни было, с рогатиной против медведя и луком на оленей голодная смерть уже была не страшна.

Сентябрь кончался. Оставшееся светлое время следовало использовать для охоты на морского зверя.

— Носок железный для кутила[32] нужно бы сделать, Алексей, — сказал Шарапов. — А ну, лодья зайдет к нам, что же мы с пустыми руками домой вернемся? Без кутила как обойтись?

— Верно, а добыть надо прежде всего зайца. Хоть одного бы: ремни нам надобны, а для этого лучше заячьей кожи нет — больно крепка.

Зайцами поморы называют наиболее крупный вид тюленей, длина которых достигает восьми

футов, а вес — пятнадцати-восемнадцати пудов. Кожа, незаменимая при выделке промысловых ремней и подошв для обуви, самое ценное, что дает это животное. На всех старинных лодьях такие ремни заменяли веревки и канаты. Крепкие поморские ремни издревле завоевали славу на Руси.

Кутило соорудить было не хитро. Острый железный наконечник — носок — свободно насаживался на длинный, в сажень, деревянный шест. К носку крепился ремень — обора, длиной пятьдесят-шестьдесят сажений. Древко служило для метания кутила. Когда носок попадал в зверя, древко всплывало на поверхность. Чтобы носок не соскочил раньше времени, охотники обычно несколько раз оборачивали ремень вокруг шеста и, готовясь к удару, придерживали ремень рукой.

Если охотились с лодки или карбаса, то к концу оборы привязывали небольшой бочонок. Бочонок выбрасывали в море, и он, как поплавок, указывал, где находится подбитое животное. На льду для задержки зверя конец оборы крепили к большой пешне, воткнутой в лед.

Охота была назначена на завтра.

— На новом месте промысел начинаем, поворожить бы для удачи, — предложил Федор. — Заговор-то, Алексей, чай, знаешь?

— Нет, не знаю, — улыбнулся Химков.

— Врешь, поди. Старым старостой ты никогда бы не был, если заговора не знал!

— Какой старый староста? — заинтересовался Ваня. Алексей улыбался в усы и молчал, но мальчик не отставал: «Расскажи да расскажи».

— Да вот в позапрошлом году, — начал Химков с неохотой, — был я с нашими, мезенскими, на Мурманском берегу. Много там промысловых становищ. По стародавнему обычаю, чтобы на охоте не было распри, артельщики выбирали промеж себя старого старосту и винились ему во всем свято.

— Нерушим у промышленников обычай этот, — с чувством вставил Федор.

— Обычай-то правильный... Словом, выбрали меня старым старостой, и весь сказ.

— Нет, Алексей, ты уж все нам говори, — вмешался лукаво усмехавшийся Степан.

— А сам не знаешь? — попробовал снова уклониться Химков. Но, видимо, воспоминания затронули кормщика, и он продолжал: — Ну, а дальше, как выберут, везут старого старосту на себе от становища до становища, в кереже, — такие санки оленьи об одном полозе, как челн с острым носом. Поездом старого старосты это называется. Да в каждом становище вином угощают и обливают водой, а то и помоями.

— Помоями? — не удержался Ваня.

А это чтоб не зазнавался. Почет тебе почетом, да помни, что народом выбран. Под конец еле живого домой везут: пьяного, да всего в грязи... Ну, а наутро старосте полная власть. Супротив него никто не может идти. Сказано — сделано. И когда начинать, где кому промышлять — перечить никто не могли.

— А что ж ты про заговор молчишь? — не унимался Федор.

— Ну, заговор ты лучше моего помнишь, — закончил Алексей и закурил трубку.

— Ну-к что ж, Федор, ворожи. Слыхал и я, другой раз помогает, ежели ворожея хорошая. Полдела жить, коли бабушка ворожит, — трунил Степан.

— Со смешком да с ухмылками дела не сладишь, с обидой ответил Веригин. — А заговор-то как не помнить, помню.

Выйдя из избы, он обернулся к морю лицом и торжественно начал:

— По благословению господню, идите, святые ангелы, ко синему морю с золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море ветром и вихрем и сильною погодою, и возбудите красную рыбу, и белую рыбу, и прочих разных рыб, и зверей морских, и гоните их из-под мха и кустов, от крутых берегов и желтых песков, и чтобы они шли к нам, рыболовам и звероловам Алексею, Степану, Ивану, Федору, и не застаивались бы при красном солнце, и не задерживались бы на льдинах среди моря, и шли бы в наши заводы, сети и ловушки, и не пятились бы наших ленных и конопляных сетей и всяких разных ловушек, и не пужались бы наших выстрелов и колотушек. Не дайте, святые ангелы, тем зверям и рыбам, очам их — виду, ушам их — слуху, и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звериную ловлю от уроков и от прикосов, от еретика и еретицы, от клеветника и клеветницы, от мужней жены и вдовицы, и от девки-простоволоски, и всякого ветреного и проходящего человека и порчельщика, отныне и довеку аминь.

Теперь можно и на охоту, — уже откровенно хохотал Шарапов.

Через час, захватив свое немудреное снаряжение, промышленники были на пути к морю.

— Ты, Ваня, заговору тому не верь, — говорил Алексей примолкнувшему сыну. — Руки сильные да глаз верный охотнику нужен, тогда и удача придет. И зверя надо знать все повадки его и хитрости. Помни, плохому охотнику ни какие слова и заговоры не помогут.

Тут Алексей остановился.

— Глядите, у скалы той, что носом прямо к морю выходит, припайные льды остались. Там зверь лежать должен. Мелко тут море, а заяц только на мелководье держится. И ветер противный от зверя дует. Из-за скалы по припаю нам ползти нужно. Да без шума, чуть что зверь со льда сольется, в воду уйдет. Да вот они и зайцы!.. Вон, вон, чернеет!

Охотники осторожно вышли на лед. Впереди Шарапов за ним Алексей, у каждого в правой руке было наготове кутило, в левой — обора из ремня, взятого еще с «Ростислава».

Ремни были короткие и слабые, но других пока не имелось. Позади шел Ваня. Он впервые попал на такую охоту и следил за каждым движением старших.

Припай был небольшой, шириной саженой в триста. Зайцы лежали у самой кромки, близко друг к другу. Их легко было узнать по темным спинам и светлым, серебристым головам.

Алексей подал знак, все легли и поползли к залежке.

Звери беззаботно спали, не чуя беды.

Охотники подбирались все ближе. Шагах в пяти от животных они вскочили и враз метнули гарпуны. Метили в спину, чуть пониже головы. Это было самым верным. При ударе в голову острие могло скользнуть по крепкому черепу. А в спину носок входил глубоко и надежно.

Раненые зайцы мешками свалились со льдины и потянули за собой обору. Охотники накинули ремни на пещню и медленно потравливали их. Вскоре животные почти в том же месте показались из воды, но, глотнув воздуха, снова скрылись. Так повторялось несколько раз, пока они не обессилели.

Теперь можно было подтянуть добычу к кромке припая Ваня помогал сначала отцу, потом Степану. Прикончив зайцев, их тут же на льду освеживали.

— Только тогда и получается хорошая кожа, если шкуру сразу снять, — учил сына Алексей.

Раушки — туши зверей — остались на берегу, их было не дотащить.

Обратный путь показался длинным, нелегко было волочить по камню тяжелые шкуры с салом. По дороге, откуда ни возмись, пристали песцы: с визгливым лаем они бежали вслед охотникам, стараясь ухватить за шкуру зверя. Приходилось только удивляться их нахальству и смелости.

Ваня заметил, что у морского зайца очень длинны усы.

Для чего они? — добивался он у отца. Но Алексею и сам не знал, что усы зайцу служат органами осязания. Этот зверь, питаясь почти исключительно мелкими беспозвоночными, живущими на дне моря (голотуриями, моллюсками, рачками), своими длинными усами нащупывал добычу. Наконец добрались до зимовья, Федор ожидал их у порога.

— Ну, заговор твой помог, дядя Федор, — поспешил обрадовать его Ваня, хитро поглядывая на отца.

Федор, слушая рассказ охотников, прикидывал, сколько весит жир с одного зайца.

— Пудов пять будет, — решил он. — Знаешь, Алексей, сварим немного сайпы, а то грязными ходим. — Поморы называли сайпой мыло из ворвани с золой и на промысле всегда готовили это дешевое снадобье.

Степан был особенно доволен тем, что решился вопрос с промысловыми ремнями.

Глава седьмая

КАК СОХРАНИТЬ ОГОНЬ

Зима приближалась. Ночи стали длинными и холодными, приходилось ежедневно топить печь. Напряженная работа на зимовье и охота измотали промышленников, но времени для отдыха не оставалось. Они решали теперь новую задачу: как в любых условиях поддерживать огонь. Все знали, что среди снегов и льдов без огня прожить нельзя.

В то время огонь добывался с помощью кремня и огнива. Стальной пластинкой — огнивом — ударяли по кремню; от искры зажигался трут — сухой гриб или фитиль из пережженной тряпки. Тлеющий фитиль воспламенял мелкие сухие стружки.

Трут, захваченный Химковым с лодьи, кончался. Алексей пробовал приготовить фитиль из грубой холщовой рубахи, но самодельный трут упорно не хотел гореть.

Конечно, поморам были известны способы добывания огня трением дерева о дерево. Химков, немало повидавший на своем веку, знал, что именно так добывали огонь северные племена. Но он также знал, что дело это требовало не только настойчивости, но, главное, особой сноровки и умения. Не меньшее значение при таком способе имело качество древесины. Недаром люди старались поддерживать постоянный огонь в жирниках, считая это более легким, чем каждый раз вновь добывать его.

Мореходы тоже решили сохранять огонь непрерывным горением светильни, Федор Веригин немало потрудился над глиняными плошками и аккуратно вылепил четыре замысловатые посудинки с длинной ручкой и носком для фитиля, просушил их на воздухе и затем обжег в печи.

Ну вот, добро, теперь он от нас никуда не денется, подливай только жирку вовремя, — говорил Федор с гордостью, ставя свои изделия перед товарищами.

Светильню тут же опробовали. В избе весело заиграл огонек, отражаясь на довольных лицах друзей.

— Ежели огонь в печи поддерживать, дров на острове не хватит. Ведь одному богу известно, сколь зимовать придется.

— Ну, ну, Федор, опять за свое. Пора и перестать. А за плошки спасибо, хоть сто лет теперь перезимуем. Сто лет... тебе все шутки, Алексей!

Сегодня у Федора было хорошее настроение, и он не стал спорить, только чуть-чуть виновато улыбнулся, щуря свои красивые, немного грустные глаза.

Несколько дней светильник действовал исправно. Но вот жира стало уходить намного больше, чем в первые дни.

— Другую плошку заправить надо. Ишь, капает, видно трещина есть, — предложил Степан.

Зажгли новую, а утром, осматривая забракованный жирник, Федор не нашел никаких трещин. Ничего не удалось обнаружить и простукиванием посудинки черенком ножа.

— Глина слабая, — догадался Федор.

Действительно, не прошло трех дней, как потекла и вторая плошка. Всем стало ясно, что виновата глина, а не мастер.

Веригин решил во что бы то ни стало сделать хороший светильник и однажды удивил Химкова просьбой дать немного муки.

— Не откажи, Алексей. Вот решил попробовать клей заварить да жирник пропитать. Может, лучше будет.

Муки у зимовщиков было мало, ею заправляли похлебку, но попытку Федора стоило поддержать.

— Ладно, делай. Бери сколько надо, обойдемся и без муки, — без колебаний ответил Химков.

Вновь слепил Федор четыре плошки. Высушил их, прокалил, и опустил в клейкую мучнистую жидкость, кипевшую в котле. Минут через десять он осторожно вынул плошки и выставил их на воздух остыть. К радости мастера и его товарищей светильники теперь хорошо держали жир. Для большой надежности этим же клеем Федор пропитал тряпку и обмотал драгоценные сосуды — хранилище огня. Фитили решили делать из белья.

Кремень, огниво и остаток трута Алексей бережно уложил в небольшую кожаную сумочку — трутоношу — и спрятал в укромном месте.

Морозы, сначала слабые, заметные только ночью, вскоре стали чувствоваться и днем. На ветру уже прихватывало носы и уши. По речкам и на пресных озерах острова появилась гладкая корочка льда. Ваня ждал, когда таким же гладким, ровным льдом покроется море.

Уже несколько дней море было тихим и спокойным. Лед на нем появлялся пока по устьям речушек, где вода была почти пресной, и тянулся узкой неровной полоской вдоль берега. Ваня заметил молодой ледок и около приткнувшихся на отмелях старых торосов, тоже окруженных талой, пресной водой.

Но однажды, выйдя с отцом на берег, чтобы добыть нерпу для медвежонка, Ваня не узнал моря. Еще вчера чистая темная поверхность воды покрылась большими сероватыми пятнами, похожими на застывший жир.

— Смотри, Ваня, сколь сала[33] за ночь родилось. По такому морозу, видать, завтра станет море.

Трудно стынет морская вода, не то что пресная, на реках-то.

Ване еще не приходилось видеть, как замерзает море, и на следующий день с рассветом он снова был на берегу.

Море преобразилось. Лед на нем оказался серым, шершавым. Молодой лед был еще тонок, всего в три пальца, но при тихой морозной погоде он быстро крепнул. Это был настоящий морской лед «нилас».

— Вот где Ваня наш ни свет ни заря пропадает! — вдруг послышалось сзади.

Мальчик обернулся. Около него, широко улыбаясь, стоял Шарапов.

— Смотри, дядя Степан, как лед на волне гнется! В самом деле, лед плавно колебался, будто далеко, на том берегу пролива, кто-то держал концы большого серого рядна, изредка встряхивая его.

— Ты не думай, хоть тонок лед и гнет его взводень, а крепок он. По такому льду мы за тюленем ходим и лодки торосные за собой волочем. И гнется он под ногами, да не ломается. В нашем море такой лед «ночемержа» прозывают, затем что становится он морозными ночами, в тихую погоду. А пригреет солнце — пропадает, от ветра в чепуху разобьется.

— А лодьей по нему плыть можно?

— Вишь, прыткий какой! Салом ежели плыть — можно, судам не вредно. А на зиму глядя, в такой вот лед попадет лодья — ходу не будет. Зимовать надо. С морозами лед все толще и толще становится. Тогда только на ветер надежда, что лед разобьет и судно вызволит. Вот и сейчас, хорошему ветру разыграться, живо отгонит лед от берега, и море опять чистое будет. А ежели на взводне море стынет, его не сплошь покрывает, как сейчас, а лепешками или блинами. Когда лепешки смерзнутся, не узнаешь моря, как будто на него кто сеть белую набросил.

Ваня жадно слушал объяснения Степана и задавал все новые и новые вопросы.

Поморы-мореходы были пытливыми наблюдателями. Исстари, бороздя Студеное море, они накопили много знаний о природе льдов и полностью владели искусством ледового мореплавания.

Но, конечно, в то время они не могли глубоко разобраться во всех сложных явлениях образования и таяния морского льда. В противоположность льду пресных вод, замерзающих при ноле, начало льдообразования в морской воде зависит от ее солёности. В море обычной, средней солёности лед появляется при двух градусах мороза. Колебания температуры вызывают непрерывное изменение крепости льда, его цвета, прозрачности, удельного веса.

Чем это объясняется?

Кристаллы льда, возникающие при замерзании морской воды, совершенно чисты от всяких солей.

Куда же деваются соли?

Они в виде крепкого рассола частью уходят в воду, а частью прихватываются быстро возникающими кристалликами льда и остаются в его толще в своеобразных ячейках. Но вот мороз крепчает. Лед промерзает, и в охлажденном рассоле снова начинают появляться кристаллики льда. Свойство воды увеличивать свой объем при замерзании знают все. Объем ячеек при этом уменьшается, и рассол под огромным давлением льда — больше тонны на квадратный сантиметр поверхности — выдавливается из ячеек, «гуляет» в толще льда по тончайшим канальчикам-капиллярам. При повышении температуры происходит обратное явление: лед в ячейках тает и объем их увеличивается, увеличивается и общая пористость льда. Тяжелый рассол постепенно просачивается в нижние слои льда, поэтому верхние опресняются. При летнем таянии рассол из ячеек быстро вымывается талой водой.

Это далеко не все, что происходит в толще морского льда, но и в этом видны его отличия от льда пресного.

До наступления полярной ночи охотники хотели еще подготовить все, что нужно для ловли песцов.

Охота на песцов летом была нетрудной. Они в несметном количестве обитали на острове и донимали зимовщиков разбойными набегами на продовольственные запасы. Стоило хоть на минуту оставить без присмотра кусок мяса или сала, ремень, шкуру или кожаную обувь, как эти хищные зверьки тут же появлялись и с жадностью все пожирали.

Куда только песцы не забирались! Часто они подымали страшный шум и гам даже на крыше зимовья. Вцепившись друг в друга, они то пронзительно кричали по-кошачьи, то визгливо тявкали. Приходилось разгонять докучливых гостей камнями и палками.

Постройка ловушек отняла все время до середины октября.

Летние землисто-бурые шкурки не представляли промысловой ценности, но когда требовалось свежее мясо, песцов добывали почти без всяких усилий.

— Ну-ка, Ванюха, открой дверь в сени да постой за углом, — обычно говорили мальчику.

Почти тотчас же на запах съестного из избы зверьки забегали прямо в сени. Ваня захлопывал дверь, и песцы оказывались в ловушке.

К зиме песцы стали осторожнее. Нужно было сооружать специальные капканы-пасти.

Федор и здесь оказался закоперщиком. Весело помахивая топором, он мастерил ловушку за ловушкой. Степан работал его подручным, а Алексей готовил насторожки.

На каждый капкан выбирали из плавника по пять бревен. Четыре шли на боковые стенки, а пятое, потяжелее, служило гнетом. При установке ловушки бревно-гнет подымали вверх. Оно удерживалось навесу с помощью оленьих жил, деревянной лопаточки (сторожка) и палочки (насторожки). Устройство капканов, выработанное вековым опытом охотников, было просто и надежно. Привлеченный приманкой, песец входил в пасть ловушки. Задев протянутую поперек жилу, он сдергивал с зарубки насторожку; насторожка освобождала соединенный с гнетом сторожок — и пасть закрывалась. Так же действуют кирпичные ловушки для птиц. В толстом бревне-гнете Федор вырубал корытце. Падая, бревно накрывало зверька со всех сторон, сохраняя его от других хищников.

Ваня, как всегда, не отходил от взрослых. Он то помогал Степану поворачивать тяжелый

гнет, то вертелся около отца, допытываясь, как действует насторожка.

— А как мы отыщем пасть, ежели ее снегом заметет? Зимой-то сугробы во какие набивают, — поднимал мальчик руки выше головы.

— Найдем места повыше да жерди около поставим. Они нам дорогу укажут.

А на мою долю тоже пасти поставите? — не унимался Ваня.

— Рано тебе, Ванюха, свою долю в промыслах иметь, пока в подручных походи.

Постройка ловушек отняла все время до середины октября. Зато можно было установить сразу по пять пастей на каждого охотника.

В трех приметных местах зимовщики выложили высокие кучи камня с деревянными знаками наверху. На каждом знаке доска указывала направление на следующий знак. Вблизи самой избы, на высоком обломке скалы поставили далеко видный трехсаженный столб.

Когда все было закончено, Степан весело подмигнул Веригину:

— Ну-к что ж, Федор, говорят, по звездам корабли ходят, а по ямам землю знают. А мы с нашими гляднями и добычу в снегу сыщем и в пургу дорогу домой найдем.

— Да не больно-то в пургу дороги видать. Помнишь, как Афанасий Ружников у самой избы замерз? Пять шагов всего до порога оставалось.

Последние светлые дни поморы потратили на заготовку топлива. Они усердно собирали сухой плавник, раскалывали его на мелкие поленья и укладывали вблизи избы. Часть, дров лежала в сенях. В пургу иной раз за порог нельзя будет выйти, не то что из-под снега дрова выкапывать.

Торопились Алексей и его друзья. Их подгоняло жгучее дыхание полярной зимы.

Глава восьмая

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

На три долгих месяца спряталось солнце за горизонт. Промышленники продолжали говорить: «сегодня днем», «завтра утром», но теперь это стало условными понятиями, так как и днем и ночью было одинаково темно. С утра стояла ясная погода, сквозь редкие облака мерцали крупные звезды. Они озаряли призрачным светом белую пустыню и темные громады скал, нависшие над маленькой избушкой поморов.

Надев ламбы и захватив с собой по мотку ременной веревки, Ваня и Шарапов собрались на первый обход своих ловушек.

Нелегко идти в полярную ночь по занесенной снегом неровной поверхности. Обманчивый свет звезд и луны совершенно не дает теней. Путник неожиданно проваливается по грудь в яму, краев которой не видно. Вылезет, сделает шаг и падает лицом в снег, — оказывается, наткнулся на сугроб.

Охотники были тепло обуты, но мороз проникал сквозь меховые чулки — липты — и пимы. Кое-как добрались до ловушек. Из десяти осмотренных капканов два оказались разрушены медведями, в двух съедена приманка. Из остальных вынули шесть песцов.

Проверяя, вновь настораживая ловушки, Ваня и Степан находились порой в полуверсте друг от друга. Но в тихом морозном воздухе каждое слово или покашливание одного прекрасно слышал другой, как будто они стояли рядом.

На обратном пути охотники время от времени останавливались и, пригнувшись, разглядывали на снегу звериные следы. Больше всего было следов песка. Попадались и олени, а иногда дорогу пересекали большие следы ошкуча. Мохнатые лапы медведя оставляли в снегу глубокие борозды, — казалось, тут волочили тяжелую швабру. Были старые следы, обдутые ветром, они возвышались столбиками, были и совсем свежие.

Отогрев в избе добытых песцов, Шарапов аккуратно снял с них пышные шкурки. Песец здесь был очень крупный, с нежным густым мехом чистейшего белого цвета. Две шкурки оказались темноватые, дымчатые. Это был самый ценный голубой песец.

На случай встречи с медведем выходили к ловушкам только вдвоем. Одну рогатину и один топор брали с собой, другой комплект того же оружия оставляли дома. И дома и на охоте ошкуч был одинаково страшен.

Странно вел себя этот зверь. Иногда он в испуге поворачивал от одного вида лыжни, а иной раз смело шел на человека. Особенно опасен раненый медведь, в этом случае он бросался на врага, несмотря ни на что.

Неласкова к людям темная, холодная арктическая ночь. Но как красивы лунные ночи, сверкающие холодным светом белых полей, ночи, озаряемые полярным сиянием — сполохами! С раннего детства поморы наблюдали это таинственное явление, знали его и привыкли к нему, — правда, как к чему-то необыкновенному, но так же неотделимому от ночи, как звезды и луна.

— Степан, дивно как! — едва шевеля замерзшими губами, прошептал мальчик.

Зимовщики могли часто любоваться удивительной игрой загадочного света.

Вот и сейчас Степан, не обращая внимания на мороз, уже целый час смотрит, как на прозрачном своде ночного неба возникают, никогда не повторяясь, все новые сочетания красок и форм. Ваня, прижавшись к Степану, тоже любит сполохами и не хочет уходить в избу, хотя нос у него побелел от холода.

Сегодня сияние было особенно красивым. В разных местах над горизонтом, точно нарисованные огненной кистью, появлялись мощные колеблющиеся завесы рубинового и изумрудного цвета. Мгновение — и они исчезали, растворившись в воздухе. Теперь через весь небосвод кто-то перекинул сверкающий хрустальный мост, а затем яркий зеленый луч, как меч в руках у великана, рассек темный бархат неба. И это видение исчезло. По небу поползли, извиваясь, фантастические огненные змеи, ежесекундно меняя форму и окраску.

Вдруг Ваня вскрикнул. Вихри зеленого пламени охватили все небо, сошлись в зените, и из них выплыла гигантская огненная птица. Она парила в вышине, распластав широкие крылья, сотканые из тончайших прозрачных лучей. Прошла секунда-другая, а на небе снова лишь искорки-звезды да где-то на юге одинокий зеленый луч.

— Степан, дивно как! — едва шевеля замерзшими губами, прошептал мальчик.

На прощанье расточительная природа показала своим благодарным зрителям еще одно феерическое зрелище: в вышине засияла многоярусная блестящая корона, от которой во все стороны мчались многоцветные стрелы холодного огня. Звезды тускнели и терялись в этой величественной игре света, а по снегу перебежали легкие, едва уловимые тени, словно где-то занялось зарево пожара.

— Ну-к что ж, Ванюха, пойдём в избу греться, ещё поглядишь сполохи-то... Кабы правду знать, отчего в небе такой свет, — задумчиво заключил Степан.

Ваня только теперь почувствовал, как он озяб. Сняв рукавицы, он хватался руками то за нос, то за уши, морщат от боли.

— Допытаюсь я, отколь свет в небе, обязательно допытаюсь! — замечтался Ваня, раздеваясь в горнице у горячей печи.

— Трещат другой раз в сильный мороз сполохи, словно из ружей щелкает. Сам слышал. И matka, случается, дурит на пазорях,[34] — заметил Алексей. — Однажды чуть с пути не сбился, когда на Новой Земле зимовал, разыгрались сполохи, стрелка то на полночь, то на восток клонилась.

— А от чего трещат сполохи? — спросил Ваня, все ещё оттирая нос.

— Не знаю, сынок, неведомо мне.

Якуты тоже издавна примечали подобные шумы в ясные морозные ночи и называли их «шепотом звезд». Шумы при сильных морозах, приписываемые полярному сиянию и звездам, скорее всего возникали от дыхания самих людей. Выдыхаемый с воздухом пар, замерзая, иногда в тишины явственно шуршит, потрескивает.

Русские люди издревле наблюдали полярные сияния, отмечая в летописях наиболее примечательные случаи. Их существо первым в мире объяснил Михаил Васильевич Ломоносов. Вопреки Декарту, считавшему северные сияния «отражением блеска полярных ледяных масс», и Галлею, связывавшему это явление с «магнитным истечением у Северного полюса». Ломоносов установил электрическую природу полярного сияния, первым измерил его, отметив «вышину верхнего слоя дуги около 420 верст». Современная наука, развивая учение Ломоносова, объясняет полярное сияние проникновением в верхние слои атмосферы заряженных электричеством частиц, исходящих от солнца. Отклоняясь от своего пути под влиянием магнитного поля земли, эти частицы и вызывают свечение разреженных газов на высоте четырехсот — пятисот километров. Начало зимы было морозным, ясным и тихим. Охотники регулярно ходили проверять песцовые ловушки-кулемки. Запасы шкур и хорошего, похожего на кроличье, мяса непрерывно росли.

Но вот пришло время больших снегопадов. Ходить на промысел становилось все труднее.

Возвратившись как-то с охоты, Федор долго топтался в снях, отряхиваясь и обивая шапкой снег с одежды.

Шест надо с собой прихватывать, долго ль до беды! — говорил он.

— Верно, Федор, — отозвался Алексей.

И с тех пор, собираясь на охоту, зимовщики всегда брали длинную жердь и небольшую деревянную лопатку.

С незапамятных времен поморы знали, что если застигает пурга и нельзя возвратиться домой, единственная надежда спастись — это отсидеться под снегом, укрепит охотник шест, поставит санки стоймя и садится к ним спиной. И все заметет пурга. Только шест над сугробом указывает на заживо погребенного. Бывали случаи, когда пленники пурги оставались под снегом живы и невредимы неделю и больше. Иной же раз товарищи находили под белым курганом лишь окоченевший, а то, по весне, и вконец разложившийся труп.

Однажды пурга застала Ваню и Степана у дальних ловушек и началась как-то незаметно. По сугробам потекли снежные ручейки, поддуваемые ветром, затуманился воздух. И сверху

повалил снег большими тяжелыми хлопьями. Внезапно рванул ветер. Голубой свет луны погас, кругом сразу потемнело, будто все небо забили досками.

Степан встревожился:

— Пошли скорее в избу!

Не окончив проверку пастей, охотники спешно повернули домой. Но было уже поздно. Ветер словно с привязи сорвался, и через какую-нибудь минуту вокруг них гудела настоящая полярная пурга. Морозный ветер метался, кружил густые белые хлопья, бросал их в сугробы и вновь поднимал, перетирая снежинки в мелкий жгучий песок. Злобные порывы снежного вихря сбивали охотников с ног, стало трудно дышать. Губы пересыхали и лопались, ресницы смерзались. Сухой мелкий снег забивал все поры одежды. Держась друг за друга, Степан и Ваня шли по колено в снегу, падали, с трудом поднимались и снова шли, еле передвигая ноги.

Где море, где горы, где изба?.. Пурга закрыла все. Кругом белая зыбкая стена, и в ушах только стон и свист разгулявшегося ветра.

«Беда», — подумал Степан. — Эй, Ваня, давай заляжем! — крикнул он, стараясь пересилить вой пурги.

— ...из сил... выбился, — едва донеслось в ответ. «Ослаб, ох ты, горе...» — помор ухватил мальчика за рукав и притянул к себе.

— Держись, милый, сейчас заляжем, — выдохнул он, сам едва двигая замерзшим подбородком.

Ваня только прижался к Степану, ища у него защиты. Шаратов остановился, приставил к одному из сугробов санки и, не выпуская из рук шеста, сел с мальчиком в снег.

— Не бойся, Ванюха, и хуже бывало, а живыми оставались!

Ваня молчал.

Пурга словно почуяла жертву. Еще злее завыл ветер, и скоро снежная лавина погребла и сани и людей.

Но не так легко живыми похоронить поморов!

Вот сугроб зашевелился. Это Степан надел на руку шапку и просунул ее сквозь снег, сделал дыру, чтобы не задохнуться. Потом он стал уминать боками снег вокруг себя. Освободившись, привстал и высунулся наружу. В лицо, как с лопаты, швырнуло колючим снегом.

— Эх ты, серчает пурга! — пробормотал он, скрываясь в снежную пещеру. По всему было видно, что отсиживаться придется долго, и он стал тормозить мальчика.

— Ну, Ванюха, что примолк? Хоромы-то у нас что надо: и тепло и не дует.

— Спать охота... Да мокроты много... — отозвался Ваня и покрутил шеей, залепленной талым снегом.

— Ну-к что ж, мокро, от мокроты не сгибнешь. А спать нельзя. В носу щекотать надо, чтоб сон не брал... Слышь, Ванюха?

— Да я не сплю, — с трудом отвечал мальчик. Он так измучился, что тяжело было слово

сказать, все тело охватывала непреодолимая слабость. — Не сплю...

А пурга делала свое дело. Сугроб становился все выше. Его уже не пробьешь рукой, в тесной норе стало нечем дышать. Степан то и дело расшатывал шест, пытаясь проделать в снегу отверстие для доступа воздуха.

В избушке напрасно ждали охотников. В светильнике за это время уже успела выгореть полусуточная норма жира, и Алексей несколько раз приоткрывал дверь, подолгу вслушиваясь в шум ветра. Из темноты летели только потоки снега.

Федор, подперев голову руками, сидел за столом. Наконец он не выдержал и встал.

— Пойдем, Алексей... может, близко где наши... Наскоро одевшись, они взяли багры и вышли из избы. Дверь оставили открытой.

Медвежонок, очутившись один, с недоумением посмотрел на уходящих, потоптался по горнице и выскочил вслед за ними.

Все трое исчезли в снежном буране.

Пурга разгулялась вовсю, каждый шаг давался ценой огромных усилий. Но еще тяжелее было на душе у Алексея. «Сынок, Ванюха, сыночек, неужели пропал...» — не выходила из головы навязчивая мысль.

Федор молча, настойчиво пробивался вперед, помогал Алексею. Да разве что разглядишь в этой кромешной мгле, когда со всех сторон бьет и толкает метель, смерть!..

То ли час прошел, то ли пять минут — кто знает! Вдруг медвежонок, все время не отходивший от людей, насторожился и стал принюхиваться, глубоко зарываясь мордой в снег. Фыркнув, он пошел куда-то в сторону.

— Федор, гляди, чует след мишка, не наши ли? Зимовщики решили довериться обонянию зверя и, собрав силы, старались не отставать от него. Медвежонок, часто останавливаясь и принюхиваясь, уверенно забирал все вправо. Внезапно Федор остановился, почти наткнувшись на своего четвероногого проводника, яростно разрывавшего высокий сугроб. А Химков уже показывал рукой куда-то вверх.

— Шест... Шест! — оба бросились разгрести баграми снег. Они задыхались на ледяном ветру, слепли от снежной пыли, но ведь, может быть, каждая минута стоила жизни!..

Ваня был в полузабытьи. До него глухо, издали доносились непонятные слова. Это Степан, стараясь отогнать от мальчика гибельный сон, все говорил и говорил... Но вот Ване показалось, будто кто-то толкнул его в бок. Он открыл глаза, повернулся и — что за чудо!.. Шершавый язык тыкался ему в нос, в щеки, в губы. Слышалось тихое повизгивание.

— Мишка, ты откуда? — восторженно воскликнул мальчик. — Степан, мишка здесь!

Степан же, чувствуя, как сильно задвигался шест у него в руках, думал: «Либо ошкой, либо Федор».

Вскоре Федор добрался до пленников и рывком вытащил из сугроба сначала Степана, потом Ваню.

— Ваня, сынок, думал, не увижу тебя! — бросился к мальчику Алексей.

— Ну-к что ж, братцы, спасибо. Видно, не написана про нас смерть эта, стало быть, жить будем! — благодарил Степан стараясь за обычной шутливостью тона скрыть только что пережитый страх: страх не за себя — за ребенка.

— Не те слова говоришь, — нахмурился Федор, — до избы добраться надо, там радуйся...

Химков, обняв за плечи сына, вглядывался в пургу. Вот он решительно повернулся к товарищам.

Под защитой гор стало идти куда легче.

Ветер с горы... идти против ветра надо. Туда... — он показал рукой в крутой снег. — Потом вдоль горы пойдём. Изба под горой... Против ветра.

Все поняли мысль Алексея. Шли долго, медленно, вязли в глубоком снегу, останавливались, отдыхали.

— Федор, а ведь ветер стихал будто.

— Пожалуй, верно. Только надолго ли?

— К скалам подходим! — закричал Степан над самым ухом Вани. — Не отставай!

Под защитой гор идти стало куда легче. Вот и знак: в белесом вихре проглянул высокий черный столб; блеснул слабый огонек. Он делался все ярче и сильнее, пока не превратился в желтый прямоугольник открытой двери. В колеблющемся свете жирника комариным роем сновали мириады снежинок, оживляя своей пляской безжизненный холод пустыни.

Как хороша и уютна показалась изба!.. На столе приветливо светил огонь, в печи потрескивали дрова, а в котелке закипали вкусные щи из квашеной салаты. На вертеле шипела, поджариваясь, медвежатина. Отогрелись, поужинали охотники, все рассказали, как плутали в пургу, как боялись друг за друга, радостно было у всех на душе. Почти от верной гибели спаслись.

А ведь, ребята, благодарить нам медведя надо. Кабы не он, не найти вас, — сказал Федор.

Тепло в избе.

В печи тлеют горячие угли, а там, снаружи, во мраке ночи лютует вьюга, и ветер с такой силой налегает на бревенчатые стены, что они поскрипывают в пазах.

Чисто лодья на взводне! — заметил кто-то сквозь сон.

К утру пурга разошлась еще злее. Избу так замело, что зимовщики с трудом вышли наружу и долго отгребали снег от двери.

Вот когда пошли в ход запасы дров для печи и жира для освещения!

— Ну, задул полуночник, разыгрался, теперь неделю, а то и боле кружить будет! — Алексей посмотрел на приунывших товарищей и добавил: — Скучать не будем, братцы, работенки много, обутку починить да новую надо сшить.

И правда, Химков никому не давал скучать, изобретая все новые и новые занятия.

Как-то раз, хорошо наточив нож, он стал вырезать из деревянных чурок маленькие фигурки.

Вот хочу сделать заморскую игру — шахматы.

— Помню, отец, ты играл с Савелием в третьем году, еще когда мы в Архангельске гостили.

— Не только я да Савелий, многие наши знают их, сынок. Занятная игра, ума требует. Ты, Федор, по резьбе мастер, помоги мне: таких вот надо четыре — это башни прозываются, этих — кони — тоже четыре.

Общими усилиями были вырезаны все тридцать две фигуры. Федор умудрился обтачивать их даже острием топора. Половину фигур вымазали сажей, а другие оставили белыми.

Таким же образом из широкого обрезка Федор смастерил шахматную доску, расчертив ее на квадраты раскаленным гвоздем.

Кажется, все умел Федор, уж только неповоротлив очень да домосед большой. Впрочем, в решительные минуты вся его неповоротливость разом пропадала.

В общем же он был прямой противоположностью Шарапову — страстному охотнику и весельчаку, которого не брали никакие неудачи и лишения.

Как только шахматы были готовы, они стали одним из любимых развлечений всех зимовщиков.

Попрежнему хватало всякой домашней работы, никто не бездельничал. Ване, как зуйку, поручили уборку избы, чистку и мытье посуды; Федор заботился о приготовлении пищи и хранении продуктов. Снег для вытапливания воды приносили по очереди. Химков и Шарапов рубили и таскали в избу дрова. В свободное время грумаланы любили послушать Степана Шарапова, неистощимого песенника и сказочника.

Слушая то веселые, то заунывные, страшные или шутливые песни, зимовщики, лежа и сидя вокруг Степана, забывали, что они одиноки и заброшены на диком, холодном острове среди океана. Иногда под грустный напев у них нет-нет и блеснет слеза. Вспоминались родные места, семья и все дорогое сердцу, оставленное там, далеко на родине.

Самым признательным и неутомимым слушателем песен и сказок Степана был Ваня. Он мог допоздна сидеть, подперев руками подбородок, не сводя с рассказчика глаз. Его мохнатый друг — медвежонок лежал рядом, свернувшись клубком и временами тихо взвизгивая во сне.

Шарапов и бывальщину рассказывал: про зверей, охоту, плаванье по морям и зимовки на разных промыслах. Иногда в бывальщину незаметно вплеталось сказочное и волшебное, но тоже навеянное самой жизнью. Особенно много знал он сказок-рассказов про цингу. Опасна для промышленников сама болезнь, зловещим было и ее сказочное отражение. В поморских сказаниях «цинга ходит въявь», то есть живет, ходит, разговаривает, как и все люди. Цингу обычно представляли в образе уродливой костлявой старухи.

— Старуха Цинга злющая баба, недаром дочерью царю Ироду приходится, — начинал Степан. — Лицо у нее синее, морщинистое, зубами ляскает, глаза, как у волчицы, горят. Все норовит на человека свою болезнь напустить. И сестер у нее много. Одиннадцать ровным счетом, все красавицы и рее разряженные. Сестры-красавицы во сне охотников обольщают: то женой, то невестой прикидываются. Как захочет молодец еще раз жену или невесту увидеть, так и пропал, спать будет много. Тут старуха Цинга его и прихватит. Является к людям старуха с сестрами своими только в пургу сильную.

— Неужто это и вправду бывает? — недоверчиво спросил Ваня.

Да, сынок, сказку иную от правды не отличишь, — отозвался Алексей. — Есть у страшной старухи Цинги красавицы сестры — сны волшебные. Стерегут они, заманивают нас, погубить

могут того, кто снами утешается да про Цингу забывает.

И про морошку да салату в иных сказках не зря говорится — боится их старуха Цинга. Хорошо еще теплую оленью кровь пить. Тебе, Федор, больше всех остерегаться надо старуху-то да ее сестер молодых. Любишь ты лишнее поспать, смотри заболеешь!

Больше пяти-шести часов, братцы, спать нельзя. На воздухе надо быть, холоду не бояться. Мясом сырым не брезговать. Вот и все наши правила старинные, как от цинги на зимовье уберечься.

Глава девятая

«АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПАЛКА»

Медленно течет полярная ночь. Вот еще прошли сутки. Снова залили жиром светильник, и новая зарубка появилась на деревянном календаре.

Пурга все не стихает, все шумит в снежных просторах за стенами зимовья... Третий день уже свирепствует северо-восточный ветер, полуночник, наметая вокруг каждого препятствия саженьные сугробы и завывая в ущельях. Порой ветер так встряхивает избушку, что, кажется, вот-вот отлетит крыша.

В избе душно и дымно. Ставни вдвинуты внутрь бревен и черный едкий дым, заполняющий верх горницы, клубами выходит через окна.

Временами вместе с ветром в избу врывается мелкий снег. Огонь в светильне начинает коптить и колебаться, на стенах оживают причудливые тени. Сидящий у жирника Федор Веригин каждый раз закрывает от ветра огонь своей широченной мозолистой ладонью.

Никто из зимовщиков не спит. Каждый молча водится с какой-нибудь работой.

— Ну и разбушевался Грумаланский Пес! Осерчал! Видно, хмельного не хватило! — наконец заговорил Шаратов. Произнеся эти загадочные слова, он остановился и вопросительно посмотрел на товарищей.

— Ну, расскажи, расскажи, дядя Степан, про Пса-то, давно хотел послушать.

Ваня подвинулся ближе, приготовился слушать, зная, что веселому и живому Шаратову невтерпеж долгое молчание.

Ну-к что ж, ладно, слушай, только чур, не перебивать. Любит винцо Грумаланский Пес, вот и лютеет, когда охмелиться нечем. Обернется он полуночником, да и гуляет у Мурманского Носа, корабли поджидаячи. А встретит корабль, хмельным грузом груженный, обернется в южный ветер. И пойдет гулять взводень страшный по морю. Ураганом кинется Грумаланский Пес на лодью. Паруса порвет, мачты сломает, разметет ту лодью по бревнышкам. А бочки с вином да с ромом не утонут, выплывут. Погонит их к себе домой, на остров, Пес Грумаланский. Пир горой да веселье на острове пойдут. В гости к себе позовет Пес старуху Цингу с сестрами, вместе веселятся. Тихо тогда на море. Ежели весной или летом это случится, в самый раз тогда на моржовый промысел грумаланам отчаливать, а зимой — по пастям кулемкам иди, не бойся: ветра долго не будет. А другой раз, бывает, Пес к себе в гости чудище морское — рачьего царя — позовет, царя всех зверей морских. Тогда у промышленника на зверя морского богатый промысел будет. Несторожий зверь делается. Не уходит от человека, хоть руками бери.

— Степан, а где рачий царь живет? — не утерпел Ваня.

— Живет он в море нашем, Студеном. Между Грумантом — островом да Новой Землей. Ему просторы морские надобны: велик он, рачий царь, больше кита... Боятся поморы-охотники Грумаланского Пса. Как к Груманту причалят, первого оленя убьют — Пса одаривают, чтобы подобрел. Человека погубить ему — раз плюнуть. В оленя, в песца и других зверей да птиц он обернуться может. Бывали случаи, в любимую собаку охотника превращался да лаем своим вглубь острова завлекал хозяина. И гибнул промышленник: или замерзнет, или в пропасть свалится... Париться в бане Пес страсть как любит. Правда аль нет, не знаю, только сказывали мужики наши, что видели и баню его — в пещере большой на горе устроена. И будто в бане той они каменку еще горячую видели и веники березовые, как деревья великие, охвостанные и опаренные тут же лежали.

Степан остановился, чтобы передохнуть.

— Ну-к что ж... А ежели кто хочет с Псом Грумаланским дружбу завести, это можно. Нужно только подход знать. Обязательно луну ждать надобно, чтоб на полный свет была. Дождался луны, бери нож, иди в пещеру к Псу. Придешь, сразу же ножом кругом себя землю очерчивай да нож за кругом в землю воткни. Ну и жди. В полночь лай собачий услышишь, да страшный такой, что волос на голове в щетину идет. Прибежит в пещеру лохматый черный Пес, ростом с лодью хорошую. А ты не пугайся. Тогда и дружба пойдет. Будет Пес Грумаланский в промысле помогать: лаем на добычу наводит. Другие того лая не слышат. А кто с Псом подружился, по лаю только и ходит. То оленей без числа настреляет, то тьму гнезд гагачьих найдет, то стада гусей большие. А то Пес ему в кулемки сотнями песцов загоняет... Да недаром дается счастье-то! Сказывают старики, если охотник тот помрет на острове, земля его не примет. Так и торчит сухой, как дерево, где-нибудь меж скал...

Степан умолк, молчали и остальные. Незаметно под сказку Степана прошел час. Еще один час из многих-многих часов бесконечной зимовки.

Вот так в пургу, у огонька, возникла когда-то легенда про Грумаланского Пса. Постепенно обростала она все новыми и новыми поворотами и подробностями, придуманными у печки в ненастье, долгой зимней ночью.

Страшный порыв ветра потряс избу. С новой силой завыл и загудел полуночник. Огонь в печи погас, только несколько красных звездочек еще боролось с серой пеленой бархатного пепла.

— Будем ложиться, братцы. Ванюха, прикрой ставень, холодит что-то полуночник, норовит вовсе нас снегом завалить. — Алексей еще что-то пробормотал про себя и стал укладываться поудобнее на медвежью шкуру.

Скоро мерное дыхание спящих было слышно со всех концов горницы. Только Ваня долго не мог уснуть. При каждом ударе ветра его глаза широко раскрывались. Казалось, что вот сейчас в избу вбежит страшная черная собака. Сквозь дикие стоны ветра ему чудился лай, то громкий, где-то совсем близко, то едва слышный.

«Вот бы подружить с Грумаланским Псом-то! Добыл бы оленей поболее... а помру, то не страшно, коли и деревом стану... Старуха Цинга лютеет... Отец сказывал, живой гнить будешь...»

Наконец и Ваня заснул на мягких шкурах.

Свет жирника доставал только до середины горницы, а чуть подалее, особенно по углам, прятались густые тени. В неверном слабом свете все же можно было разглядеть отдельные предметы и фигуры спящих людей.

Всю горницу устилали медвежьи, олени и песцовые шкуры. Ими были покрыты пол, лавки, завешана дверь. На шкурах зимовщики спали, шкурами укрывались.

Слева от двери находилась печь с лежанкой, а посреди избы — грубо сколоченный стол на двух ножках, вкопанных в землю. По углам было сложено разное промысловое снаряжение.

В сенях под потолком висели туши оленей. Несколько тюленьих пузырей с оленьим жиром было развешано на гвоздях по стенам избы. Под самым потолком коптились в постоянном дыму олени языки и лучшие куски мяса.

От всех этих тяжело пахнущих запасов, печного угара и вечно коптившего жирника в избе было нестерпимо душно. Даже привыкшие ко всему поморы с трудом переносили зимовку в курной избе.

Первым проснулся Степан. Поеживаясь от холода, он прежде всего заправил нещадно коптивший светильник, затем прислушался. Тишина... Ветер как будто перестал буйствовать. Стараясь не будить товарищей, Степан принялся разжигать огонь в печи с помощью приготовленной с вечера сухой растопки, потом поставил на огонь котелок, вода в котором за ночь успела покрыться корочкой льда. Подойдя к окну, он отодвинул ставень и застыл в удивлении: окно, находящееся довольно высоко от земли, сплошной стеной закрывал снег.

Степан быстро открыл второе, третье окно, но и там, отражая огонь светильни, поблескивал кристалликами снег.

Тем временем дым из печи стал заполнять жильё.

— Ребята, — крикнул Степан, — засыпало нас! Топить нельзя, задохнемся.

Федор вскочил и, осмотревшись, стал багром пробивать в снегу отверстие. Снег был плотный, и багор шел в него с трудом. Алексей со Степаном и Ваней в это время старались открыть дверь из сеней наружу, но дверь не поддавалась.

— Догадались же, недодумы, построить избу в таком проклятом месте! — ругался Алексей! — Ручей, вишь, им понравился! Видно, расчета на зиму не было. Вот и метет теперь со всего острова по ложине снег. Как раз полуночнику к нам прямая дорога. Ну, верно, дверь нам не открыть, Федору будем помогать, берите доски подлиннее.

Федор заканчивал уже расчистку снега у второго окна. За третье взялись Степан с Ваней.

Дым понемногу выходил, дышать стало легче.

— Отец, а отец, ведь пуржит все: не успели мы окна очистить, как опять завалило. — Ваня сунул багор в окно. — Смотри, снега-то сколь намело!

Ветер все свирепствовал. Врываясь в долину, в которой стояла изба, он гнал по ней кучи снега, сметая его с ровной поверхности ледников.

Снег уже покрывал жильё вровень с крышей. Дыры, проделанные промышленниками в сугробе против окон, все время заносило. С большим трудом удалось, непрерывно прочищая отдушины, приготовить обед и немного обогреть горницу.

— Надобно огонь в печи погасить, задушит нас дымом. В холоде жить придется. — И Алексей с сожалением посмотрел на печь.

Потушили огонь. Обедали молча.

— Ну-к что ж, обождем, не век ветру жить, как-нибудь перемогнемся. Это еще присказка, а

сказка впереди будет, — вытирая ладонью усы, пошутил Степан.

Медленно потянулись дни. Погребенные под снегом охотники по количеству сгоревшего в светильнике жира отсчитывали сутки за сутками, делая зарубки на своем деревянном календаре. Печь больше не топили, но тепло от светильника и дыхания людей сохранялось в горнице лучше, чем раньше. Плотный слой снега закрывал избу, как хорошая шуба.

И на обед и на ужин ели сырое замерзшее мясо, с трудом рубя топором окаменелые куски. Заквашенную ложечнута траву, салату, приходилось вырубать из деревянного корыта. Но не было такого дня, чтобы грумаланы позабыли про это замечательное народное средство от цинги. К сырому мясу привыкли все, кроме Федора, который попрежнему ел его с отвращением, пересиливая себя. Он был старовером, а у староверов сырое мясо считалось запретным. И прежде не отличавшийся многословием, Федор теперь совсем заскучал и молчал целыми сутками.

В эти тягостные дни Ваню очень развлекал медвежонок. Мишка чувствовал себя прекрасно. Он успел крепко привязаться к мальчику, хотя на других уже начинал огрызаться и рычать.

Развалясь в ногах своего приятеля, мишка часами следил за каждым его движением. Иногда они подолгу возились на полу, играя и борясь друг с другом. Мишка быстро рос, все больше делаясь похожим на настоящего медведя — ошкуя. Только шкурка у него от дыма и копоти стала почти черной. Вряд ли теперь белые медведи приняли бы его за своего родича. Скорее мог он заслужить доверие у лесного медведя, бурого Топтыгина.

Заросшие, с длинными бородами, покрытые сажей от светильни, среди устилавших горницу шкур и мехов, грумаланы выглядели какими-то страшными существами. Но они не отчаивались, не теряли присутствия духа. Встав поутру, каждый из них принимался за какую-нибудь работу.

Последние дни Алексей Химков занимался изготовлением примитивного астрономического прибора.

Он долго что-то мерил и чертил на деревянной доске, пользуясь некоторыми несложными тригонометрическими вычислениями.

Ваня с большим интересом смотрел, как отец выстругал ножом квадратную планку толщиной в полтора дюйма и длиной в тридцать дюймов. Дерево было крепкое, из обшивки судна, остатки которого нашлись в плавнике. Потом на столе Алексей начертил углы и, приложив планку, аккуратно нанес на одной из ее граней деления. Сначала он наметил два десятка крупных отрезков — это были градусы, а затем на каждом отрезке сделал еще одиннадцать узких полосок, разбив его таким образом на двенадцать частей. Каждое маленькое деление равнялось пяти минутам. Это была кропотливая и трудная работа.

Между делом Химков понемногу объяснял сыну, как можно определить широту своего местонахождения при помощи этого прибора, который он называл «астрономической палкой».

Закончив разбивку планки на градусы, Алексей выстругал другую дощечку, покороче. Эту дощечку он плотно приладил поперек планки, так что она могла скользить по ней строго под прямым углом. По концам поперечной дощечки Алексей просверлил дырки, отстоящие одна от другой ровно на двадцать шесть дюймов.

— Жалко, солнечных таблиц нет, на «Ростиславе» остались. Ну, ничего, сынок, без таблиц обойдемся, по Полярной звезде мерить будем... И книжку Магницкого «Арифметика» тоже в каюте оставил, — помнишь, может, толстая такая, в ко же, с застежками медными?

Ваня с восхищением смотрел на две простые, сложенные крестом деревянные палки, боясь даже притронуться к ним. В глазах мальчика они обладали теперь волшебной силой. Ведь они могли указать лодье дорогу в открытом море!

Прибор был готов. Отложив его в сторону, Химков сказал:

— Ну, теперь можно будет место свое поточнее определить. Да и тебя, Ванюха, понемногу учить стану, хочу, чтобы ты настоящим мореходом был... — Он замолчал, потом обратился к Шарапову: — Может, утих ветер-то — ведь уже три дня прошло. Как выбираться на волю будем?

— Ну-к что ж, тут думать нечего, Алексей. Вырубить потолок в сених надо. На крыше, чай, снегу меньше, через потолок на волю выйдем.

— Добро, так и сделаем, Ты, Федор, стремянку готовь...

Выйдя в сени, Алексей, устроившись поудобнее на остатках дровяных запасов, принялся вырубать в потолке квадратное отверстие. Скоро доски подались и обрушились вниз вместе с грудой рыхлого снега. Холодный, чистый воздух заполнил сени и горницу. Дышать сразу сделалось легче. Алексей, высунувшись в люк, поднялся на руках и выглянул из снежного сугроба.

В ночном темном небе светились мерцающим огнем далекие звезды. Прозрачный воздух Арктики как бы приближал их к земле, они казались ярче и крупнее. Полярное сияние прикрывало прозрачным занавесом созвездия в южной части небосклона. Луна лила свой свет на чистый, нетронутый снег белой пустыни.

После долгого заточения в темной избе этот свет показался Алексею ослепительно ярким.

Созвездие Лося — Большой Медведицы — расположилось книзу от Полярной звезды, и положение ковша указывало, что сейчас около полуночи.

Чем больше Алексей смотрел на знакомые места, тем меньше их узнавал. Вместо обрывистого крутого подъема, начинавшегося поблизости от избы, образовались пологие снежные скаты. По направлению к морю на снежной поверхности появился ряд волн — застругов. Казалось, что здесь в какой то миг застыло бурное море. Изба и кучи собранного топлива возле нее — все было покрыто глубоким снегом.

— Ну, братцы, красота! — спрыгнув вниз, сказал Химков. Век не оторвался бы гляючи, а дышится как легко!

Пока Алексей восхищался природой, расторопный Шарапов успел растопить печь, и котел, наполненный снегом, висел уже на своем месте. Зимовщики радовались, как дети, своему освобождению. Уж сегодня-то они и погрееются как следует у печи и вволю наедятся густых горячих щей!

Отложив до завтра все работы, охотники долго сидели у огонька, оживленно беседуя о предстоящих делах. А Шарапов так накалил печь, что любивший тепло Федор, и тот не выдержал.

Удар Федора был страшен.

— Ишь, как нажарил, ребро за ребро задевает, — сказал он, отворяя дверь в сени.

Спать легли поздно и быстро уснули, довольные и спокойные.

Внезапно Ваня проснулся от глухого ворчания своего друга. Мишка беспокойно переминался

на лавке, посматривая то вверх, то на открытую дверь.

Ваня прислушался. На крыше избышки кто-то явственно топтался. Потом шорох и царапанье слышались уже из сеней.

Мальчик быстро соскочил с лавки и смело направился к двери. Проходя мимо спящего Веригина, Ваня случайно задел его рукавом, и Федор проснулся. Пока он старался понять, в чем дело, Ваня уже вышел в сени. Почти в то же мгновение слышался его крик:

— Ошкуй!.. Вставайте! О...

Голос Вани прервался, заглушаемый шумом падения тяжелого тела, треском и ревом.

Веригин схватил топор, всегда находившийся у него под изголовьем, и стремительно выскочил вслед за Ваней. В сенях громадный белый медведь, увидев Федора, присел со злобным рычаньем на задние лапы. Но Федор не замечал раскрытой синей пасти, оскаленных зубов, налитых кровью злобных глаз зверя. Под медведем, разметав руки, неподвижно лежал Ваня — только его одного и видел Веригин. Ярость обуяла его. Подскочив почти вплотную к хищнику, Федор успел только крикнуть: «Держись, родной!»— и, размахнувшись, со всей своей богатырской силой ударил медведя топором между глаз.

Удар Федора был страшен. Он развалил голову зверя на две части, и медведь без звука медленно стал оседать.

Из горницы выскочили Алексей и Степан с рогатинами. Увидев мертвого ошкуя, они бросились освободить Ваню. Он был цел и невредим, но без сознания. Дрожащими руками Алексей молча прикладывал снег к голове сына.

Наконец, глубоко вздохнув, Ваня открыл глаза. Алексей подошел к Веригину, сначала низко ему поклонился, а затем обнял и крепко поцеловал.

— Спасибо, Федор, спас ты моего сына, век не забуду. Смотри, Ваня, Федор — отец твой крестный — от смерти спас. Помни это. Всю жизнь благодарить должен. Забудешь ежели, тяжелый грех на душу возьмешь.

Ваня, еще слабый и бледный, улыбался и протягивал Федору руку.

— Как же ты, Ванюха, под медведя-то угодил, расскажи нам? — не вытерпел Степан.

— Да и рассказывать тут нечего. Как вышел я в сени, смотрю: ошкуй из люка задом спускается. Видно, мясо почуял, проклятый. Не успел я крикнуть, как ошкуй свалился да прямо на меня. Ну и подмял. Вот и сказ весь. Тяжелый ведь он, как жив остался, не знаю.

— Да, матерый ошкуй... и шкура знатная. В тот же день роскошную, с густой шерстью медвежьей шкуру торжественно преподнесли Ване.

Лучшие куски мяса вырубili на копчение, Федор, свежую медведя, поинтересовался содержимым его желудка. Но желудок был пуст. Долго, видно, скитался ошкуй среди сугробов в тщетных поисках добычи... Прошли около месяца.

Затяжная пурга, так угнетавшая зимовщиков, стала понемногу забываться.

Снова начались походы к ловушкам за песцами. Каждый день на небе играли сполохи.

Однажды, когда звезды отчетливо горели на морозном, чуть посветлевшем небе, Ване удалось получить практический урок астрономии.

— Ну, сынок, выходи, ширину мерить будем, — приоткрыв дверь в горницу, позвал Химков.

Был февраль, и мрак полярной ночи днем понемногу начинал редеть. Ваня, выйдя из избы, обратил внимание на то, что линия горизонта резко разделяла небо и море.

Отец, сняв рукавицы, держал в руках «астрономическую палку».

— Видишь, Ваня, кладу к правому глазу длинную планку, поперечину двигаю так, чтобы мне в один раз было видно и горизонт и Полярную звезду. А звезда эта у самого поля[35] ходит, всего только градус разницы и есть. Когда звезда по низу от поля случится, палка на один градус меньше покажет, а ежели, как сейчас, — примечай по ковшику у Лося, — звезда поверх поля идет, — на градус больше... Вот и ширину, место наше от поля узнали. Ну-ка, ты, Ваня, примерься!

Ваня руками, дрожащими то ли от нетерпения, то ли от холода, взял прибор. Приложив глаз к планке и наводя поперечину, он сразу сообразил, как определять высоту звезды.

— Посмотри, отец, правильно?

Алексей проверил и с удовлетворением сказал:

— Молодец, правильно сделал! А теперь в избу пойдем, на свету градусы посмотрим да погреемся: видишь, руки заостенели как!

В избе, подойдя к жировне, Алексей подсчитал показания своего прибора:

— Семьдесят восемь градусов тридцать пять минут. Один градус долой, останется семьдесят семь градусов тридцать пять минут. Вот мы где находимся!

Пока Алексей делал расчеты, на него с одинаковым вниманием смотрели три пары глаз. Поморы всегда интересовались морским искусством, зимовщикам же Малого Беруна было особенно интересно знать широту, положение их жилища на острове.

— А длину места своего по звездам можно сыскать, отец?

— Трудное это дело, Ваня, для простых мореходов, ученые астрономы узнают длину по затмениям солнца и луны, а еще вернее — по звездам, потому что иные звезды чуть не всякий день одна за одну заходят.[36]

Ваня промолчал, видно не понял.

Алексей заметил это и, отогревшись немного, сел рядом с мальчиком, все еще смотревшим, не мигая, куда-то в полумрак.

— Я и сам, сынок, запомнил тут что-то. Амос Корнилов рассказывал, да давно. Вот вернемся домой, — продолжал он, мечтая вслух, — ежели с деньгами соберемся, обязательно тебя в Петербург отправлю. Упрошу Амоса Кондратьевича, замолю его, чтобы тебя к Ломоносову свел. Хороший он человек, поможет тебе навигацкие науки изучить.

Слыхивал я, много приборов разных, кораблеплаванию весьма полезных, помор наш ученый выдумал. Маточки наши давно Михаиле Васильич поругивал. Компасы, говорит, надо большие заводить и накрепко их к судну ладить. Да самописец от компаса, когда судно по морю идет, работать должен, путь на чертеже вырисовывать. Палку эту астрономическую не хвалил: говорит, точности мало; другой инструмент придумал, чтобы градусы до звезд да солнца способнее было мерить... А еще Михаиле Васильич со многими мореходами совет держал про машину одну, — скорость судна способно ли той машиной мерить. Машина та беспрерывно ход показывает. Этому в иноземных странах не учены. Норвеги да аглицкие

кормщики — сам видел — по-старинному, мерными веревками, скорость мерят, как мы мерили, на Грумант идя... Да много чего наш Ломоносов выдумал! Для кораблеплавания большую пользу принес.

Ваня внимательно слушал отца. Крепко хотелось ему стать настоящим ученым мореходом.

— А где, отец, Ломоносов науки проходил, какие же люди-мудрецы его учили?

— Он, Ванюха, сначала у простых людей народную мудрость перенимал. Потом в училищах российских, в Москве да в Киеве, разные науки много лет изучал. В заморских странах учился. А поморов Михаиле Васильич никогда не забывал и по сие время у них учится. Одному человеку невмочь за короткую жизнь всю премудрость постичь. Народ веками ее собирал. И голову иметь надо к наукам способную. С худой головой Ломоносовым не быть.

Глава десятая

СОЛНЦЕ ПОЯВИЛОСЬ

В середине февраля грумаланы почувствовали приближение арктической весны. Теперь около полудня в поблекшем, бледно-голубом небе бессильно угасали звезды, без устали светившие в течение долгой зимы. Поморы с нетерпением ждали солнца. А солнце появилось как-то неожиданно.

Сначала на юго-востоке показалась робкая розовая полоска. Потом она будто налилась, стала ярче, отчетливее, и в полдень, наконец, из низкой гряды облаков, застилавшей горизонт, выступил оранжево-красный краешек солнца.

Живительные лучи осветили бледные лица зимовщиков, истомленных тяжелой полярной ночью. Они молча стояли на высокой скале около избы, взволнованные давно не виданным зрелищем.

Недолго солнце пробыло над горизонтом. Озарив нежно розовым светом снега, льды и скалы, оно скрылось за облаками. Но в людях с новой силой проснулась уверенность в скором освобождении. Вместе с мраком отступал, казалось, грозный призрак старухи Цинги.

Это была первая полярная ночь вдали от родной земли. Она показалась поморам особенно длинной.

И вот, наконец, наступила весна. Но морозы стояли по-прежнему крепкие. Даже в тихие дни у охотников часто захватывало дыхание: ведь полярная весна совсем не означает тепла и пробудившейся растительности. Лед и снег по-прежнему еще долго будут царствовать на острове.

Солнце глядело теперь во все глаза и совсем не уходило за горизонт, но много еще ему придется положить труда, что бы справиться со снегом и льдом, накопившимися за зимнее время.

Несмотря на то, что против цинги промышленники применяли в течение зимы все известные им средства, все же у всех, кроме Вани, появились первые признаки этой болезни — ослабли и шатались зубы. У Федора опухли наги, и ему тяжело стало ходить.

Они молча стояли взволнованные давно не виданным зрелищем.

Значит, чтобы всем не заболеть всерьез, надо прежде всего как можно больше находиться на воздухе, больше двигаться.

— Самый раз сейчас нерпу промышлять, — сказал как-то Федор. — Бельков можно руками брать, да и матки близко подпускают, не отходят от детей-то.

Федор был прав. У нерп — представителей мелких тюленевых — наступила пора деторождения, наиболее выгодное для охоты время.

Где-нибудь в укромном тихом месте припая, в наторошенном льду, между неплотно лежащими льдинами, нерпы еще с осени облюбовывают удобные местечки для своих детенышей. Вблизи норки зверь проделывает сквозные отдушины для дыхания и выхода на лед. В марте в норках появляются беленькие беззащитные новорожденные нерпята. Они не могут плавать и в продолжение трех недель находятся в своих убежищах, ожидая мать, кормящую их молоком. Бельки не страдают от холода. Их хорошо согревает пушистый, теплый мех. Мамаши заботливо ухаживают за своими детенышами. После того как нерпята сменят белый мех на обычную грубую шерсть, матери приучают их понемногу к воде.

На охоту собрались втроем: Алексей, Степан и Ваня. Захватив с собой промысловое снаряжение, они отправились на берег.

Море выглядело сейчас совсем не так, как осенью. Почти у самого берега возвышались мощные гряды наторошенного молодого льда. Эти торосы, высотой около десяти саженей, образовались в начале зимы, когда неподвижный береговой лед, припай, был так тонок, что не выдерживал напора дрейфующих льдов. Теперь прибрежный лед был толще аршина, да и вся поверхность пролива, казалось, была покрыта сплошным, крепко смерзшимся льдом.

Охотники быстро двигались вперед по укатанному зимними ветрами снегу. Лыжи на нем почти не оставляли следов. Но вот вышли на лед. В двадцати саженях от берега темнела широкая трещина, своими изгибами повторяя островное мелководье.

— Почему тут лед разошелся, отец, будто кто по берегу ровнял трещину-то? — спросил Ваня и тут же, заглядевшись, зацепился лыжей за крайину трещины и упал в снег.

— Ничего, крепче помнить будешь, какие трещины бывают! — хохотал Степан.

— Это, Ваня, живая вода делает, — ответил сыну Химков, — Вода-то два раза в сутки на прибыль идет. На полную воду лед за трещиной подыматься будет, а как сойдет вода, вновь на дно опустится. Вот трещина и не мерзнет. А у берега, где мелко и лед неподвижен, там он до самого дна намерзает.

— Теперь тихо-тихо идти надо, зверь близко должен быть: вишь, отдушины чернеют, — предупредил Степан, которого уже охватило возбуждение предстоящей охоты. — Нам нерпиху промышлить надо, от белька толку мало.

Дойдя до первой гряды торосов, охотники осторожно стали выглядывать из-за обломков льда.

— Вон, вон он, зверь! — зашептал Степан.

В десяти шагах от охотников, внизу, у тороса, лежала нерпиха с маленьким бельком, жадно припавшим к вымени. Промышленникам были слышны нежное похрюкивание матери и слабые всхлипывания детеныша.

— Ну, Степан, начинай.

Степан приподнялся, взмахнул кутилом и, изогнувшись, с силой бросил его в нерпу. Оружие,

слегка задев зверя, вонзилось в лед рядом с бельком. Нерпа мгновенно скользнула через отдушину в воду, а белек, извиваясь, как червяк, уполз в свою нору.

— Я его живым возьму! — крикнул Ваня.

Мальчик скатился с тороса и побежал к норке. Засунув руку в ледяную нору, он стал тащить белька прямо за шерсть.

Зверек, извиваясь в руках у Вани, жалобно закричал, призывая мать.

«Ма-ма-ма-ма», — стонал белек, выговаривая почти по-человечьи.

Из отдушины показалась голова матери. Приподнявшись на лапах, она вылезла на лед и бесстрашно бросилась к детенышу. Ваня выпустил из рук белька, и тот, продолжая стонать, моментально очутился возле матери. Не зная, как помочь своему детенышу, нерпа металась по льду, то пытаясь уйти в воду, то снова возвращаясь.

Степан, подобрав кутило, стал медленно подходить, готовясь к удару. Мать, словно чувствуя несчастье, крепко прижала детеныша к себе. Она уже не двигалась. Жалобно смотрели на охотников ее большие выразительные глаза. Белек, прильнув к матери, успокоился и затих. Вдруг охотники увидели, как две крупные слезы скатились из глаз обреченного зверя.

Степан заколебался. С поднятым в руке кутилом он стоял, не решаясь прикончить мать, так самоотверженно отдающую жизнь за детеныша.

— Не надо, Степан, — глотая слезы, едва слышно сказал Ваня. — Жалко, ведь дитё свое защищает.

— Зверей всех не пережалеть. Верно, что жалко, да что делать: нам ведь тоже жить надо! Бей, Степан, — отвернувшись, сказал Алексей.

Но Ваня схватился обеими руками за кутило.

— Не дам матку убивать, не дам, не дам! — повторял он, чуть не плача. Степан опустил свое оружие.

— Ну-к что ж, правда, Алексей... уважим Ванюшку... Да и зверя жалко, — как-то нерешительно, точно стыдясь своей жалости, сказал Степан. — Ладно, что ли?

Алексей не сказал ни слова, махнул рукой и пошел от нерпихи, продолжавшей лежать неподвижно около белька, спокойно посасывавшего молоко.

Охотники двинулись дальше. Ваня успокоился и повеселел.

Будто в благодарность за доброе дело, охотникам не пришлось долго искать добычу. В нескольких десятках метров они снова наткнулись на нерпу. Увидя охотников, она быстро, изгибая спину и приседая на передние лапы, поползла к продушине. Но Степан ловко оглушил ее багром, а затем прикончил. По настоянию Алексея, все трое тут же выпили понемногу темной, солоноватой на вкус нерпичьей крови. Остатки крови слили в котелок.

На обратном пути произошло событие, серьезно обеспокоившее зимовщиков. Охотники, возвращаясь домой, несли на плечах багор с привязанной к нему тушей нерпы. Впереди шел Шарапов, за ним Алексей.

День был яркий, солнечный. Вдруг Степан остановился и стал протирать глаза.

— Постой, Алексей, что-то в глаза попало. И резь такая в глазах... Ой! — не выдержав,

вскрикнул он. — Против света и взглянуть нельзя.

Алексей внимательно осмотрел глаза Шарапова.

— Ничего тебе не попало, а беда приключилась немалая. Это слепота от снега у тебя. Зажмурь глаза и иди за мной. Как придем домой, очки тебе сделаю. С неделю в темноте посидишь: надо глаза беречь.

Снежная слепота — нередкое явление у зимовщиков, особенно в те времена. Истощение организма отражается и на зрении. Привыкшие к полумраку глаза болезненно воспринимают ослепительный свет весенних солнечных лучей. А свет этот действительно ослепителен. Подтаявшие на солнце снежинки ночью смерзаются и образуют тончайшую корочку. Отражающиеся от поверхности такой корочки солнечные лучи, особенно яркие.

По возвращении в избу Алексей сейчас же занялся изготовлением очков для Шарапова. Выстругав ножом две тонкие дощечки, он округлил их, как стекла для очков, и соединил ремнем. В центре деревянных кружочков Алексей проколол гвоздем небольшие дырочки, как раз против зрачка. Надев очки, можно смотреть через эти отверстия, но свету в глаза попадает очень немного. Федор очки усовершенствовал, укрепив сбоку кожаные щитки.

Шарапов несколько дней не выходил из избы, пока снежная слепота не исчезла. Но солнечного света пришлось остерегаться еще долго, и Степан не расставался с очками. Не радовало охотников и состояние Федора. От принесенной товарищами нерпичьей крови он наотрез отказался.

— Не могу, — отвечал Федор на все уговоры.

Свежее нерпичье мясо съели, как лакомство; вытопленный жир пошел в запас. Нерпичий жир, как и тюлений, трудно замерзает и сохраняет текучесть даже при низких температурах. Промышленники хранили его обычным у народов севера способом — в мешках из цельных шкур тюленя или нерпы. Каждый такой мешок вмещал жир трех животных.

Спустя две недели, когда Шарапов совсем оправился от солнечной слепоты, зимовщики решили добыть оленьей крови, считавшейся среди зверобоев особенно целительной.

Услышав разговор об оленях, Федор свесил с нар опухшие ноги.

— Думаю я, — сказал он, — хорошо оленей в песцовом совике промышлять. Совсем на снегу охотник не виден. Только погоду надо выбрать не солнечную, а пасмурную, чтобы тени на снегу было меньше, а еще лучше, чтобы снежок шел.

Сшив совики из накопившихся за зиму шкурок песца и выждав благоприятную погоду, Ваня и Шарапов снова стали на лыжи. В этот день все вокруг было затянуто морозным туманом. Серебристыми иголочками туман оседал на одежде, на ресницах, на бороде Степана.

Охотники шли медленно, высматривая оленей. Иногда Ваня взбирался на уступы скал и осматривал низины.

— Олени, Ваня, безрогие сейчас, — рассказывал Степан. — К зиме самцы рога обязательно сшибут и всю зиму комолами ходят. К весне вместо рогов шишки мягкие сначала вырастут, а уж из шишек — рога. Немалое время пройдет, пока затвердеют рога-то. По рогам года олени узнают. Сколько концов на одном роге отрастет, столько оленю лет... Теперь примечай, Ванюха, тут оленям быть: снегу совсем мало.

Олени обычно держатся на неглубоком снегу. На ровных без сугробов местах им легче добывать из-под снега сочный и сытный лишайник — ягель. За зиму морда оленя обрастает густой шерстью. В поисках пищи животным приходится иногда прогрызать в снегу длинные

канавы, и шерсть предохраняет их от холода.

Наконец охотники встретили небольшое стадо. Олени сбились в кучу, и от них клубами шел пар. В белых совиках Ваня и Шарапов подкрались незамеченными и, пустив две стрелы, убили двух больших животных.

Вернувшись с этой «весенней» прогулки, поморы долго отогревали ноги. Степан, ворча, возился у печки, очищая бороду от ледяных сосуллек.

Федор от оленьей крови отказался, отказывался он и от сырого мяса. Остальные уничтожали оленину с завидным аппетитом. Особенным успехом пользовалась строганина — замороженное мясо, мелко наструганное ножом.

На следующий день Шарапов с Ваней отправились на поиски салаты для Федора.

С ними увязался и медвежонок. Смешно подбрасывая зад, он бежал впереди, часто останавливаясь, принюхиваясь к следам на снегу. Несколько раз подняв кверху мордочку, он пробовал нюхнуть что-то яркое, светлое, слепящее глаза и при этом чихал, мотал головой. Ведь с солнцем он по-настоящему знакомился впервые в жизни. Судя по его веселому настроению, оно ему понравилось. Он то и дело подбегал к лыжникам и порядком мешал им, путаясь под ногами.

Вероятно, чувствуя, как неприглядно он выглядит после зимы, проведенной в закопченной избе, мишка катался по снегу, стараясь отбелить свою шкуру, оставляя за собой грязные пятна.

Вот медвежонок остановился, уткнувшись носом в снег, он долго принюхивался к большим, совсем свежим следам, потом свернул в сторону. Охотники, увлекшись разговором, не заметили исчезновения медвежонка. А мишка уверенно бежал по следам, так знакомо и приятно пахнувшим. Они привели его на припай. На льду следы пошли петлями и окончились площадкой, утоптанной большими лапами ошкуя. Как раз посредине ее, в небольшой лунке, темнела вода. Медвежонок, вытянув морду, вдыхал приятные запахи. Вот он остановился и замер, как почуявшая дичь охотничья собака.

Когда тюлень высовывает в такую отдушину морду, чтобы подышать воздухом, хозяин льдов — белый полярный медведь — хватает его мощной когтистой лапой и одним движением выволакивает на лед.

Полярный медведь проснулся и в маленьком мишке. Непреодолимая сила инстинкта заставила его забыть все и послала к тюленьей отдушине.

Обнаружив, наконец, отсутствие медвежонка, охотники решили вернуться. Вскоре мишкины следы высели их к морю.

Поморы сразу заметили забавную фигуру медвежонка настороже у продушины и решили подождать: посмотреть, что будет делать мишка дальше. Простояли они немало времени. Им уже надоело смотреть на маленького зверя, который терпеливо, не шелохнувшись, ждал.

Вдруг в темной лунке показалась круглая усатая голова. Она поднялась надо льдом и стала осматриваться. Мишка тут же цапнул голову лапой. Тюленья голова скрылась, а медвежонок, не удержавшись, плюхнулся в воду.

Охотников до слез насмешил позорный конец первой охоты их четвероногого спутника. Медвежонок от неожиданной ванны сразу опомнился и, выбравшись на лед, заковылял рысцой обратно, по своим следам. Мокрый, по-собачьи отряхиваясь на ходу, подбежал он к Ване, лег на спину и поднял кверху лапы, умильно поглядывая на мальчика.

Обласкав мишку, охотники снова тронулись в путь.

— А знаешь, Степан, — сказал задумчиво Ваня, — попробовать бы с мышкой выслеживать тюленей. Он нам, пожалуй, поможет находить отдушины под снегом.

Ну-к что ж, давай попробуем, попытка не пытка, — охотно согласился Шарапов. — Только, чур, пока не рассказывать об этом. А то, ежели ничего не выйдет, Федор засмеет нас с тобой.

По приметам, сделанным еще с осени, охотники быстро нашли место, где росла салата, разгребая лопаткой снег, они обнаружили еще одного грумантского зверя, маленькое беззащитное животное, кем не прочь поживиться почти все звери и птицы в Арктике.

— Смотри, Ваня, сколько здесь мышей! Это добыча для песца, его промысел, у этой мыши зимой копытца на лапах отрастают, чтобы удобнее ходы да норы в снегу копать, от песца хорониться да траву-пушицу искать. Травой зверек живет. Летом мыши рыжими бывают, с черной полоской на спинке, а зимой — совсем белые.

Копытная мышь живет под снегом большую часть года. Из сухих листочков пушицы она делает себе шарообразное гнездо, перетирая траву зубами, чтобы было мягче маленьким мышатам.

Медвежонок тоже познакомился с мышами и начал давить их лапами. Но это для него была только игра, есть их он не стал.

— Гляди, гляди, Степан! — бросив рвать салату, закричал вдруг Ваня. — Вот потеха!

На другом конце площадки, расчищенной охотниками от снега, происходила битва. На мишку, придавившего лапой крупную жирную мыш, налетели две белые полярные совы. Вытаращив круглые глаза, они с шипением хлопали его крыльями, стараясь отбить добычу. Медвежонок ворчал, огрызался и, наконец, бросив мыш, сердито поднялся на задние лапы. Но совам только того и нужно было; они уже дрались между собой из-за мишкиной добычи.

Ложечной травы за несколько часов охотники нарвали много. Удивительно жизнеспособно это растение. И теперь, после сорокапятиградусных морозов, оно сохранило зелеными свои листья и стебельки, как будто росло даже под снегом.

Набив салатой два мешка, сделанных из, оленьей шкуры, грумаланы надели лыжи, закинули груз на плечи и весело побежали в обратный путь.

Лыжи легко скользили по ровному припаю мимо торосов, возвышавшихся со стороны моря. Торосы напоминали груды колотого сахара, рассыпанного под открытым небом. Только куски были большие и на изломах отливали зеленоватым цветом. Но вот мальчик с разгону выскочил на широкую полосу льда, где лыжи сразу затормозило, словно на песке. Ваня с удивлением остановился. Лед и по цвету был какой-то странный!

— Степан! — позвал он, — Лед-то какой, смотри, словно в кружевах али в цветах, и лыжам по нему ходу нет.

Действительно, лед был хитро разрисован кристаллическими узорами, похожими на фантастические цветы.

— А ты, Ванюха, на вкус попробуй цветы-то!

Мальчик взял на язык несколько кристалликов и тотчас выплюнул: это была чистая соль, выделенная замерзшей морской водой.

Кристаллики соли непрочно связаны со льдом, даже ветер легко разрушает, сдувает их

замысловатые узоры.

В становище охотники пришли по-весеннему оживленные, разгоряченные бегом на лыжах и наперебой рассказывали о всех проделках медвежонка, Федор, приготавливая ужин, сделал к жареному оленье мясу вкусную приправу из мелко нарубленных листьев ложечной травы. Соскучившись по зелени, все с удовольствием ели полярный салат.

— Вот так старуху Цингу надолго отгоним. Делать ей у нас нечего, — удовлетворенно сказал Степан.

Глава одиннадцатая

ПТИЧЬЯ ГОРА

Шла вторая половина апреля. Солнце начинало пригревать, пробуждая постепенно жизнь арктической природы.

В низинах, где снегу было меньше, показалась бугристая почва тундры. Мох, освободившись от снежного покрова, закудрявился, отошел от зимней спячки. Под лучами солнца сугробы быстро таяли. То там, то здесь слышались тяжелые вздохи оседающего снега. Пятнами стали выступать из снега разбросанные по острову озерки. Пресный лед пропитался талыми водами, стал темным и рыхлым. Поверхность морского льда тоже изменилась. По высоким торосам снег стоял. На льдинах, нагроможденных в беспорядке по заливу, висело множество сосулков. Сказочно красивыми в лучах незаходящего солнца стали ледяные торосы. Зима построила из ледяных глыб бесчисленные гроты и пещеры. Теперь эти причудливые сооружения, освещенные солнцем, были наполнены таинственным зеленым светом, а их входы украшены сверкающими прозрачными колоннами.

Каждый день вносил что-то новое в облик природы. Прошло еще несколько времени — и около самого берега в морском льду появились небольшие пространства чистой воды, а на пресных озерах лед растаял совсем. От нагретой гальки на берегу поднимался легкий парок.

Наконец на остров прилетели первые гости — птицы морских побережий. Сначала грумаланы увидели кайр, чистиков, а потом вдруг сразу много разных горластых, беспокойных птиц заполнило все уступы на высоких скалах, уходящих стеной в море.

Наступил долгожданный для Вани день. Степан сказал ему, хлопнув по спине:

— Ну, Ванюха, собирайся по яйца, пойдем яичницу добывать. Гнездовье морской птицы началось.

Зная, как опасно лазить по отвесным утесам, собирая птичьи яйца, Химков с беспокойством взглянул на Степана и сказал ему:

— Остерегай, Степан, Ванюху... Глупый еще он. Не бережется совсем.

— Будь покоен, Алексей. В этом деле бечева — главное, а бечева у нас крепкая. Я ее, знаешь ведь, из ремешков еще зимой сплел. — И тут же повернулся к мальчику: — Ну-ка, Ванюха, угадай: «Скорчится в кошку, а распустится в дорожку»... Не угадать?.. Вербка это, — сам ответил Степан. Он не любил, когда его загадки отгадывали.

— Топор да пику с собой захватите. Неровен час, и с ошкуем встретитесь, — провожая

охотников, наставлял Алексей.

Долго шли на север по берегу Шарапов с Ваней в поисках большого птичьего базара. Весенняя дорога тоже нелегка, местами ноги утопали по колена в месиве из воды и снега, местами приходилось пробираться по липкой грязи оттаявшей тундры. Наконец они подошли к мысу, где берег резко поворачивал к западу и скалы подступали к самому морю. На конце мыса высокая, саженой в пятьдесят, скала выходила стеной из воды.

Еще издали охотники увидели большие белые хлопья, будто в пургу вихрем кружившиеся над скалой. Это были сотни тысяч птиц, неумолчно и разноголосно шумевших, как прибой. Кого только не было здесь: и черно-белые гагарки, и кайры, и чистики, и буровато-серые арктические буревестники, и много чаек.

Но вот друзья подошли поближе. На высокой скале, отвесно ниспадающей в море, хорошо были видны наслоения горной породы, лежащие почти параллельно. Благодаря неодинаковой плотности скала выветривалась неравномерно. Длинные и узкие, короткие и широкие впадины, уступы и карнизы тянулись по всей скале. Иногда из стены выступали над морем большие каменные глыбы. Местами в стене чернели углубления, пещерки. Сверху и до самого моря утес был унизан птицами. Они занимали каждый карнизик, каждый, самый незначительный выступ. Бело-черные живые пятна сидящих птиц трудно было отличить от массы серого птичьего помета и белых яиц, лежащих прямо в голых каменных впадинах и в щелях карнизов, у скалы птицы находились в непрерывном движении, перелетая с места на место или кружась в воздухе.

— Вот это птичий базар! Целая ярмарка! — воскликнул с восторгом Шарапов. — Тут яиц всю жизнь считать — не пересчитать. Идем, Ваня, прохода на гору поищем. Забраться нам надо вон куда, — указал Шарапов на вершину скалы.

Ваня поднял голову. Ему показалось, что скала медленно падала навстречу плывущим облакам.

Пройдя еще немного, охотники увидели с другой стороны утеса уступы, поднимающиеся до самого верха. По этим природным ступеням они стали медленно и осторожно взбираться на вершину Птичьей горы. Куда ни глянь, вокруг только скалы с серым, словно накипь, лишайником, тесно прильнувшим к шершавой поверхности камня, темные ущелья да белые пятна не растаявшего снега. Ни цветка, ни травки, ни мха — ничего живого.

Шарапов привязал короткую веревку к своему поясу, а другим концом обвязал Ваню. Так они шли, помогая друг другу: когда оступался один, другой его поддерживал. В руках у них были легкие багры, помогавшие держаться за каменные выступы.

Но вот, наконец, они на вершине горы. Степан снял шапку, вытер ею пот с лица, несколько раз прошел взад и вперед по площадке, стараясь выровнять дыхание.

— Как, отдохнул? — спросил он Ваню. — Тогда начнем. Шарапов перевязал Ваню несколько раз у пояса концом веревки, потом перехватил ею грудь мальчика крест-накрест через плечи. Сбоку у Вани был привязан мешок из оленьей шкуры с веревкой потоньше. У пояса висел нож. Руки оставались свободными. Топор и пика остались у Степана.

— Ну-к что ж, — сказал серьезно Шарапов, — теперь, брат, ложись у самого края и ползи осторожно. Смотри, крепко держись за веревку. А я камень найду, чтобы привязать ее. Как крикну, будешь спускаться понемногу, а мне сигналы давай. Голоса твоего мне не услышать: птицы крик да шум такой поднимут, как в бурю на море. Сигналы веревкой давай: если один раз дернешь — значит, спускать тебя надо, два раза — на месте держать, а три — я кверху тебя поднимать буду. Запомнил? Ползи вон к тому выступу. Он гладкий, веревку не будет резать.

Охотники поползли осторожно, как кошки. Впереди Ваня, за ним Шарапов. Вот они у самого края обрыва. Ваня взглянул вниз и... скала будто закачалась под ним.

— Если будет кружиться голова, посмотри на скалу около себя, — услышал он слова Степана, будто догадавшегося о его состоянии. — А главное, не бойся ничего, знай яйца в мешок клади да ни о чем не думай. Как полный наберешь — дерни за веревку от мешка, я его вытащу.

Шарапов проверил еще раз, крепко ли привязан Ваня, удобно ли подвязан мешок, не мешает ли мальчику, и снова внимательно осмотрел всю веревку от конца до конца, потрогал каждый узел. Затем он нахлобучил Ване поглубже шапку.

— А то глаза выхлещет птица-то, — пояснил он.

Ваня стал медленно, ногами вперед, сползать с края обрыва. Вот он закачался на веревке. Теперь голова у него уже не кружилась. Одна мысль владела им безраздельно: не бояться, не осрамиться в глазах Степана, быть настоящим охотником.

Шарапов пристально следил за движениями мальчика, крепко держа веревку в руках, и был готов в любой момент спустит его ниже или вытащить наверх.

Как только Ваня появился у первых гнезд, сразу же, как по сигналу, всполошился весь птичий базар. От хлопанья крыльев и резкого крика поднялся такой шум, словно со скалы обрушился внезапно водопад. Птицы тучей окружили утес.

Держась одной рукой за выступ скалы, другой Ваня ловко и быстро хватал яйца, стараясь подбирать пестрые, в крапинках, и клал их в мешок. Иногда он упирался ногами в выступ скалы и закрывал лицо руками; чайки густой тучей облепляли его, стараясь ударами крыльев и клювов отогнать дерзкого врага. Понемногу наполняя мешок, Ваня то и дело подавал сигнал спуска, пока ноги его не коснулись широкого карниза, расположенного почти посередине скалы. Птичьих гнезд здесь почему-то не было. Совсем близко от Вани, смешно растопырив лапки и быстро махая крылышками, держалась в воздухе почти на одном месте кайра. Брюшко у птицы между лапками было совсем голое.

«Для детей своих, на гнездо весь пух выщипала», — догадался мальчик.

Став, наконец, на ноги, Ваня отдыхал, поглядывая по сторонам. Внизу под ним неслышно плескалось о камни море. Он весело глянул вверх и сквозь белые хлопья все еще носившихся в тревоге птиц увидел голову Степана. Мальчик дернул за тонкую веревку, и мешок с богатой добычей пополз кверху.

Готовясь к подъему, Ваня ощупал веревку у пояса. Потом обернулся — и замер: в двадцати шагах от него, прижимаясь к скале, стоял медведь. Видимо, он давно наблюдал, как спускался Ваня, а когда мальчик оказался на уступе, решил, что это его законная добыча, и смело пошел на него.

Правой рукой Ваня инстинктивно выхватил нож, а левой дернул три раза за веревку.

Правой рукой Ваня инстинктивно выхватил нож, а левой дернул три раза за веревку.

Ошкуй подошел совсем близко, Ваня уже чувствовал смрадный запах его пасти. Вот медведь протянул когтистую лапу... Мальчик отпрянул, полоснув по ней ножом. В этот момент веревка натянулась, и Ваня, медленно покачиваясь, начал подниматься. Медведь с рычанием стал на задние лапы и, подняв морду, тянулся за ускользящей добычей.

Только сейчас Ваня догадался, почему на этом выступе не было птичьих гнезд: видимо, звери легко могли добираться сюда.

Вот, наконец, и верх скалы! Мальчик схватился руками за край обрыва и выбрался на вершину.

— Ну, съел бы ошкуй вместо нас яичницу и меня вместе с ней! — говорил Ваня, возбужденно смеясь. — А там мне не до смеху было. Ошкуй-то, видно, давно меня поджидал. Не оглянись я, задержись хоть чуть-чуть — и конец мне. Спасибо, Степан, быстро ты меня вытянул!

— Птицы, Ванюха, тучей, носятся, я и тебя-то не всегда видел. А ошкуя и вовсе не заметил. Увидел бы зверя, без сигнала вытащил бы тебя наверх. А ты смотри, ошкуев-то остерегайся: уж второй раз на тебя зарятся. Третьему разу, говорят, не миновать.

Оживленно беседуя, товарищи стали спускаться с Птичьей горы.

Больше всего в мешке у мальчика оказалось яиц кайры.

— Совсем как куриные, и вкус такой же, — находил Ваня. — А скорлупа-то какая: толстая да пестрая!

— Ты заметь, Ванюха, — сказал Степан, — у кайры яйца, как груша, с виду. Поэтому и держатся они на голом камне. На самом краю лежат, а не падают. Куриные бы давно в море были.

...Быстро проходили дни и ночи, озаренные незаходящим солнцем. На острове делалось все оживленнее. Лето вступало в свои права.

Однажды, выйдя рано утром из избы, Алексей услышал знакомый, скрипучий клекот гусей. Над головой в розовых лучах солнца, низко стоявшего над горизонтом, он увидел летящих с юга птиц. За одним углом плыл другой, третий... Перелет водоплавающей птицы с юга на север начался.

«Ну, значит, совсем лето», — подумал Алексей и громко позвал:

— Ваня, Степан, Федор, выходите смотреть, как гуси летят.

Все выбежали из избы. Стая за стаей пролетали гуси. В светлом небе были видны отчетливыми точками отдельные птицы. В безмолвии наблюдали за ними поморы.

— Гуси-лебеди с родимой землицы-матушки летят. Эх, как бы вы, птицы милые, письмецо дорогое из дому принесли! — воскликнул Степан.

Это восклицание наваяло на всех печаль. Но вместе с тем поморы почувствовали сильнее, чем когда-либо, возможность своего освобождения из плена. Вслед за стаями гусей поплывут по Студеному морю и лодьи промысловые.

Так гуси-лебеди принесли надежду на освобождение.

Глава двенадцатая

КИТ НА ГУСИННОМ ОЗЕРЕ

В июне начались туманы и частые дожди, разлились бесчисленные речушки и ручейки, шумливо несущие с гор мутные талые воды. Все меньше оставалось снега на острове и заметно рыхлел морской лед.

Все живое спешило использовать кратковременное полярное лето.

По защищенным от холодных ветров южным склонам, по западинкам и небольшим лужайкам на серо-зеленом мягком ковре из лишайников и мхов пестрели яркие крупные цветы. Белые и желтые камнеломки, синие столистницы, голубые колокольчики, кисти каких-то красных цветов, словно дымкой окутанных белой шерсткой, желтые лютики, голубые незабудки, мак, гравилат... Некоторые из цветов издавали тонкий аромат.

Все эти растения приобретали здесь особый облик. Они были низкорослыми, жались к земле, как бы ища защиты от холода. Листики их расстилались внизу, и среди мхов поднимались только красочные венчики цветов. Большинство цветов и других растений было многолетними. И понятно: семена их редко вызревали за одно короткое лето. Многие развивались бессемянным, вегетативным путем — от корневищ.

Нарядная пестрота тундры веселила взор. Но стоило только солнцу закрыться тучами — и яркий день сразу темнел. Полярные цветы свертывали свои венчики, вся растительность блекла, принимала однообразный, серый вид.

Особенно много было на острове лишайников. Ботаник мог бы насчитать тут около двухсот различных видов.

Лишайник очень интересное растение. Это два организма, живущие вместе: зеленая водоросль и гриб. Если лишайник растет на камне, то своими корешками он крошит самые крепкие породы, даже гранит, оставляя на скале извилистые углубления, похожие на иероглифы.

Заметно увеличился животный мир острова. Прилетевшие с юга водоплавающие птицы — гуси, утки, лебеди — шумели на разные голоса, расположившись на озерах береговой низины.

В середине июля у птиц началась линька. Некоторые птицы при этом сразу теряют много перьев и летать не могут. Линный гусь, например, в это время смиренно сидит, притаившись где-нибудь, чувствуя свою незащищенность.

Шарапов с Ваней ежедневно ходили теперь на охоту за утками и гусями. Они облюбовали одно из больших озер, расположенное в десяти верстах от зимовья. Степан назвал это озеро Гусиным. Только вчера они принесли оттуда пять жирных гусей и несколько уток.

— Ну и гуси, прямо как на подбор! — говорил с восхищением Федор.

— На подбор и есть, — смеялся Шарапов. — Птица-то вовсе дурная стала: палкой били. Ну и выбрали что покрупнее да пожирнее, добро выбор велик.

Гусей и уток жарили, варили и коптили впрок: знали, что охота на них не будет продолжительной.

Для Вани и Степана это была не только охота, но и занимательная прогулка. По пути их радовала каждая живая травинка, каждый цветочек. Эти летние гости как-то особенно украшали суровые будни грумаланов. Возвращаясь домой, Ваня всегда приносил пестрый букетик цветов.

Шарапов с Ваней ежедневно ходили теперь на охоту за утками и гусями.

Гусиное озеро было, собственно, не озером в полном смысле слова, а обширным мелководьем, образовавшимся от скопления талых вод. Огромным полукруглым заливом вдавалось оно вглубь острова, отодвигая стены скал верст на пять, от морского берега.

Здесь, под высоким утесом на берегу озера, поморы частенько устраивались на привал, отдыхая после охоты. Они всегда с большим интересом наблюдали ключом бьющую вокруг жизнь и с горечью думали, что скоро летняя пора сменится мертвящей снежной ночью с однообразным завыванием ветра.

Некоторые птицы совсем не боялись людей и близко подпускали к себе. А были и такие, что сами подходили к охотникам, с любопытством посматривая на непонятных бескрылых пришельцев.

— Вон смотри, Ваня, — объяснял Степан, — серые гуси, гуменники, издали поглядывают. Хитрее птицы нет. Хоть и летать линный-то не может, а попробуй догнать его — и собаке не угнаться. Ты и мигнуть не успел, а он уже в камнях спрятался. А глянь туда, там белолобые гуси — эти куда глупее серяка. А вон черный гусь, казаркой прозывается. Вон, вон, смотри, сидят они под той скалой! Казарка — это уж просто дура несусветная. Так и лезет сама в руки. Случается, иной раз прямо в избу заходит, чуть в котел не прыгает, то ли сослепу, то ли от дурасти. А вон гагары. Эта птица из всех отличие имеет: совсем по земле ходить не умеет, словно калека скачет. Ежели ей взлет надобен — в воду идет. И с воды без большого разгона ей не улететь. Гнезд, как все птицы, не делает, в пустой ямке птенцов выводит... Зато нырять да плавать мастерицы равной не сыщешь.

Вокруг охотников слышалось утиное кряканье, пронзительные крики гагар, звонкие голоса куликов, гоготанье гусей, куканье лебедей.

Озеро кишело недавно выведенными птенцами. Их пискливое щебетание вливалось в общий концерт.

Пищей для птицы служили мелкие рачки и личинки насекомых, появлявшиеся летом в таких пресноводных мелких озерцах в несметном количестве. Гуси с большим искусством выклевывали из земли сочные корешки трав.

Иногда среди птичьих голосов слышался визгливый лай песца. Вертясь вокруг озера, песец тщательно обнюхивал каждый камешек, каждую кочку, маленькое болотце в поисках яиц и птенцов. А порой и взрослая зазевавшаяся птица попадалась на обед хищному зверьку, если, конечно, она оказывалась ему по силам.

Поверхность озера и берега его были усыпаны пухом и перьями линявшей птицы. «Ну и ну, — думал Ваня, — если все эти перья собрать — не одну лодью нагрузить можно!»

Однажды недалеко от берега, на мелководье, Ваня заметил какие-то чуть-чуть торчавшие из воды бревна. Он подошел поближе и стал рассматривать их. Ему показалось, что это были чьи-то кости, только очень уж крупные.

— Степан, иди-ка сюда, — позвал Ваня.

Подошел Степан. Общими силами друзьям удалось освободить из-под илистого, еще мерзлого грунта большую кость. Похоже было, что это часть огромного черепа. Ваня и Шарапов, заинтересованные необычайной находкой, стали разрывать палками грунт. После долгих усилий откопали весь череп и увидели, что он соединяется позвонками с громадным скелетом.

«Больно уже велика животины», — думал Шарапов, рассматривая со всех сторон череп, оказавшийся около трех аршин длиной.

В это время Ваня вытянул из-под гигантских костей какие-то пластины.

— Да это китовый ус! — закричал Степан. — Это кит, Ванюха. Смотри-ка, вот и ребра торчат,

что твои опруги. А позвонки-то, позвонки-то, как чурбаны!

Около черепа нашли несколько сот пластин китового уса. Прикинув на глаз длину скелета, Шараров задумался и как бы про себя сказал:

— Ну как же такая махина целехонькой оказалась, да еще за пять верст от берега морского? Вот задача! Как кит сюда попал?

— Я тоже об этом думаю, — ответил Ваня, — непонятное что-то.

Думая об одном и том же, оба они обернулись и посмотрели на море. Полукруглая широкая долина, часть которой занимало озеро, постепенно расширялась, сливаясь с прибрежной полосой.

— Да, море далеко отсюда, — сказал в раздумье Степан. — Ну-к что ж, Ванюха, давай посмотрим, нет ли тут еще чего-нибудь.

Охотники обстоятельно обследовали дно озера около костей кита.

— Посмотри, Степан, я еще что-то нашел, — позвал Ваня, очищая от ила какой-то черный предмет.

Оказалось, что это была полусгнившая дубовая доска. А немного дальше торчал толстый корень какого-то дерева.

— Да это плавник!.. Вот так штука! — воскликнул Степан. — Ну, я теперь понял, Ваня, в чем тут дело. Раз здесь плавник, значит сюда море доходило. Горы-то почти у самого берега были. Сюда волны морские плавник выносили, волны и кита мертвого, а может быть и живого еще, выбросили. Вот и все дело. Только море приливной водой могло такую махину сюда принести. А в обрат взять не осилил океан-батюшка! Вот и застрял кит на берегу. Ведь махина зверь, уж не в сказку, с лодью хорошую, пожалуй, будет....

Всю дорогу друзья делились своими предположениями, прикидывая, где было раньше море и где проходил берег.

— А знаешь, Степан, когда я за яйцами-то по скалам лазил, как сейчас помню, около площадки, где медведь стоял, все выступы и впадины сглажены были. Волна морская только так сгладить камень может, верно, ведь? Да только высоко больно....

— Высоко, это верно, — подумав, согласился Степан, — но по всем приметам, Ванюха, море-то здесь раньше не в пример выше стояло.

Охотники в своих догадках были близки к истине, хотя, конечно, не могли бы объяснить причин понижения уровня моря.

Как теперь известно, земная кора плавает на поверхности магмы — расплавленной текучей массы. Вследствие сложных геологических процессов отдельные участки коры то приподнимаются, то опускаются. В связи с этим изменяется и уровень морских и океанских вод. Когда суша приостанавливается в своем подъеме, море успевает размыть берег и оставить свои следы в виде галечника, морских раковин и отшлифованных прибоем скал. Но вот суша снова поднялась, размытые берега стали недоступны для волн. Образуются морские террасы — следы прежнего уровня моря.

Размытый берег и террасы на довольно большой высоте находили многие путешественники, посещавшие Грумант в более поздние годы.

Террасы в отвесных скалах, расположенные иногда одна над другой, как бы отмечают

глубокими бороздами геологическое время. Самая высокая терраса — самая древняя. В том случае, если берег отмельный, мелководные участки морского дна обнажаются, превращаясь в сушу. Когда береговая линия перемещается, скопившийся на ней плавник оказывается далеко от берега. Это тоже помогает в рассуждениях и доказательствах геологов и историков. Правильный вывод об изменчивости уровня моря могли сделать и просто наблюдательные люди.

Грумантские острова действительно очень медленно, на 0,7 метра в столетие, поднимаются над водой. Здесь это происходит вследствие таяния ледников. Когда-то, в ледниковый период, массы льда давили своей тяжестью на остров. Под их давлением большие участки земной коры вместе с островами и частью материка понизились, притонули в магме, как тонет в воде льдина, отяжеленная каким-либо грузом.

По мере таяния ледников участок суши освобождается от лишней нагрузки и понемногу всплывает, подымается.

Только медленным поднятием острова можно объяснить, почему промысловая изба, которую поморы обнаружили на острове, оказалась далеко от моря; по той же причине скелет кита был найден в пяти верстах от берега.

Расположение избы подтверждало давность русских промыслов на Груманте. Поморы, найдя избу, сочли ее очень древней. И они были правы. Судя по тому, насколько отступил берег, изба могла быть построена не менее, чем двести пятьдесят — триста лет назад.

Дома Алексей и Федор выслушали с огромным интересом все подробности находки скелета. К предположениям Шарапова насчет отступившего моря Алексей отнесся с особым вниманием, часто задавал вопросы: как лежал кит, где нашли плавник, далеко ли море от озера, как расположены горы, полого ли идет к морю берег?

За разговорами забыли об ужине, но когда сели за стол, беседа шла все о том же — о китах на Груманте. Алексей рассказал товарищам о том, что ему приходилось слышать, а кое-чему он был и сам свидетелем.

— Старики сказывали, китов этих промыслять раньше, в новгородские времена, смыслу не было. Тогда тиньки[37] моржовые в большой цене стояли. А моржей по островам тьма была. Тиньки-то по грумантским берегам собирали. Кладбища целые моржей находили.

— И сейчас по берегу тиньков да черепов моржовых много валяется, — вставил Ваня.

— Есть и сейчас, да в старину куда больше было. А как ворвань в цену вошла да и моржей поубавилось, хотели наши поморы китов добывать. Да куда там! Иноземцы вокруг все воды заполонили. Государства между собой за китовый жир в бой вступали, с пушками да с войсками корабли приходили. На поморян иноземцы, как звери лютые, смотрели.

— Соперников, видать, на промыслах боялись: знали, что супротив поморов во всем мире промышленников не найти.

— Ну, а сейчас как, отец? Почему сейчас у наших охоты на китов нету?

— Да и сейчас неладно. Вот недавно, уж на моей памяти это было, сам царь Петр велел промыслы китовые для России завести. Корабли большие велел построить. Корабли-то только через два года после его смерти готовы были. Тут надо бы на промыслы выходить. Да нет, иноземцы и здесь встряли. Слыхивал я, будто галанцы в Питере хвалились: поморам, мол, кита не промыслять, не учены, дескать. И поверили ведь им, галанских китобоев назначили. Вот и напромышляли галанцы для России! Сколько лет подряд три корабля за китами к Груманту ходили, да всего-навсего трех китов упромыслили. Смех, да и только! А в

Архангельские купцы зело недовольны были. На убытки обижались. Поморов наших, что матросами на тех кораблях служили, допрашивали. Поморы всю правду, как есть, начальству обсказали: мол, не хотят галанцы, чтобы русские китов били. Порчу только на промыслы наводят.

— Так выгнать бы тех мореходов и наших поморов поставить, — опять вмешался Ваня.

— Правда твоя, Ваня, надо бы, да не так дело обернулось. Сказывали, будто деньги китобои галанские от государства своего получали, чтобы промысел китовый у русских отобрать.

— Да и пьяницы те китобои, — с сердцем продолжал Химков. — Только и заботы им водку пить да спать, жиры нагуливать. А дело богатое — промысел китовый, только мужицкой артелью его не поднять. Большую заступу от державы своей иметь надо. И не только в китовом промысле, везде заморские люди много подлости русскому народу делают. В Архангельске торговлю сколько раз губили, пиратством да разбоем мешали. Еще Грозный царь датскому королю грамоты писал, чтобы тот разбойников своих унял да морскую дорогу к Двине-реке очистил...

Ну, поморяне, спать пора, — и Алексей поднялся из-за стола. — Завтра, Федор, пожалуй, и мы пойдем, поглядим на чудо-то морское среди острова. Да и к Птичьей горе наведаться надо. Ведь ежели все это так, то и вправду от избы нашей само море ушло.

Но напрасно думал Химков заснуть в эту ночь Сон не шел к нему. Вздурораженная последними событиями мысль невольно возвращалась все к одному и тому же. Изба, была, конечно когда-то на берегу, все за это говорит. Какой помор за тридевять земель от моря избу строить будет? Думал Алексей и о том, что пора им перебираться на юг, в то зимовье, что у Крестового мыса. Оно ведь на памяти у промышленников, зверобойная лодья может подойти к нему в любое время.

Тут мысль его незаметно обратилась к оставленной дома семье — жене Насте и троим ребятам, один другого меньше, — мальчику и двум девочкам. «Как-то она, сердечная, справляется с ними?» — думал с болью в сердце Алексей.

Знал он, что жена недомогала перед его отъездом. «Здорова ли, а то совсем беда... Эх, хуже, чем на зимовке! Здесь зверь — ошкуй твой враг и обидчик, так на него хоть рогатина и топор есть. А против обидчиков-толстосумов с рогатиной не пойдешь».

И одна за другой вставали перед Алексеем горестные кар тины детства, всей его жизни.

Вот он двенадцати лет за старшего в семье остался при матери. А семья немалая: три брата и две сестры-погодки, все меньше его. Отец пошел по весне тюленя бить, да и не вернулся, унесло его на льдине. Мужики рассказывали, вместе с ним пятерых зверобоев тогда море сгубило. Видели они, как от припая их оторвало, но понадеялись, что не пропадут. Льдина большая была, и зверя на ней много... бросать не хотели. Заработать на семью надо, а о себе и подумать не когда. А купец, что на промысел охотников собирал, над матерью потом, подлец, измывался! Мужиков словом не пожалел, зло плюнул да только и сказал: «Бахилы жалко, новые совсем выдал...»

С того же года, как отец погиб, с артелями стал в море ходить. Сначала с дядей Петрухой — он подкормщиком плохоньким был у купца Первова в Мезени. Зуйком брали на лодью. И крохи, что заработать мог, все матери в семью отдавал.

А как годов пятнадцать стукнуло, взяли его, рослого партия, в артель, на одну треть пая. От того же купца моржей промышляли на Медведе-острове. Работа была такой, что спина трещала, а на полный пай еще два года не принимали: недоросток... Потом на Новой Земле зимовать пришлось. Вот где лиха хлебнул! Из десяти человек половина от цинги загибла,

остальных на другой год полумертвыми вывезли. Проклятуций Первов снарядил артель словно для цинги поживу — почитай, одну солонину дал. Да и кормщик-то плутоватый был. Ну, сам первым и умер.

Там-то вот, на зимовье, как кормщик-то погиб, его, едва ли не самого меньшего по годам, вся артель за старшего поставила...

Как с промысла воротились — с добычей! — хоть и половину народу под крестами оставили, Первов его подкормщиком посылать стал, купить хотел. Ушел от него, терпеть нельзя было, как артель прижимал. Да и лодья-то у него старая была и снаряда гнилая, того гляди на дно пойдешь.

У других тоже несладко было. Одно лишь хорошее, светлое на всю жизнь памятно осталось, когда кормщика Амоса Корнилова встретил.

«И правда хоть я уж бывалым подкормщиком считался и на Грумант не раз ходил, только Корнилов, как меня к себе взял, будто другие глаза дал. Все, что я знаю сейчас по мореходству, все он растолковал, всему он научил. Как чертеж понимать, как на бумагу берег положить, как углы мерить, чтобы по звездам да по солнцу в море себя определить... Одним словом, всю науку мореходную я от него перенял. А как сходили вместе на Грумант, он и сказал: „Какой ты подкормщик, Алексей, ты кормщик, не хуже меня!“ Стоящий человек был Амос, только старую веру беда как уважал и от того много горя имел».[38]

С той поры и пошел в гору молодой кормщик Алексей Химков. С Корниловым и богатей считались, слушали его. По его уважению и Алексея искать стали, промысел и судно доверяли.

Тут и Настенька встретила. Поженились. И хорошо было, да забот то на земле больше, чем счастья...

Так прошла перед мысленным взором Алексея жизнь тяжелая, полная лишений и обид. Но воля к борьбе, чувство ответственности перед товарищами и любовь к семье были так сильны в этом человеке, что его не сломило и последнее испытание — зимовка на необитаемом острове.

«Стой, Химков, крепко, Ваня при тебе, надо ему жизнь сохранить и товарищей выручить: всех дома ждут не дождутся. Врешь, судьба! Вернемся живыми и не с пустыми руками. А ежели так, надо немедля уходить с этого гнилого места!»— думал Алексей.

Но как быть с запасами, которыми они незаметно обросли? Куда их деть? У них было уже немало оленьих, медвежьих и песцовых шкур. Моржовых клыков много. На руках все это не перетащить, а бросить жалко.

«Карбасишко надо соорудить хоть какой-нибудь или лодчонку. Морем тогда вдоль берега в тихий день пройдем до самого становища. Все, что нужно, с собой прихватим... Завтра же работу начнем», — твердо решил Алексей.

Глава тринадцатая

ЛОДКА НА ЛЬДУ

Утром Алексей изложил товарищам свой план переселения, обдуманый за бессонную ночь.

— Нечего нам осматривать с тобой, Федор, озера да Птичью гору. Все и так ясно. Промышленники, что избу здесь строили, не без голов были за две версты от берега жить. Да и у плавника крыльев нет по острову летать. И киту не забраться от моря за пять верст. Не в этом сейчас дело. Главное для нас — не опоздать, на южном берегу ко времени быть, как лодьи на промысел пойдут.

Поговорив, мореходы решили начать подготовку к переселению не откладывая.

Постройку лодки подробно обсудили, Федору поручили подыскать в плавнике подходящий лес. Ваня должен был наскоблить со старых досок сохранившийся вар для осмолки будущей лодки.

Несколько шкур молодых оленей — неблюев — придется израсходовать на парус. Обработанная с помощью жира оленья кожа как нельзя лучше подходила для этой цели. Да и понятно: ведь это была поморская ровдуга — настоящая мягкая замша. Лодейный парус, сшитый из такой кожи, поморы так и называли ровдужным парусом. В более ранние времена кожаное снаряжение судов применялось даже чаще, чем полотняные паруса и пеньковая снасть.

Степан и здесь оказался недюжинным умельцем и мастерски сшил парус. Недаром потрудился он зимой, изготавливая иголки: много дней он обтачивал гвозди, а еще больше пришлось ему попотеть, пробивая в иголках ушки. Зато иголки получились отличные: гладкие, острые.

Веревки для снастей делали из кожи морского зайца. Вместе с Ваней, который помогал поворачивать тушу зверя, Степан кольцевыми надрезами аккуратно делил шкуру на четыре-пять полос. Кожа у головы и у задних лап в дело не годилась, ее не брали. Затем Степан отделял кожаные кольца от туши, а Ваня остро отточенным ножом «сбривал» с них сало.

Для разделки полос на ремни Шарапов соорудил несложный станок из деревянного бруса и прибитой к нему планки с зазором. Кожаное кольцо он надевал на укрепленный горизонтально брусок так, чтобы один край кольца входил в зазор планки. Наметив ширину ремня, Степан втыкал поперек бруса нож и тянул кожу, чуть наискось, на себя. Лезвие ножа отделяло от кожаного цилиндра ровную ремennую спираль.

Из одной шкуры охотники нарезали до полусотни саженой крепкого, почти квадратного ремня толщиной в полдюйма. Несколько ремней сделали более широкими, пальца в два, на лямки, коли случится перетаскивать лодку через торосистый лед.

За пять дней Степан с Ваней изрезали несколько кож. Готовые ремни на время развесили для подсушки. Посматривая на ремни, поморы прикидывали в уме и другое: сплетая несколько таких лент, можно будет при надобности получить и якорные канаты, пригодные даже для большой морской лодьи.

С берега доносился размеренный стук топора. Это Федор нашел крепкое дерево и уже мастерил гребные весла, мачту и правило — руль.

Но постройка самой лодки пока не двигалась: не хватало годного материала. А время шло. Лед в проливе уже наполовину разрушился. От грозных, высоких когда-то торосов остались небольшие холмики и пологие гряды. По всей поверхности льда голубели озерки с талой водой, а кое-где образовались сквозные проталины и промоины. По льду стало опасно ходить. «Гнилой стал лед», — говорили поморы.

В один из первых дней августа сильным ветром лед внезапно в какой-нибудь час взломало, и он быстро стал уплывать к югу, будто в широком устье пролива выбили гигантскую пробку.

— Ну, братцы, плохо наше дело. Самое время на новом месте быть, а у нас еще и лодки нет,
— говорил, качая головой, Федор. Да и остальные приуныли.

Три дня пролив был чист. А потом ветер переменялся и на море снова показался лед. Теперь он плыл обратно — с юга на север. Зимовщики узнавали «свой» прежний лед. Но среди трухлявых, разъеденных солнцем обломков виднелись крепкие большие зеленоватые, синие, белые льдины, попавшие сюда уже из других, может быть далеких мест. Льдины величаво, словно лебеди, проплывали мимо поморов, понуро стоявших на берегу.

Химков тихонько, чтобы не задеть богомольного Федора, ругнулся черным словом и отошел к Ване помогать счищать вар со старых досок.

Тем временем легкий шелоник тянул и тянул через пролив льдины и небольшие поля битого льда.

— Алексей, глянь-кось, что за зверь на льдине лежит? — окликнул вдруг кормщика Шарапов.

Кормщик нехотя поднял голову и посмотрел на пролив.

Надо было знать, на какую льдину безопасней прыгнуть, как оттолкнуться...

— Вон там, на большой белой льдине...

— Вижу я... да не зверь это, Степан... Велик больно... Лодка! Братцы, лодка это, осиновка или тройник!.. Верно говорю!

— Лодка и есть, — всмотревшись, сказал Федор. Алексей сосредоточенно обдумывал что-то.

— Что же, братцы, лодку достать надобно. Ветер сейчас слабый, а ежели это осиновка или тройник, то в обрат будем и по воде и по льду добираться. Они с креньями ведь... Со Степаном вместе пойдем. Не впервой нам...

Охотники не теряли ни минуты. Взяв на всякий случай по веслу, они прыгнули с припая на плывущий мимо них лед. Отталкиваясь веслом, они перескакивали с льдины на льдину, пробираясь к дорогой, неожиданной находке.

Нужны многолетний опыт и смекалка, чтобы проделать такой рискованный путь. Надо было знать, на какую льдину безопасней прыгнуть, как оттолкнуться... Когда путь преграждало разводье, поморы переплывали его, превращая какую-нибудь льдину в плот и гребя веслами. Наконец, преодолев последнее препятствие, друзья оказались на той льдине, где килемверху лежала лодка.

Это была действительно осиновка. Несколько минут ни Алексей, ни Степан не могли вымолвить ни слова. Они тяжело дышали и, сняв шапки, вытирали пот.

— Ну, Степан, счастливые мы! — радовался Алексей, оглядев лодку. — Цела ведь совсем, хоть сейчас паруса да весла ставь!

— Ну-к что ж, хороша осиновка, новая. Должно, с лодки промысловой. А работа наша, мезенская, сразу видать, — согласился Степан.

Перевернув лодку, поморы потащили ее по льду и разводьям к берегу. На берег вышли немного севернее, с версту от прежнего места, сносило вместе со льдом. Но этот пустяк мало беспокоил охотников. Теперь у них была лодка.

Осиновка — небольшое, но вместительное суденышко, длиной около шестнадцати футов, шириной в три фута. Эта распространенная у поморов лодка обладает многими отличными

качествами. Как легкая скорлупа, носится она по волнам и вместе с тем остойчива, поворотлива на ходу, равно под веслами и под парусом. Полозья на днище позволяли, когда нужно, катить ее по льду, как санки. Такая лодка обязательно входила в промысловое снаряжение зверобоев. Особенно любили ее мезенцы. На палубе морских лодей, идущих на дальние промыслы, всегда находилось место для осиновки.

Уже вчетвером поморы долго любовались на свою лодку, гладили и ласкали ее загрубевшими ладонями, точно живое существо. Потом с новой энергией взялись за дело. Алексей установил мачту, поставил парус, протянул снасти. Весла, сделанные Федором, пришлись как раз впору. Якорь соорудили из толстого корня, привязав к нему для тяжести грузный камень.

Через два дня осиновка была готова к плаванию и стояла, чуть покачиваясь, на якоре, в маленьком заливчике.

Осиновку испытали в ходу: и на веслах и под парусом. Суденышко всем понравилось. Ваня предложил назвать его «Чайкой» и, получив общее одобрение, раскаленным толстым гвоздем нацарапал название на носу лодки.

Ваня любовно ухаживал за осиновкой, вымыл и вычистил ее до последней доски, буквально снимая каждую соринку. В то же время, пока взрослые были заняты сборами, ему наказали следить за морем: грумаланы боялись пропустить случайную лодью.

В свои походы к морю, к прибрежным скалам — наблюдательным пунктам — Ваня, как всегда, отправлялся с медвежонком. Однажды мальчик отошел дальше обычного, к высоким утесам, темневшим в нескольких верстах от залива Спасения. Это была веселая прогулка. Они гонялись вперегонки, и медвежонку редко удавалось догнать быстрого мальчика. Мишка злился, сердито фыркая и мотая головой. Но вот медвежонок остановился и задвигал ушами и носом. Ваня тоже заметил впереди, почти у самой скалы, неподвижную коричневую тушу какого-то животного. Мальчик осторожно подошел поближе. Это был большой старый морж. Он лежал в какой-то необычайной позе. Голова его опустилась вниз, массивные желтые бивни почти целиком ушли в мелкий гравий, будто зверь в припадке ярости вонзил свое оружие в землю.

Ваня сделал еще несколько шагов. «Ого, в длину, поди, с двух быков будет морж-то!»

Мальчик стоял в полутора-двух саженьях от туши и мог рассмотреть ее во всех подробностях. Шкуру моржа покрывали редкие жесткие волосы. Спина и бока были испещрены как сеткой, глубокими рубцами. Это следы свирепых поединков на лежбищах. Быть может, за свою долгую жизнь морской великан встречался и с человеком, может быть, и поморские пули и пики оставили свои заметки на его шкуре.

Ваня крикнул, — морж оставался недвижим. Подняв камень, мальчик швырнул его в грузную тушу — никакого впечатления.

«Да он дохлый!»

Теперь мальчик смело подошел вплотную к моржу и для большей уверенности пнул его ногой. Но что такое? Шкура как-то послушно прогнулась, от удара на ней осталась вмятина. И в ту же минуту рядом с Ваней раздался отчаянный визг...

Случилось вот что. Медвежонок, должно быть, тоже сообразивший, в чем дело, тихонько подобрался к моржу сзади и увидел небольшое отверстие, прогрызенное в шкуре чьими-то острыми зубами. Недолго думая, мишка сунул туда голову и с визгом отскочил.

Ваня бросился на помощь своему другу и лишь увидел, как откуда-то из туши моржа молнией

выскочил, пушистый зверек и, метя хвостом, мгновенно скрылся между камнями.

Сначала Ваня ничего не понял. Только найдя отверстие в шкуре и осторожно осмотрев его, он изумленно убедился, что морж пустой!

Это, конечно, была работа песцов. Обнаружив труп зверя, они прогрызли шкуру там, где она была мягче, и, постепенно вгрызаясь все глубже, оставили от моржа буквально одну кожу и кости. Только что убежавший песец, видимо, лакомился остатками. Так как «дверь» была одна, он укусил медвежонка и выскочил вон.

Ваня покатывался со смеху, глядя, как мишка обиженно скулил, облизывая ранку на носу.

— Ну-ка, мишенька, глянь в окошко еще разок!.. Может, кого еще... высмотришь, — сквозь смех повторял мальчик, стараясь подтащить медвежонка к моржу. Мишка уперся всеми четырьмя лапами.

Успокоившись, мальчик полез на скалу. Но море было пустынно.

Дома Ваня смеялся над новыми приключениями медвежонка уже вместе со Степаном.

— Вот история, так история, не слыхал еще!.. Песец его из моржа-то... хватить за морду... Мишка, небось, подумал: что за зверь такой: и снаружи, и внутри — кругом зубы!

Наверно, когда-нибудь на зимовке или дома ввечеру, Степан расскажет новую сказку про страшного моржа с двойным набором зубов...

Тем временем сборы в дорогу пришли к концу. На «Чайку» погрузили только самое ценное: песцовые и оленьи меха, охотничье снаряжение и домашний скарб. Две тюленьи шкуры, наполненные жиром, привязали к бортам лодки. Все, что осталось, поморы решили спрятать в избе, а избу накрепко забить досками от медведей и песцов. На «Чайку» взяли с собой немного копченого и вяленого мяса — запас на первое время. Во что бы то ни стало нужно было сохранить огонь. Для этого, по старому обычаю, в самом носу лодки сделали глиняный очаг — ажан — и в нем развели огонь.

Десятого августа, ранним утром, «Чайка» вышла из залива Спасения с четырьмя поморами и медвежонком на борту.

Шли близ берега. «Чайка» легко огибала сохранившийся кое-где припай, встречные плавучие льдины. Ветерок был слабый, и море совершенно спокойное, тихое. Льды отражались в нем, как в зеркале. Солнечные лучи, скользя по водной глади, слепили глаза. К середине дня подул полуночник, и поморы, бросив весла, пошли под парусом.

Химков был доволен плаванием. К вечеру он подвернул еще ближе к берегу, высматривая удобное место для ночевки, так как ветер стал меняться. Наконец кормщик скомандовал:

— Роняй, Ваня, парус! А ты, Федор, весла бери, к берегу подгребай! Немного передохнем здесь, а к утру, даст бог и ветер попутный возьмется, тогда уж прямо до места дойдем.

«Чайка» с разгона, шурша, врезалась в гравий. Мореходы дружно вытащили осиновку повыше — на угор, за приливную волну, и стали устраиваться на ночлег. Прямо у борта «Чайки» разостлали шкуры, тут же развели огонь.

— Ну, братцы, ужинать — и на боковую! Завтра длинный да опасный путь будет, ни варева, ни отдыха до самого становища. Не забывать бы, котелок воды из ручья набрать. Где топор-то с рогатиной? Гляди еще, ошкуй пожалуйет.

Как только лагерь замолк, медведь действительно не замедлил пожаловать. Он долго

расхаживал вокруг, но напасть не решился: боялся огня.

Под утро Алексея на дежурстве сменил Федор. Посмотрев на дым костра, Химков заметил, что ветерок снова перешел. «Попутный, вроде», — подумал он, укладываясь вздремнуть. Все стихло кругом. В остекленевшее море гляделись нежно-розовые облака, застывшие в синем утреннем небе. Федор сидел, охватив колени руками, и лишь изредка пошевеливал угли в угасавшем костре.

Через несколько часов «Чайка» снова ходко шла под ветром к югу.

Каменные прибрежные утесы подступали все ближе к морю, становились выше и круче. Вот открылся и обрывистый южный мыс. Алексей изменил курс, следуя повороту берега.

Как и предполагал кормщик, сильным встречным течением осиновку стало сносить в открытое море.

— Ну-ка, ударь в весла, Федор. Вишь, зажила вода, шибко от берега уводит, — озабоченно оглядываясь, сказал он.

Дойдя до мыса, поморы увидели грозно нависшие скалы прямо у себя над головой.

Почти от самого моря и доверху утесы были белым белы от птиц. На воде кишели птенцы, учившиеся плавать. Тут же суетливо шныряли их родители.

На скалистых карнизах полярные совы лениво трепали когтистыми мохнатыми лапами свою добычу — чайку или кайру. Другие чайки и кайры беззаботно сидели совсем рядом, не обращая никакого внимания на злополучную участь товарок. Пониже разместились чайки топорики с широкими оранжевыми клювами. У некоторых птиц Ваня заметил на клювах маленькую, как бы припаянную трубочку. Это были чайки глупыши, трубочка им заменяла ноздри. На ближних уступах скал сидели хорошо видные с лодки, нарядные, сине-зеленые бакланы. Они, повернув головы вбок, беспокойно провожали взглядом большую странную птицу, плывшую вдоль берега.

Ваню рассмешил серьезный, как будто удивленный вид бакланов, и он, не утерпев, запустил в них куском дерева.

Что тут началось!

Бакланы с резким гортанным криком взлетели со своих мест, за ними, как по команде, поднялись все несметные птичьи стаи. Вихрем от бесчисленных крыльев рвануло парус, «Чайка» накренилась, чуть не черпая воду. Ветер сдул шапку с головы опешившего Вани.

— Береги огонь! — закричал Алексей, но голос его потонул в птичьей буре. Хорошо, Степан сам вовремя догадался заслонить очаг.

Птицы тучей окружили лодку, хрипло крича и хлеща крыльями. Ваня что было сил держал медвежонка, который норовил прыгнуть за борт. Но вот поморы нажали на весла, и «Чайка» миновала растревоженное птичье царство.

— Вот это базар, так базар, — не без уважения говорил Федор, отряхивая с бороды птичий помет.

— Степан, ужо придем сюда яйца собирать!

— Птиц то здесь много, да яиц боле нет, не то время, — сказал Химков, оглядываясь на скалы. — А сила какая! Ишь, крыльями сколь ветру гребут! Другой раз, Иван, осторожнее будь... Думать прежде надо, а ты без мысли, точно младенец.

Теперь осиновка шла на северо-восток. Навстречу стали попадаться льдины какого-то синеватого, иногда даже темно-синего цвета.

— Матерый лед где-то на берегу лежит, — пояснил сыну кормщик. — Вишь, сколько «щенков» плывет. Отрываются от берега, и несет их ветром.

Птицы тучей окружили лодку.

Внезапно лодку закачало, затрясло, словно воз на ухабистой дороге. Волны со стуком ударили в борта «Чайки», обдав мореходов солеными брызгами. Только что спокойное, гладкое море вдруг ожило, зашевелилось. На его слюдяной поверхности, словно река без берегов, возникла полоса взволновавшейся бурной воды.

— В сувой попали, — вытирая рукавом лицо, заметил Федор. — Обе воды встретились: полая с убылой спорят. — И сильными рывками стал выгребаться из толчеи.

Через несколько минут лодка вновь очутилась на спокойной воде и шла прежним курсом.

Скалы снова то отходили вглубь острова, то приближались к морю. Миновали еще несколько небольших мелководных бухт... Наконец впереди, у самой воды, возник темный утес.

— Вот и зимовье наше. Вон за той скалой, — весело возвестил Алексей. — Ну-ка, Ваня, смени Федора, а ты, Федор, отдохни. Еще верст пять будет до скалы-то, а ветру, почитай, нет.

Глава четырнадцатая

НА НОВОМ МЕСТЕ

И вот осиновка лежит на песчаном берегу небольшой подковообразной бухты. Вновь на Крестовом мысу появились человеческие следы.

Поморы зажгли факел и направились к своему новому жилищу.

В избе оставалось все по прежнему, как и в прошлом году. Раскрыв окна и двери, проветрив горницу, охотники решили вынести мертвеца до утра в сени.

Алексей полотняным лоскутом закрыл покойнику лицо. Федор бережно приподнял высохшее тело.

Скамья была покрыта жалким полу истлевшим тряпьем. Там, где покоилась голова, лежал какой-то твердый предмет.

Алексей протянул руку и взял сверток. Это была толстая книга, заботливо завернутая в грязную тряпицу.

— Библия, — сразу решил Веригин, прикинув книгу на вес. — Вишь, не меньше, как пять фунтов будет!

— Посмотрим, что за библия. — Алексей развернул книгу и вдруг радостно вскрикнул. На титульном листе было напечатано: «Арифметика, сиречь наука числительная».

— «В великом граде Москве типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей на свет произведена», — читал Алексей.

Маленькими буквами внизу стояло: «Сочинена сия книга через труды Леонтия Магницкого».

— Ваня, ну-ка, поди сюда, узнаешь книгу? Арифметика ведь это. Сохранил старик, спасибо ему. Будешь теперь по ней мореходству учиться.

Мальчик обрадовался книге не меньше, чем отец. Он обеими руками схватил объемистый фолиант в коричневом кожаном переплете с золотым тиснением на корешке.

Ваня открыл книгу. Ему сразу бросилось в глаза стихотворение, напечатанное на первой странице: «Приими юне премудрости цветы...»

На следующей странице мальчик увидел другое стихотворение, посвященное Петру I, по чьему повелению был составлен этот замечательный русский учебник, — по существу, энциклопедия точных наук того времени.

Первая часть книги содержала сведения по арифметике и геометрии. Она открывалась красивой заставкой, объясняющей предмет. Художник изобразил арифметику в виде женщины, сидящей на троне с большим ключом в руке. На ступенях трона было написано:

Деление

Умножение

Вычитание

Сложение

Счисление

Пьедестал трона окружали столбы, они назывались: геометрия, стереометрия, астрономия, оптика, меркатория, география, фортификация, архитектура.

У основания этих аллегорических фигур было помещено двустишие:

Арифметика, что деет,

На столбах то все имеет.

Ваня долго не мог оторваться от учебника. Его особенно интересовала вторая часть, где раскрывались тайны кораблеплавания, алгебра, мореходная астрономия и навигация. Вместе с Ваней радовались находке и все остальные. Но вот мальчик заметил на внутренней стороне обложки неровные, мало разборчивые строки.

— «Августа 29 дня...» — начал разбирать Ваня. — Отец! Посмотри-ка!

Алексей взял книгу у сына. Быстро пробежав глазами записи, он взволнованно сказал:

— Старик Медведев писал. По самую смерть свою писал. Все, что было, здесь указано.

Федор, Ваня и Степан молча окружили Алексея. Он начал читать:

— «Августа 29 дня года 1734. вечером прибило нас со льдами к острову Беруну Малому. Крест на горе издали видеть было, думали, люди живут. На велику силу на гору, в избу перебрались. Пятые сутки во рту крохи не было. Упал с камня, ногу зашиб, вскрикнуть хотел, так на голодное брюхо и голос не потек...

Бога благодарили о спасении нашем. Добрые люди огниво, кремень да дровец в избе оставили. Нашел перо гусяное, сажу водой развел, описать хочу горе наше лютое, чтобы люди обиду нашу ведали...

Корабли иноземные хитростью нашу лодью остановили, помочи у нас просить стали. А как на лодью взошли, оружием да множеством своим насилье над нами учинили. Промысел наш, снаряжение, снасти, оружие отняли. А уходя, лодью потопили, топорами борта порубили и карбаса с собой увели. Галанской нации суда те иноземные оказались.

Нас пятеро на лед выскочили, успели спастись. Остальных зарубили галанцы. В припасах у нас скудность была. Один с пищалью в руках выскочил, а порошу не было, другой мешок с тестом прихватил. Я сумку с одежиной взял, а в ней: книга сия оказалась.

Две недели со льдами косило нас. Тестом одним только и жили. Оголодали мы. Андрюха Ведерников еще на льду помер.

Сентября 2 дня. Руки, ноги от голоду натекли, ходить не вмоготу. Ночью ошкуй в дверь ломился, так криком отогнали.

Сентября 5 дня. Помер Иван Лукашев. Тяжело помирал, Олену свою вспоминал. Не ждала чтоб его, значит. Дочек своих жалел, по имени выкликал... На море смотрел, лодьи нет ли.

Сентября 8 дня. Песца словили, в избу забежал. Враз съели, и косточек не осталось. А зверя какого промыслить — сил нет.

Сентября 10 дня. Помер Губарев Иван, остались мы со Степаном Хромцовым вдвоем на острове. Ивана хоронили — из последних сил выбились. На море смотрели — помочи нет ли.

Сентября 11 дня. Другой песец в избу забежал. Словили. Степан есть не стал, отказался. Смерть свою видел. Завещание мне сказывал: восемьдесят рублей денег мезенский купец Мирошкин ему должен, просил, чтоб они детям достались.

Сентября 12 дня. Похоронил Степана. Смотрел на море. Лед только плавает. Не дождать, видно, помочи мне. А одному тяжко помирать.

Сентября 16 дня. И меня в смертный сон затягивать стало... Люди русские, одна просьба последняя, смертная... Кто найдет — похороните по обычаю христианскому, не дайте зверям косточки мои по острову разметать. Жене да детям про смерть мою расскажите. Да пусть люди помнят, погибли мы от корысти лютой людей иноземных.

Сентября 18 дня. Простите, люди добрые, Ивана Медведева, ежели виноват в чем.... Винюсь перед вами».

На этом обрывались записи. Они рассказали поморам о трагической гибели целой артели мезенских зверобоев. Алексей долго молчал. Наконец он сказал с горечью:

— Не впервые такое творится. И раньше бывало, что иноземные мореходы на наших промышленников нападали. Без чести, без совести люди... А наш помор пальцем чужое добро не тронет: старики до седьмого колена проклянут. Промысел хоть годами без хозяина в сохранности лежать будет... — Он снова помолчал немного. — Да, кругом неудачливые те годы были. В каждое лето от тысяча семьсот двадцатого года у Груманта от семи до осьми людей во льдах давило. Людей гибло, страсть!

— И тесто Медведев недаром в записях своих упомянул, — продолжал Химков. — Тоже старый обычай. Льдом али морем разобьет ежели судно, промышленники нальют бочку пресной воды, насыплют туда муки ржаной да замешают на-густо. Потом тесто из бочки вынут и в мешки покладут. В пути в другой раз до шести недель бывают, а пища одна: кислое тесто: по возможности из того теста блины пекут.

Старика погребли по всем правилам. Могилу вырыли поглубже, насколько позволяла мерзлая земля. Сверху навалили кучу тяжелых камней и поставили большой крест.

На нижней перекладине креста Федор вырезал крупными буквами: «Иван Медведев. 1734 год».

Вернувшись с похорон, поморы еще раз осмотрели всю избу, но ничего, кроме книги и старой пищали, не осталось от погибших мореходов.

Широкоствольная поморская моржовка лежала там, где оставил ее прошлый раз Алексей. Это было тяжелое, неуклюжее оружие. Казенная часть пищали была завернута в кусок оленьего меха и перевязана бечевкой, чтобы не отсырела.

— Мезенские кузнецы моржовку ладили, видать по работе, — заметил Федор, осматривая ружье. — Хоть и неказиста, а пристреляешь ее на свой глаз, так промаху не будет. Заряд у нее крупный, на любого зверя гош. Пуль-то один десяток из фунта свинца выходит. Только отдает крепко, другой раз долго щеку ломит.

Поморы занялись приведением в порядок нового жилища. С починкой справились быстрее, чем на старом зимовье. Изба была новее и крепче, а плавника и здесь оказалось множество. Нашли и глину печь поправить. Запасы удобно разместили в прочном сарае, стоявшем рядом с избой. Поправили баньку, занимавшую часть сарая.

Через несколько дней все работы были закончены, и жизнь на новом месте пошла своим чередом.

Со скалы, высившейся позади зимовья, охотники ежедневно осматривали море. Чтобы не пропустить проходящее судно и быстро дать ему сигнал, на вершине Крестового мыса сложили плавник для большого костра.

Охотились сейчас главным образом на оленей. Оленьих стад на берегу бухты, на моховищах, было не меньше, чем у старого зимовья. А на отмелем берегу то там, то здесь темнели моржовые залежки.

Была охота и на озерную птицу — гусей и уток. Птица скоро улетала на юг, и промышленники торопились запастись копченой и соленой гусятиной. Не обошлось, чтобы не помериться силами с ошкуем. Пришлось пустить в ход и топор и рогатину, отбиваясь от голодного медведя, который подстерег Алексея и Шарاپова, когда они возвращались с охоты.

Глава пятнадцатая

ОСТАТКИ ДРЕВНЕЙ ЛОДЬИ

За год зимовки Ваня приобрел навыки заправского охотника. И на новом месте его занимало все. Он с интересом, следил за изменением цвета шерсти оленей, за ростом и отпадением рогов, за молодью, давно уже пасущейся на ягеле со взрослыми оленями. На гусиных озерах он наблюдал подготовку птиц к перелету на материк.

Но больше всего возбуждал в мальчике любопытство видневшийся напротив, у того берега пролива, темный островок. Ему очень хотелось сесть на «Чайку» и поплыть к этому неведомому островку.

— Погоди, вот управимся с делами, тогда и на острове побываем, — сказал ему отец. — Сейчас, сам видишь, заботы сколь. А одного не пущу. И сам пропадешь, и лодку загубишь. Обожди, не уйдет от нас остров-то.

Поздоровевший было за лето Федор стал опять недомогать. На охоту ходили Алексей с Шаратовым. Ваня оставался дома с Федором помогать по хозяйству, а главное, чтобы почаще взбираться на скалу высматривать, не мелькнет ли где на горизонте парус.

Вот и сейчас Федор проводил Химкова и Степана и занимался своими делами: убирал оленин шкуры с просушки, вялил на солнце медвежатину и не забывал поглядывать на котел, где варились мясные щи со свежей салатой.

Ваня стоял на скале, осматривая светлое сияющее под солнцем море, спокойное, как никогда. Лишь изредка до зеркальной поверхности бухты докатывался отзвук далекой океанской зыби, и тогда волна лениво, почти без звука, выплескивалась на песчаный берег. Кое-где в проливе виднелись светлые точки айсбергов.

Таинственный островок сегодня особенно ясно выделялся на серо-голубом морском просторе. Казалось, он совсем рядом.

Соблазнительная мысль мелькнула у мальчика. Посмотрев в сторону перевала, за которым скрылись охотники, он решительно тряхнул головой и побежал к берегу.

«Чайка» была в полном порядке. Аккуратно свернутый парус и весла лежали в лодке. Подумав немного, Ваня решил зайти в избу и прихватить багор да что-нибудь поесть.

Медвежонок, спокойно дремавший у порога избы, заметил возню мальчика, заволновался и подошел к лодке, вопросительно глядя на Ваню черными глазами.

Уже спихнув осиновку в воду и оттолкнувшись багром, мальчик озорно крикнул лохматому приятелю:

— Мишка, ко мне! На остров поплывем! Медвежонок, не зная, что делать, беспокойно заметался. Под сильными ударами весел лодка быстро удалялась от берега. Островок был уже совсем близко, когда Ваня заметил на тихой поверхности моря быстро приближающуюся белую точку. Мальчик сначала струхнул. Ему вспомнились страшные встречи с медведями. Но, признав своего верного друга, Ваня обрадовался: пусть, с мишкой веселее будет. И не так страшно вдвоем.

Вот остров совсем рядом; еще несколько гребков, и осиновка ткнулась в берег. Вытащив лодку, мальчик огляделся.

Мрачен был остров. Ваня не увидел никакой растительности. Эта плоская невысокая каменная глыба с узкой береговой полосой, шириной в несколько метров, выглядела угрюмо и безжизненно. Даже птиц, в таком изобилии водившихся на Малом Беруне, здесь не было заметно.

Пока Ваня решал, в какую сторону держать, медвежонок тоже вылез на берег. Он шумно, как собака, отряхивался. Капельки воды сверкали на солнце, разлетаясь далеко в стороны.

— Ну, мишка, пошли!

На всякий случай Ваня попробовал, легко ли выходит нож из ножен, взял багор, положил за

пазуху мясо и тронулся в путь. Мальчик был вне себя от радости. Он забыл сейчас все на свете и наслаждался ролью исследователя таинственного острова. Недаром в нем текла кровь предприимчивых русских людей, открывателей неведомых земель, стремившихся, не щадя своей жизни, разгадать тайны Студеного моря.

Вот скалистый берег круто повернул на юг и удобная береговая дорожка кончилась. Дальше приходилось пробираться по каменным глыбам, хаотически разбросанным у берега. Местами камни лежали громадными грудками. Часть берега осыпью серых глыб уходила в воду.

«Вроде тут великан какой в камешки играл, да убрать позабыл», — подумал Ваня.

Мальчику стоило больших трудов преодолеть препятствия, так щедро расставленные природой. Даже мишка, видимо, стал уставать, карабкаясь по острорезным камням.

Вдруг Ваня остановился и затаил дыхание. Меж скал он увидел остатки жестоко изуродованного корпуса какого-то судна. Крепко забилося Ванино сердце.

«Что это?.. Лодья? Чья она? Давно ль погибла?»

Задавая себе эти вопросы, он опрометью бросился к большому кораблю, который, задравши корму кверху, беспомощно лежал среди каменных глыб. Да, это была лодья, вернее то, что от нее осталось. Доски, составлявшие корпус судна, давно сгнили, отвалились, и голые шпангоуты торчали, словно ребра гигантского ископаемого животного. Несколько рядов обшивки уцелело лишь на днище и в кормовой части лодьи. Из трех мачт осталась только задняя — бизань. Грот-мачта была сломана почти у самого основания и валялась возле, между камней. Все железные части — болты, блоки, гвозди, скобы — поржавели. Большую часть их время превратило в рыжую труху. Увидев обрывки вицы и аккуратные дырочки в обшивке лодьи, мальчик вспомнил, как промышленники Старой слободы делали такие же деревянные «нитки» из корней можжевельника или стволов молодой ели.

Ваня многое подметил сразу, но главного еще не знал: ему посчастливилось наткнуться на древнюю русскую морскую лодью, построенную в XV веке!

Вся носовая часть обнаруженного мальчиком судна находилась в воде и была почти полностью разрушена. Выше корпус постепенно выходил из воды, оголяя черное днище с широкой, рваной пробоиной посередине.

— Ишь ведь, как ее садануло о камни! В такую дыру ошкой свободно пролезет.

Ваня пробрался через пробоину, попрыгал на досках, пробуя, крепки ли, и стал подниматься по шатающимся, скрипящим деревянным частям, пробираясь к более сохранившейся от разрушения корме. Шаги его гулко отдавались по судну. Какое то необычайное волнение охватило мальчика. Каждый звук заставлял его вздрагивать и прислушиваться.

Изредка набегавшая на лодью волна, вкатываясь на днище, заставляла его глухо и таинственно звучать. И тогда Ване слышались будто стоны, идущие откуда то из глубины судна.

Приказный люк был открыт. Заглянув в него, мальчик отшатнулся. Из темного отверстия слышались какие-то не внятные звуки. Потом Ваня понял: это было его же дыхание усиленное и повторенное где-то внутри пустого судна. Мальчик снова заглянул в люк, но после яркого солнечного света долго не мог ничего рассмотреть. Когда глаза немного привыкли, он постепенно стал различать внутренность помещения. Оказалось, что многочисленные щели от разошедшихся пазов обшивки пропускали много света. Ваня сейчас же признал каюту кормщика. Поколебавшись немного, он решил пробраться внутрь. Нельзя сказать, что в эти минуты мальчик чувствовал себя героем. Ему все время чудилось, что

где-то здесь, близко, должны быть люди, команда лодьи.

Ветхая стремянка валялась внизу под люком. Ловкий, как кошка, мальчик в мгновение ока спустился в каюту без ее помощи. Осторожно двигаясь среди деревянных обломков, он стал внимательно осматривать мрачное помещение. Свет в каюту кормщика проникал не только из щелей корпуса, но и через маленькие окна, разделенные свинцовой решетчатой рамой на квадратики, с остатками слюдяных стекол и бархатных шторок.

Меж скал он увидел остатки жестоко изуродованного корпуса какого то судна.

Вдруг куча тряпья в углу зашевелилась. Послышалось громкое шипение, что — то ударило мальчика по лицу, и мимо Вани бесшумно пронеслось что-то большое. На мгновение стало совсем темно. Таинственный жилец каюты закрыл своим телом люк.

Ваня обмер. Чего только он не передумал за эти несколько секунд! Вспомнился страшный Грумаланский Пес. Мальчик рванулся было к выходу, но сдержал себя, пересилил страх.

Он нерешительно сделал два шага. В углу копошилось что-то живое. Еще шаг, и Ваня ясно различил несколько больших белых яиц и двух птенцов. Один был слепой, — видно, только вылупился из яйца, а другой побольше уже с открытыми глазами. Оба птенца беззвучно раскрывали клювы и вытягивали шеи.

— Да ведь это сова. А я-то сдуру перепугался!.. — И он продолжал осматривать каюту. Вот разрушенная койка, рядом с ней валялась гладкая доска — столешница. На деревянных гвоздях, вбитых в стены, висели остатки богатой одежды, она совсем истлела и разваливалась от прикосновения. В углу была икона. Сняв ее, Ваня рукавом стер слой грязи и кристалликов соли. С иконы глянули тусклые лики святых.

На полу, между досками, Ваня увидел, искусно сделанную из глины плошку.

«Светильник, наверно, упал, как судно волной бить начало», — подумал мальчик.

Действительно, около плошки на досках были видны темные пятна — остатки впитавшегося в дерево жира. Тут же Ваня нашел круглую костяную коробочку. Взяв коробочку в руки, мальчик заметил внутри нее какие-то цифры и деления, искусно вырезанные и закрепленные черной краской. В донной части коробочки лежала остроконечная железная иголка.

Ваня радостно вскрикнул: он нашел компас-маточку.

В компасе были скомбинированы солнечные часы и магнитная стрелка. Ваня осторожно вытер пальцами внутренность маточки.

«Интересно, почему железная стрелка блестит, а гвозди и скобы, что в лодье торчат, совсем ржа съела?» — задал себе вопрос мальчик. И тут же сообразил: свалившись на пол, глиняная плошка перевернулась и залила жиром упавшую рядом с ней маточку.

Это была драгоценная находка. Ваня слышал не раз, как отец, составляя чертеж острова, то и дело вспоминал об утерянном компасе.

— Хороший подарок принесу отцу, может и ругать не станет, что без спросу на остров подался, — ликовал мальчик.

Увлечшись интересными находками, Ваня совсем забыл про медвежонка. Оставшемуся наверху мишке, очевидно, надоело одиночество, и он решил обратить на себя внимание мальчика. Медвежонок, скуля, кружил вокруг люка, поминутно заглядывая в него. Не решаясь прыгнуть вниз, мишка просовывал в люк лапу и пытался дотянуться до Вани.

— Сейчас, мишенька, — услышал, наконец, старания своего друга мальчик.

Он собрался уже выбраться на палубу, как вдруг его внимание привлек незамеченный сначала продолговатый запыленный ящичек. Ваня попытался открыть его — ларчик не поддавался. Любопытство терзало мальчика. Но ему было жаль поломать красивую вещицу, и он решил подождать до возвращения домой. Тут Ваня снова вспомнил об отце и стал торопиться. С удовольствием покинул он мрачную каюту и, очутившись на палубе, всей грудью вдохнул чистый морской воздух.

Устроившись поудобнее на прогретых солнцем старых досках, мальчик перекусил, не забыл угостить медвежонка а потом и задремал незаметно под баюкающими всплескам воды.

Отдохнув часок, Ваня решил возвращаться к лодке противоположным путем, чтобы не перелезть еще раз через бесконечные каменные преграды. Другими словами, Ваня хотел обойти остров вокруг.

Глава шестнадцатая

НАПАДЕНИЕ МОРЖЕЙ

Покинув старую лодку и спустившись по камням к самой воде, друзья весело шагали вдоль узкой полоски пляжа.

Вдруг мишка насторожился и стал жаться к ногам Вани. Он вытягивал шею, усиленно нюхал воздух и шевелил ушами.

— Что ты, глупый, чего испугался? Страшного-то ведь тут ничего нету, — успокаивал Ваня не мишку, а самого себя. Однако он взялся за нож.

Как будто все спокойно. Прошли еще немного. Но вот и Ваня расслышал какое-то тьяканье, глухой рев и ворчанье. Легкое дуновение ветерка донесло из-за утесов смрадный, одуряющий запах.

— Тьфу! — плевался Ваня. — Откуда только душина такая взялась? Пойдем, мишка, посмотрим, кто на нашем острове живой али мертвый есть, — и Ваня решительно направился вперед.

Медведь неохотно плелся за ним, останавливаясь на каждом шагу. Осторожно выглянув из-за утеса, Ваня обомлел. Пологий галечный берег, открывшийся перед его глазами, был весь покрыт моржами. Светло-рыжие, темные, почти черные, они лежали вплотную друг к другу. Животные мирно дремали на солнышке.

Иногда из воды выползал новый морж и, издавая резкие трубные звуки, пытался втиснуться между коричневых тел.

На морщинистой коже, покрытой жестким рыжим волосом, у некоторых животных виднелись рубцы от рваных ран. Кожа, как бородавками, была покрыта желваками с кулак величиной. Страшные, клыкастые головы животных лежали на тушах соседней или, повернутые набок, покоились на гравии. Держать голову иначе моржам неудобно: мешают клыки.

Ваня начал было считать моржей, но скоро сбился.

— Да тут их тысячи, — прошептал мальчик, — остров этот настоящее моржовое царство, ему

только и называться Моржовым...

Время от времени кто-нибудь из моржей лениво поднимался и, посмотрев кругом, снова ложился. Но вот один из них отполз немного в сторону и начал тяжело ворочаться на одном месте. Он катался по гальке и терся боками и спиной об острый обломок скалы. Временами зверь хрипло рычал и лаял. Потом, успокоившись, он снова вернулся к стаду, на свое прежнее место, а к камню, о который терся морж, слетелись небольшие птицы и стали усердно что-то клевать, ссорясь между собой. Ваня с недоумением наблюдал за этой сценой. «Вот вернусь домой, спрошу», — подумал мальчик.

Ване очень хотелось возвратиться настоящим охотником. Он наметил лежавшего поблизости и сладко спавшего кырчига — годовалого моржонка — и, стараясь не шуметь, тихонько стал приближаться к нему.

Подойдя почти вплотную к зверю, Ваня изо всей силы ударил его багром в голову, раненый моржонок завертелся, рванулся вперед и отрывисто залаял.

Почти одновременно с раненым взревел большой клыкастый морж, стороживший стадо. Сотни массивных тел приподнялись и повернули к Ване свои усатые морды с длинными бивнями. Теперь ревело все стадо.

Самые крупные моржи издавали грозный львиный рык. Животные поменьше ревели и мычали на разные голоса. Молодые моржата тьякали, как дворняжки. Несколько моржей поползли, на мальчика, непрерывно трубя и подняв головы, как бы замахиваясь на него клыками. Их маленькие глаза были налиты кровью, свирепо торчали толстые, как шпильки, усы. Мальчику стало страшно.

Но присутствие духа оставило Ваню только на мгновение. Быстро оглядевшись, он в несколько прыжков очутился у высокого утеса и стал поспешно карабкаться наверх. Взобравшись на небольшую площадку, он почувствовал, что находится в безопасности. Немного придя в себя, Ваня стал наблюдать разъяренных животных.

Моржи продолжали наступать. Они сплошь обложили скалу.

Вдруг Ваня испуганно оглянулся. Ему показалось, что кто-то хочет схватить его за ноги. «Морж! — промелькнуло в голове. — Неужто сюда забрался?» Но вместо моржа у его ног был мишка. Медвежонок перепугался еще больше Вани и, дрожа всем телом, жался к ногам своего друга.

Так вдвоем, Ваня и белый медвежонок, тесно прижавшись, стояли на высоком уступе, ожидая, как развернутся события дальше.

Моржи, пошумев еще немного и почувствовав, что все попытки уничтожить врага напрасны, повернули к берегу и стали уходить в воду.

Море закипело от бесчисленных тяжелых тел... Последним медленно пополз раненый кырчиг, оставляя на гальке кровавый след. Войдя в воду, он стал как-то странно барахтаться и жалобно стонать. Моржонок тонул. Это заметили другие-животные. Два взрослых моржа нырнули под моржонка и, поддерживая на своих спинах, как на носилках, понесли его прочь от берега.

Берег опустел. Лишь изредка из воды показывалась усатая моржовая голова и, хрюкнув, быстро скрывалась.

Мальчик долго не решался покинуть свое надежное убежище. Наконец, собравшись с духом, он спрыгнул вниз и бросился со всех ног к лодке.

Но судьба готовила друзьям еще один сюрприз. Пробежав по берегу с версту, Ваня увидел картину, надолго оставшуюся у него в памяти.

За обломками разрушенной временем скалы стоял мохнатый ошкуй.

Ваня застыл на месте, а потом, стараясь быть незамеченным, спрятался за камни. Тут же примостился и мишка.

«Ну, теперь пропал, — думалось Ване, — задерет меня ошкуй. Жив останусь, вдругорядь один никуда из избы не выйду...»

Медведь, однако, был занят другим делом. Он медленно, осторожно крался к одинокому моржу, дремавшему на гальке. Увлеченный охотой, ошкуй не заметил ни мальчика, ни медвежонка, находившихся совсем близко от него, в каких-нибудь пятидесяти шагах. Да и ветер тянул от медведя, помогая нечаянным зрителям.

Странно было видеть большого, грозного зверя, по-кошачьи крадущегося к моржу. А морж был велик. Сто десять — сто-двадцать пудов, не меньше, было весу в этом морском звере. Да и медведь выделялся из всех виденных мальчиком раньше.

Кровь молоточками стучала в висках у Вани, но он, сдерживая волнение, неотрывно следил за охотой ошкуя. Медведь, подобравшись шагов на пять к моржу, прыгнул и вцепился когтистыми лапами в шею ничего не подозревавшего исполина.

Завязалась борьба. И медведь и морж ревели и рычали. Трудно было угадать исход поединка полярных богатырей.

Белая шкура медведя окрасилась кровью, стекавшей ручьями с тела моржа. Но морж не сдавался. Он в ярости мотал головой, стараясь зацепить бивнями врага. Изловчившись, он ответил медведю таким ударом, что тот кувырком отлетел на десяток шагов. Воспользовавшись этим, морж ринулся было в воду с быстротой, поразившей Ваню.

«Вот кабы сбежал морж-то от лешака ошкуй», — сочувственно пожелал мальчик.

Но медведь не зевал. Через минуту он снова сидел на морже, разрывая его когтями. Так с медведем на шее и добрался морж до воды. Силы постепенно оставляли морского зверя, рев его становился все глуше и глуше, а движения медленнее. Не удалось моржу сбросить с себя врага, не удалось окунуть свое большое тело в морские волны, у самой воды пришлось ему расстаться с жизнью. Взревев еще раз, как бы прощаясь со своими сородичами, зверь больше не сопротивлялся.

Однако и медведю дорого досталась победа. Он сильно хромал, припадая на задние лапы. Переднюю левую лапу медведь то и дело поднимал и тряс от боли.

Мальчик остался недоволен исходом боя. Ему было жалко моржа.

Чтобы представить себе силу полярного медведя, вступающего с схватку с моржом, нужно помнить, что кожа моржа достигает двух дюймов толщины, вес — ста двадцати пудов, длина — двадцати футов, а клыки — до трех футов и весом до пуда.

Как только ошкуй, урча, принялся лакомиться добычей, Ваня с медвежонком, таясь между камнями, стал пробираться к своей «Чайке». Мишка сразу же без приглашения забрался в лодку, — видимо, ему не очень понравилось путешествие по острову.

Прежде чем столкнуть лодку в воду, мальчик на прощанье еще раз обвел долгим взглядом скалистый берег острова и нависшую над лодкой стену серых, безжизненных скал.

«Сколько высоты в этом острове будет?.. Замер бы сделать», — подумал Ваня.

Взгляд мальчика упал на длинный ремень из заячьей кожи, аккуратным мотком лежавший на носу лодки.

Взяв ремень, Ваня по руслу высохшего ручейка залез на утес. К концу ремня он привязал небольшой камень и, лежа на самом краю, опустил его с обрыва.

Ремня хватило примерно до половины. Камень, привязанный к ремню, лежал на выступе, идущем по всему утесу карнизом шириной около метра. Спустившись на уступ, Ваня проверил, что расстояние от карниза до подошвы скалы тоже равнялось длине ремня. «Дома уж ремень саженью замерю».

Окончив измерения, Ваня вернулся к лодке. Был час отлива. Опустилась могучая грудь Студеного моря, отошла от берегов морская вода, оголились прибрежные камни; черные глыбы, ранее невидимые, выступили из воды: море показывало свои острые когти — подводные рифы.

Ваня стоял в раздумье, держась за борт лодки. «Далеколько лодку тянуть придется... Что это там, али опять зверь какой?»

Мальчик пригляделся: небольшое рыжее тело, судорожно дергаясь, передвигалось по гальке к большим плоским камням.

«Моржонок это, теленочек, — сообразил Ваня, — маленький совсем».

Он не утерпел, чтобы не посмотреть, куда пополз рыжий зверек.

В это время моржонок успел скрыться меж скал. Ваня побежал к черным валунам, укрывшим зверька. Притаясь за одним из камней, мальчик осторожно выглянул.

В двух шагах от него, у отвесной стенки высотой в сажень, опираясь на задние лапы и странно изогнувшись, неподвижно стоял взрослый морж. Моржонок бестолково суетился около него, смешно тыкался курносой мордочкой то с одной, то с другой стороны, как будто старался сдвинуть с места взрослого моржа. Наконец ему удалось найти то, чего он искал. Захлебываясь, он стал сосать молоко.

«Вот тебе раз, моржиха это! Точно на цыпочки встала», — удивился мальчик. Только что за странная поза у моржихи!

«А клыки... Вот оно что, — вдруг догадался Ваня, — Клыки-то моржихи в камень ушли. Как это угораздило тебя, сердечную!»

Мальчик выбрался из своего укрытия и подошел к зверям. Клыки моржихи торчали в расщелине. В прилив она, видимо, хотела взобраться на камень погреться. Зацепив за потрескавшийся базальт клыками, зверь пытался, как обычно, мощным рывком бросить свое тяжелое тело кверху. Но не рассчитала моржиха, не смогла вынуть застрявшие бивни и осталась пленницей: камень крепко держал свою жертву.

Увидев мальчика, моржиха жалобно замычала. Ее ждала неизбежная гибель, но это была мать, и она, почуяв опасность, предупреждала своего детеныша. Снова и снова раскачивала она свою грузную тушу, старалась вырваться, вытащить клыки.

Ваня пожалел моржиху.

Он сбегал за багром и, как рычагом, стал освобождать застрявшие бивни. Пришлось немало потрудиться, но в конце концов усилия мальчика увенчались успехом: клыки как-то сразу

выскочили из расщелины, и моржиха тяжело рухнула на гальку.

Долго лежал измученный зверь на берегу, поворачивая то в одну, то в другую сторону голову.

«Сомлела совсем, — подумал Ваня. — Давно, видно, в камне увязла».

Тихо зашелестела, зажурчала приливная волна. Незаметно подкрадывалось море, затопляя отлогий берег. Волны подходили все ближе и ближе: вот они окружили моржиху. Она зашевелилась, оперлась на ласты, и ее большое рыжее тело с шумом скрылось под водой. Через минуту две круглые головы показались в море: одна большая, другая совсем маленькая. Ваня помахал им рукой и направился к лодке. Хорошо было на душе у мальчика. Он был рад, что не попала моржиха ошкую в лапы, рад был за моржонка. Пусть живет зверь! До Крестового берега друзья добрались благополучно. Еще издали Ваня увидел могучую фигуру Федора, стоявшего на берегу.

«Беспокоится, видно, крестный: не сказал я ему, куда собрался».

— Лови! — закричал Ваня, бросив на берег ременный конец, и Федор, легко перебирая ремень сильными руками, вытащил лодку на береговой песок.

Ваня бросился к хмурому Федору и, глотая слова, стал рассказывать свои приключения.

Федор молчал, слушая его рассказ. Он не одобрял поступка мальчика, нарушившего запрет отца. Непослушание старшему — большая вина. Это знал и Ваня и решил задобрить крестного.

— Вот тебе, Федор, ларчик, — заглядывая в глаза, тихо произнес он.

Федор внимательно осмотрел маточку, светильник и, сам искусный мастер, особенно долго любовался затейливой резьбой на старинной шкатулке.

— Хорошая работа и древняя. Ларчик, Ваня, не будем открывать, Алексея подождем, — сказал он.

Рассказал мальчик и о странном поведении моржа, катавшегося по берегу, и про птиц, что-то клевавших там, где возился морж.

— Это, Ваня, морские клопы его кусали, большие, как жуки, ростом-то. Никто моржу в Студеном море не страшен, а клопа он боится. А на берегу любит морж лежать потому, что там клоп его меньше ест. А птицы клопами лакомятся. Другой раз прямо из шкуры их таскают. От птиц моржу только польза.

Перед сном Федор сказал мальчику:

— По-настоящему бы, Ванюха, за ослушание тебя вицей отодрать надо. От души говорю... Разве что простит отец, помилует за находки.

Федор попал не в бровь, а в глаз. Ваня и сам все время думал о встрече с отцом, но, не желая признаваться в этом даже Федору, ничего не ответил и нарочно громко захрапел.

Глава семнадцатая

ЗАГАДКА ЛАРЧИКА

Только через два дня возвратились Алексей со Степаном. Они принесли на плечах свою добычу — по две оленьих туши.

— Новое пастбище нашли. Оленей много и недалеко совсем, вот только через ту гору перевалить, — довольный сказывал Химков.

Улучив момент, когда отец, сытно поев, был в отличном расположении духа, Ваня повинулся в самовольной отлучке.

— Ишь ты, неслух! — Жалко розог нету, не растут на острове, а то бы...

Алексей побранил сына, но только для виду, в глазах у него загорелись лукавые огоньки; он, видимо, был доволен мальчиком. За маточку поблагодарил и бережно поставил драгоценный прибор на полочку у своей койки.

— Ну, показывай ларчик свой, посмотрим, чем еще удивить нас собрался.

Вскрыв ящик лезвием топора, Алексей вынул оттуда кусок синего шелка, сильно поблекшего от времени, на котором были изображены какие-то святые. В одном углу золотом был вышит диковинный зверь, а под ним написано славянской вязью: «Господин Великий Новаград».

— Да это, братцы, стяг новгородский, видишь, с правой стороны древко было. Вот и следы остались, раньше-то древко всегда с правой стороны бывало.

Все залюбовались тонкой работой, расписное шелковое знамя, как скатерть, закрыло стол. Это было большое полотнище, срезанное сбоку, углом, аршин пяти в длину и шириной в два аршина.

— Думаю я, стяг этот из самого Новгорода привезен. Вышивать новгородцы мастера были, — сказал Алексей, разглаживая толстый шелк знамени.

— Значит, верно старики сказывают, что наши поморяне со спокон веков на Грумант плавали, — обратился к Химкову Федор. — Ведь вот еще Великий Новгород салом, да шкурами, да моржовой костью с заморскими странами торговал. Охотники наши в Студеном море для него промышляли. Трудами дедов и прадедов наших богатым и сильным Новгород стал.

— А я, Алексей, слышал, — перебил Шарапов, — дед Никифор сказывал, — знаешь Никифора-то, мезенский наш? — дацкий король на Грумант собрался ехать — это при Грозном царе было, — да дорога ему неведома оказалась. Так он письмо написал, чтобы нашего промышленника Павла Никитина сыскали. Наслышан был король-то, что Никитин на Грумант, почитай, каждый год плавал, все места там знал...

— А вот Амос Корнилов прошлую зиму в Петербурге у Михайлы Васильича гостил, и Ломоносов ему карты аглицкие да немецкие показывал. Там Грумант-то наш Шпицберген прозывается. Сказывал Амос, будто галанский корабельщик Баренц один раз Грумант издали увидел да Шпицберген прозвал, и с тех пор так его называть стали.

— Ну-к что ж, знатный, видать, галанец-то был, потому и остров звать стали, как он приказал, — вмешался Степан. — Русские-то наши все простые мужики, разве их послушают короли да князья!

— И еще Амос сказывал: мало писали поморяне книг о плаваниях-то своих, — продолжал Алексей. — Иноземцы, те все подробно описывали да еще и врак полный короб прибавляли. Ежели бы им такие плавания, как наши деды ходили, вовек бы в песнях не напелись и в колокола не назвонились.

— А может, русские книг потому не писали, что не считали за диковинку на Грумант ходить, —

не то спрашивал, не то отпевал Федор. — Справляли поморяне свою работу, обычное дело — и все. Тут и писать нечего. А иноземцам в Студеном море редко бывать приходилось, вот и писали. Да и бумаги в те времена мало было. Чертежи, и те, случалось, на березовой коре рисовали.

— Правильно говорите, братцы, — удовлетворенно сказал Алексей. — Русские ни в каком деле иноземцам не уступят, а наипаче в кораблеплавании во льдах грумаланских. Нет мореходов таких, чтобы с нашими поморами в один ряд пошли, оттого и иноземцы отказаться не могут. Слушайте дале: видал еще Амос у Михайлы Васильича карты римские або французанские. Море-то наше Студеное там Московским морем названо — русским то есть. Тут уж, видно, французанам отступиться некуда было...

Горячо обсуждали поморы свои плавания. Вспоминали своих предков, древних русских мореходов, делали предположения, как могла попасть сюда, на остров, лодья с новгородским флагом и когда она погибла.

Наговорившись вдосталь, снова обратились к ларчику. Вынули с пригоршню монет, поглядели на деньги Великого Новгорода, чеканные, со зверями да воинами в латах.

— А это что? — Ваня вынул из ларчика большой сверток бересты и кусок пергамента.

Алексей развернул пергамент и долго его рассматривал. По листу тянулась извилистая линия с большим числом надписей и пометок.

— Да ведь это Грумант наш тут нарисован... и путь лодьи этой...

Мореходы склонились над пергаментом, изучая старинную карту Груманта.

— Вот берег Большого Беруна, ишь, сколь северно лодья-то забралась. А вот и Малый Берун — наш остров. Вот остров, у которого лодья погибла, — твой Моржовый остров, Ваня. Хорошо чертеж сделан, по тем временам лучше и нельзя было.

Химков отложил в сторону карту и стал разбирать записки на кусках березовой коры.

— Братцы, да ведь записи эти кормщик Тимофей Старостин вел... вот тут указано. Слыхали, может, род Старостиных древний, многим известный. Да сколь их тут! — воскликнул Алексей, перебирая согнутые полоски березовой коры, густо исцарапанные угловатой скорописью. — Как свободнее будет — займемся, почитаем.

— Отец, посмотри, вот еще бумага... Печать какая большая на ней поставлена и год... — мальчик как будто споткнулся и, пораженный, произнес несколько неуверенно: — Тысяча четыреста шестьдесят восьмой год!

Алексей распрямил большой свиток и долго мучился, стараясь понять текст: многие буквы выцвели, расплылись. Трудно было уловить смысл в старинных витиеватых фразах. Наконец он поднял голову:

— Ну и ну! Нашел ты, Ваня, грамоту посадницы новгородской боярыни Марфы Борецкой. Прописан в ней приказ сыновьям Антону да Феликсу... Осмотреть-де должны сыновья поморскую землю от Колы и до самых Холмогор. И Грумант-остров осмотреть им было велено... На промыслы разбойные, на добычу морского зверя, значит, посадница книги приказные завести велела. Все становища в эту книгу записать. Шкуры, сало да кость моржовую велела Марфа без остатка купцам новгородским продавать. Да еще писано в грамоте про рыбу великую — кита. Хотела, видно, посадница китовый промысел на Груманте завести... Тут много еще написано, только разобрать не можно... Да вот еще: в поход велела две лодьи снарядить, каждому сыну свою лодью иметь. Сыновья, ежели что, помогу друг

другу оказывать должны...

— Ишь, куда добралась правительница новгородская! Видать, деньги шибко нужны были, ежели сынов своих за шурами да клыками в море погнала, — усмешливо сказал Степан.

— Слыхал я и про это, — пробасил Федор. — На Груманте Антона да Феликса бог спас, а в Двине утонули. Марфа, сказывают, много горевала по сыновьям-то. Храм построила на гробах ихних, в Карельском устье стоит, видел я.

— Хитрая баба была Марфа Посадница, — говорил Алексей. — Зазналась, выше Москвы стать хотела. Воевать Москву собиралась. Только народ русский не пошел противу своих-то. Наши, двинские, еще раньше под великим князем Московским быть хотели. Отдались было под его руку. Да не дала знать новгородская, отбила Двинские земли в обрат. Людей сколь сгибло, по приказам новгородским замученных за верность Москве. Былины про то сложены.

Химков повернулся к сыну. — Вот, Ваня, видел теперь, какие деды наших дедов лодьи строили? Не хуже теперешних. Д Грумант-то остров — древняя земля русская. И эта лодья не первая, сюда много раньше корабли поморские хаживали.

Отложив в сторону Ванины находки, Алексей задумался, глядя куда-то в сторону.

— А скажи, сынок: как лес-то на лодье — не вовсе загнил? Годный будет, ежели карбас большой ладить из того леса?

Федор и Степан взглянули на мальчика, и глаза их загорелись надеждой.

— Да так, отец, думаю я, лес-то крепок еще. Если лодью ту разобрать да добавить плавника малость, то и карбас может выйти.

— Тогда вот что: поедем на тот остров, поглядим вместе да и решим, как быть.

Глава восемнадцатая

СНОВА НА МОРЖОВОМ ОСТРОВЕ

Рано утром промышленники стали собираться на Моржовый остров. Собирались быстро. Каждому хотелось как можно скорее своими глазами увидеть остатки древней лодьи. Каждому хотелось убедиться в возможности постройки карбаса.

На «Чайку» погрузили инструменты и оружие, тушу освежеванного вчера оленя. Снова перенесли огонь в глиняный очаг на носу суденышка.

Когда зимовщики все приготовились к отплытию и собирались уже столкнуть лодку в воду, Алексей посмотрел на Моржовый остров и сказал:

— Кабы знать, сколько верст до него. Можно было бы рассчитать, скоро ли в обрат будем. Ты, Ваня, хоть по солнцу бы, что ли, приметил, сколь от острова выгребался. Мореход всегда должен за временем следить.

Мальчик смутился.

— Торопился я, отец. Гору на берегу смерил, а.

— Тогда молодцом, — перебил его отец. — Больше нам ничего и не нужно, раз высоту

острова знаем. Два ремня, говоришь, гора-то? Ну-ко, Степан, смеряй ремень...

В ремне оказалось двадцать семь сажений. Значит, высота острова составляла пятьдесят четыре сажени.

Химков остругал щепочку и нанес на ней несколько четвертьдюймовых делений. Подойдя к берегу и вытянув руку, он навел свой дальномер на остров. Гора заняла на щепке почти точно одно деление.

— Значит, одна четверть дюйма, — вслух стал вычислять Алексей. — Гора в дюймах — четыре тысячи пятьсот тридцать шесть; от глаза до щепки — тридцать дюймов... — Он составил несложную пропорцию и тут же багром начертил на песке ее решение.

Как решил задачу Химков? Высота горы относится к расстоянию до острова, как отметка по дальномеру относится к длине руки. Таким образом, расстояние до острова равнялось: высота горы * длина руки / отметка по дальномеру

или — $4536 * 30 / 4 = 4536 \cdot 120 = 544320$ дюймов.

— Шесть тысяч четыреста восемьдесят сажений — тринадцать верст до твоего острова, Ваня.

Мальчик был прямо в восторге, что отец так быстро, не сходя с места, измерил ширину пролива. Как ни торопились поморы, Ваня все же упрямился отцу объяснить, как это он сделал.

— Тут геометрию надо знать, задачи с треугольниками решать. Сделав для наглядности чертеж на песке, Химков растолковал сыну несложный способ определения неизвестного расстояния с помощью простейшего дальномера.

Погода благоприятствовала мореходам, и часа через три они стояли перед остовом лодьи. Алексей, взяв топор, направился к судну первым. Попробовав дерево в нескольких местах, он с радостью заметил:

— Ребятюшки, а доски и впрямь могут в дело пойти. Передохнем, закусим, да и за работу. Ты, Ваня, костер разжигай, обед готовь, а мы пока лодью оглядим.

По-хозяйски осматривая каждый гвоздь, каждую скобу, охотники дошли до приказного люка и спустились внутрь судна.

Перерыв все в каюте, Алексей вдруг остановился и ударил себя по лбу, как будто что-то вспомнив:

— Вот запомнил, ведь в лодьях из этой каюты люк вниз должен быть, в малую кладовую.

— Он стал на колени, обшаривая каждый вершок палубы.

— Вот люк, смотри, Алексей! — закричал Федор, нащупав почти незаметную под мусором крышку.

Крышку быстро подняли, в кладовую спустился Шарапов. В этом небольшом помещении было гораздо темнее, чем наверху, — нижний пояс лодьи был обшит самыми толстыми досками и щелей тут было меньше. Пошарив вокруг, Шарапов крикнул:

— Бочка какая-то, ну-ка, принимай, Алексей. Тяжелая — страсть!

Химков выбил днище бочки. В ней оказался вар для осмолки кораблей. Эта находка была настолько важной, что Алексей долго не хотел верить своим глазам.

— Да это, братцы, счастье ведь, — говорил он, разминая в пальцах черную вязкую массу и с наслаждением вдыхая смоляной запах. — Теперь мы карбас сладим, а то я сомневался, что конопать плохая будет. — Алексей, — снова раздался голос Шарапова, — топор держи, будто годен еще, да якорь большой тут лежит, да веревки смоленой спуск целый.

Радости поморов не было конца. Они осторожно, как самое драгоценное сокровище, перенесли свои находки на берег.

— Видишь, Ваня, какое добро упустил, не досмотрел! — шутил Степан.

Весело застучали топоры, работа шла споро и дружно. Доски и брусья сбрасывали прямо в воду, где Степан мостил плот. Ваня выбирал на лодье меньше других поржавевшие блоки и скобы.

Лазая по всему судну, мальчик успел заглянуть еще раз в каюту кормщика и принес оттуда потемневший металлический предмет, напоминавший глубокую чашу с заострением, и выпуклую овальную доску с обрывками толстой кожи. По краю доски шел рядок бронзовых, покрытых зеленой окисью гвоздей с большими шляпками. Посреди доски был укреплен круглый диск с остатками позолоты.

— Вот, отец, посмотри, и ты не заметил, — хвалился Ваня. — Доска на стене висела, а это вот в самом углу под щепками валялось.

Алексей повертел находки в руках, подумал.

— Это шелом русского воина. А это щит, Ванюха. Шелом-то богатый, видать, у знатного человека на голове был. Да и щит не простой, убранство с золотом, да дерево, смотри, какое... Вяз это: в таком дереве меч увязнет, а щит цел будет. Не иначе, боярин владел этим щитом и шеломом... Нам-то на Груманте они ни к чему...

Бегая около лодьи, Ваня обнаружил совсем неподалеку удобную, защищенную большими камнями, гавань для «Чайки» и показал отцу. Алексей, осмотрев маленькое «становище», велел мальчику пригнать сюда осиновку, чтоб была поближе.

Лихо подойдя к старому кораблю, Ваня стал разворачивать «Чайку», чтобы войти в «порт». Осторожно лавируя между камней, он случайно бросил взгляд на корму лодьи: там, под косыми лучами солнца, сверкали какие-то золотистые блески. Подойдя ближе, он увидел, что блески играют на темно-красных полосках, похожих на буквы.

«Да ведь на этом месте прозвище лодьи пишется», — вспомнил Ваня. Вглядевшись, он постепенно различил полу стершиеся буквы: СВ..ОЙ АРХ.Н..Л МИХ..Л. — «Святой архангел Михаил», — догадался мальчик.

Торопливо поставив «Чайку», он побежал поделиться своим открытием.

— Ну-к что ж, Ваня, еще раз поздравленье, морские глаза у тебя, не то что наши, стариковские, — весело откликнулся Степан.

— А мы вот с Федором две бочки из-под ворвани сыскали, — довольный, сообщил Алексей. — На карбасе, как в море выйдем, понадобятся.

— Отец, а у нас кожи на паруса хватит? Сколь ровдуги-то на парус пойдет?

Алексей что-то подсчитал в уме, шевеля губами.

— Да по бедности нашей... квадратов футовых... уж две-то сотни нужно бы.

— Это сколь же оленей надо! — изумился мальчик.

— Ежели два паруса обряжать будем — сто оленей, не меньше.

— А сколь тогда парусины на лодью пойдет, ежели все паруса поставить?

— Смотри на какую. Поменьше которая — три тысячи квадратов футовых. Побольше — четыре, а как наш «Ростислав» был — ему и четыре с половиной тысячи мало.

— Слышишь, Степан, много тебе, кожемяке, работы на зиму будет, ровдужину мять, — пошутил Федор.

— Все мять будем. Справим паруса. Лишь бы карбас обладать. — Сказав это, Алексей снова взялся за топор.

Остатки лодьи быстро исчезали, превращаясь в бесформенную грудку обломков, а на воде уже покачивался большой плот. Алексей, все время посматривая на доски и брусья, подсчитывал, хватит ли леса на постройку судна. Его планы шли далеко. Он уже видел перед собой хороший, крепкий карбас, способный на переход до Мурмана.

Внезапно мысли Алексея прервал грохот, донесшийся с Ледяного берега. Вдруг появившаяся высокая волна чуть не разрушила наскоро сбитый плот. Подбросив несколько раз на своем гребне сплоченные доски и брусья, зыбь понемногу успокоилась, и море превратилось снова в тихую заводь.

Ваня с любопытством обернулся к отцу.

— Вот чудно-то: и ветра нет, а волны какие разгулялись. Отчего это, отец, не знаешь?

— Да чего тут знать-то: кусок льда матерого — падун — отвалился да в море упал, море и зашумело. А льдина большая, гора целая, когда ломается, громом гремит. Ты, Ванюха, немало их видел, да и сейчас погляди: вон одна виднеется, недвижимо стоит, обмелела.

— Посмотреть бы поближе гору ледяную, — просительно сказал Ваня.

— Опять загорелось, невтерпеж, — притворно хмурясь, ответил Алексей. — разве что Федор согласие даст... И то, Федор, отдохни, — смотрю я, неможется тебе, устаешь сильно. Немного и дела-то осталось. Мы тут без тебя вдвоем со Степаном управимся. Вот и садись на «Чайку», ежели охота есть. Ваня грести будет, а ты направляй; близко к падунам не подходите: беда может случиться. Да ты знаешь, сам ученый.

Не успел Алексей закончить, как Ваня уже сидел в лодке и упрашивал своего крестного.

Федор, ничего не ответив, прекратил работу. Он снял шапку, вытер пот со лба и медленно, прихрамывая, пошел к Ване.

За последние дни Федор как-то особенно изменился. Лицо его приняло землистый оттенок, десны вспухли и кровоточили. Зубы шатались. Есть он стал мало. Несмотря на богатырское здоровье, Федор не мог побороть болезнь и с каждым днем все слабел и слабел. В то время как Алексей и Степан с наступлением лета совершенно оправились от цинги, Федор упорно отказывался пить кровь, свежего мяса почти не ел, питаясь исключительно вяленным и копченым. Салату, правда, он употреблял в большом количестве, но, видимо, одна трава не могла ему помочь. Он быстро уставал и, хватаясь рукой за спину, жаловался на колющую боль. Все же и больной, Федор старался не отставать в работе от товарищей. На уговоры отдохнуть он обычно отвечал отказом.

— Совсем ослабел Федор, коли ехать с Ванюшкой согласился, — нагнувшись к Алексею,

зашептал Степан. — Видишь, и походка другая стала.

Едва Федор уселся на корму и взял в руки правило, как Ваня, быстро и сильно взмахивая веслами, погнал лодку к Ледяному берегу.

Там спускалось в воду несколько небольших глетчеров Отвесные стены льда тянулись на полторы-две версты, прерываясь черными выступами скал.

Мишка, верный спутник Вани во всех похождениях, уселся у ног мальчика и, чуть откидываясь при каждом рывке веслами, всем своим видом показывал полное удовольствие от новой морской прогулки.

Вспенивая темную воду, лодка быстро двигалась вперед. Приближаясь к ледникам, Федор заметил крутой ледяной выступ в виде мыса.

— Вот туда и будем держать, — сказал он. — Мысу этому скоро в море плавать, больно далеко вперед подался.

Глава девятнадцатая

ЛЕДЯНОЙ БЕРЕГ

«Чайка» подходила к Ледяному берегу. До него оставалось не больше, как с полверсты. Ваня тяжело дышал, то и дело вытирая рукавом катившийся по лицу пот, щипавший глаза.

Ох, устал! Поди, десяток верст отмахали!

— Теперь, Ваня, осторожнее будь, близко подошли. Не шуми больно-то, а то, бывает, от голоса льды в море падаю.

Лодка теперь двигалась вдоль ледника.

Ваня осушил весла и обернулся. Чудесное зрелище предстало его глазам. Голубая, сверкающая на солнце острыми изломами стена льда отражалась в зеркальной поверхности бухты.

— Возьмем правее, Ваня, отгребись немного.

Лодка теперь двигалась вдоль ледника, уступ, представлявший издали сплошным ледяным мысом, оказался глетчером, висящим на высоте трех саженей над уровнем моря. Толщина льда у среза была около пятнадцати саженей. На поверхности глетчера, в том месте, где он заметно прогнулся к морю, виднелись глубокие трещины. То там, то здесь по льду бежали серебристые ручейки, стремясь просочиться вниз.

По утесу, на котором лежал глетчер, шумели мутные потоки воды. Изредка с гулким всплеском падали в море смытые водопадом камни, и от них кругами расходились небольшие волны.

Со стороны открытого моря к «Чайке» приближались обломки глетчерного льда самой разнообразной формы и размера. Льдины медленно проплывали мимо, куда-то вглубь залива.

— Вздохнул батюшко океан-то, вода на прилив пошла. Вот и лебедей несет. Ишь, красавицы какие! — заметил Федор.

Ваня хорошо чувствовал прилив. Чтобы удержать лодку на месте, ему приходилось время от времени работать веслами.

С некоторой опаской посматривал Ваня на стену льда нависшую над морем. Вдруг ему показалось, что она вздрогнула, заколебалась и немного сдвинулась вниз.

— Федор, смотри... смотри, ползет лед-то! — вскрикнул от неожиданности мальчик.

Эхо послушно повторило Ванины слова. И в то время, как отталкиваясь от уступов ледника, они бежали все дальше и дальше, где-то совсем близко ударил пушечный выстрел гулко раскатившийся над морем.

Нависшая над утесом глыба льда, величиной с большой замок со стенами и башнями, заколебалась и с громом рухнула в воду.

Вздыбившись, море расступилось перед уходящей вглубь громадой льда, окружило ее высоким пенным венцом. Вода заколебалась, огромные волны побежали в разные стороны.

От ледяной стены, тянувшейся вглубь залива, то там, то здесь стали отрываться и с шумом падать в море большие и маленькие обломки льда.

— Гребь, Ваня, — слышался сквозь реп воды голос Федора, — гребь, родной, а я поперек волны «Чайку» ставить буду.

Едва Федор успел повернуть лодку, как вал стеной подошел к ним, заслонив собою и Ледяной берег и горы Летнего мыса. Нос «Чайки» взметнулся на крутой волне, и суденышко приняло почти вертикальное положение. Заливая осиночку водой, под днищем прошумел гребень. Теперь лодка стремительно проваливалась вниз.

Гигантская ледяная глыба на мгновение скрылась под водой. Потом она выплыла на поверхность, грузно ворочаясь, показывая то один, то другой бок. В это время вода сначала расступилась, потом закружилась в водовороте и зашумела так сильно, что Ваня крепко схватился за борта лодки и низко пригнулся, ожидая, что вал вот-вот обрушится на него.

Ноги Вани по колена были в воде. У него вырвало волной оба весла, и одно из них больно ударило мальчика в подбородок.

А Федор преобразился. Выпрямившись во весь рост, стоял на корме, стараясь кормовым веслом удержать «Чайку» носом к зыби.

— Ваня, — гремел его голос, — снимай шапку, шапкой воду черпай! Скорее! Другой взводень подходит, зальет нас...

Ваню не нужно было подгонять, — он бешено работал шапкой, не оборачиваясь, чтобы не видеть приближавшихся страшных волн.

Медвежонок тоже почувствовал, опасность. Он совсем притих и только изредка понимающим взглядом посматривал на своего приятеля.

Вот прошел второй вал, плеснув немало воды в «Чайку», затем третий, четвертый... Волны постепенно делались все меньше и меньше и, наконец, затихли.

Федору было видно, как поднялись прибоем волны почти к самому краю глетчера и с шумом рассыпались, как бежали они вдоль берега, отрывая все новые глыбы льда на своем пути... Долго еще море не могло успокоиться. Лодка давно уже только покачивалась на волне, а прибой у ледяной стены, рассыпаясь брызгами, все шумел и шумел.

— Ну, Ваня, спаслись-таки, — Федор снял шапку и широко перекрестился.

— Тебя, Федор, благодарить надо, опять ведь ты жизнь мне спас. — Глаза Вани сделались влажными, он усиленно моргал ими, сдерживая слезы.

Почему-то вспомнилось, как опасно болен Федор, жалко сделалось этого бесстрашного и в то же время такого ласкового богатыря.

Федор тяжело опустился на банку, лицо его было мертвенно-бледным, глаза в глубоких провалах окружали темные круги, скулы, обтянутые кожей, резко выделялись на похудевшем лице. Упрямые черные кудри колечками прилипли к потному лбу.

«Не жилец крестный...» — пронеслось в голове у Вани. Колючий комок все подступал и подступал к горлу. Ваня крепился из последних сил, чтобы не расплакаться.

Федор с трудом поднял голову и, смотря на мальчика помутневшими глазами, еле слышно проговорил:

— Нехорошо мне, Ваня, ломит всего... Невтерпеж... В обрат гребь...

Ваня бросил последний взгляд на ледяные утесы, на белые осколки льда, окружавшие упавшую глыбу; она сделалась в несколько раз меньше, только на две сажени выступая над водой.

— А много льда вглубь ушло, сверху-то только малая толика осталась. Много скал таких на дне стоят, видать, глубины им не хватает.

Выловив из воды весла, Ваня повернул лодку к Моржовому острову.

Всю дорогу мальчик думал, стараясь понять, откуда берется на острове этот мощный матерый лед, как могут отламываться и падать в море его литые глыбы.

Вопрос о происхождении глетчерного льда действительно очень интересен. Рождается этот лед совсем не так, как морской или речной. Основную роль здесь играет снег. В тех местах, где снег не успевает за лето растаять, он массами собирается в различных впадинах и углублениях поверхности земли.

Из года в год увеличиваются снежные пласты. Под собственной тяжестью снег уплотняется, тает и начинает медленно перерождаться, превращаясь в фирновый лед, состоящий из отдельных крупных зерен белого цвета. Смерзаясь, фирновые зерна образуют пузырчатый лед. Такой лед содержит много пузырьков воздуха, застрявших между кристаллами. Наконец лед превращается в голубой, глетчерный, состоящий из крупных зернистых кристаллов, размером с голубиное яйцо. Если при умеренном и теплом климате глетчерный лед образуется только на высоких горах, то в Заполярье скопления льда встречаются почти у самого уровня моря.

Когда углубления заполняются доверху снегом и льдом, лед начинает медленно вытекать оттуда, спускаясь все ниже и ниже. В умеренных и жарких поясах, где линия вечных снегов проходит высоко, глетчер вскоре тает и превращается в бурную горную речку. В Арктике ледники спускаются прямо в море. Самое замечательное свойство глетчеров — это их способность течь вниз по долинам. Благодаря пластичности льда, они текут, как обычные реки, только в десять тысяч раз медленнее.

Конец ледника спускается в море и отламывается. Из обломков глетчерного льда рождаются айсберги, или, по-поморски, падуны.

Было уже совсем поздно, когда лодка вернулась к Моржовому острову.

Вкусный запах жареной оленины заставил путешественников вспомнить, что они давно ничего не ели. От гребли у Вани саднило ладони, тело было разбито усталостью, Федор чувствовал себя совсем плохо. С трудом вылез он из лодки и, шатаясь, стал взбираться по камням к костру. Но когда мальчик протянул было руку, желая помочь, Федор сказал:

— Не надо, Иван, сам я, сила еще есть.

— ...Неоплатные должники мы с сыном перед тобой, Федор, — дрогнувшим голосом сказал Алексей, когда Ваня подробно рассказал все, что произошло на Ледяном берегу.

Разостлав постели из оленьего меха, грумаланы тесным кружком сидели у ярко горевшего костра и негромко беседовали о богатом событиями дне.

Готовый плот, привязанный к обломку скалы, неподвижно застыл на стеклянной поверхности моря.

Куча дров из негодных в дело корабельных остатков, сложенная у костра, обещала хороший отдых в тепле и безопасности.

Глава двадцатая

ПОМОРСКАЯ БЫЛИНА

Федор придвинулся поближе к костру, прилег, положив свой здоровенный кулак под голову, и неотрывно глядел на огонь.

— Плавала раньше лодья-то новгородская, а сейчас нам огонь дает, сгорит вот — и кончится все. Была лодья или не было ее, никто не узнает. И люди так. Вот и мы помрем, кто нас помнить будет?

— Не прав ты, Федор, не все люди забывают. Что славно да велико, никогда не умрет. Народ всегда помнить будет... Слышал, небось, былину про Олешу да Кирика. Когда жили они, никто не знает, давно это было, а ведь помнит народ...

Степан задумчиво смотрел на море. Сейчас оно было особенно хорошо. Было тихо. Совсем — совсем тихо, как может быть лишь на далеких островах Арктики.

Синие, почти лиловые дальние берега с резкими пятнами снега вдруг неожиданно под лучами низко склонившегося солнца окрашивались в нежно-розовый цвет. А море, как живое, все время меняло свой вид и окраску. Вот сейчас перед глазами совершенно бесцветная стеклянная гладь. А через минуту по ее поверхности побегут тысячи дрожащих бликов. Только прозрачный воздух Ледовитого океана да полуночное солнце могут создать это неуловимое сочетание тонов.

— Эх, красота какая, братцы! Гусли бы мне сейчас, все бы отдал за них, рвется из души песня... Трудна наша жизнь, тяжела работа в Студеном море, да разве увидишь красоту такую, на печи лежи! Где еще на Руси места такие есть?.. — Степан в волнении поднялся с места, потом сел, закрыв руками лицо.

Чутким ко всему прекрасному поморам были близки чувства Степана. Из поморов ведь выходило много сказителей, певцов, музыкантов, с большой поэтической силой воспевавших

свое Студеное море, свои быстрокрылые корабли и свой тяжелый труд. Недаром любимая поморянами пословица говорила: «Чем с плачем жить, лучше с песнями умереть».

— Степан, а ты Расскажи былинку ту, про Олешу да Кирика. Слыхал я не раз, да не устанешь слушать-то.

— Расскажи, Степан, — присоединился к просьбе отца и Ваня.

Степан помолчал, собираясь с мыслями.

— Ну-к что ж, слушайте, помянем старину нашу. Он подбросил в огонь несколько кусков сухого дерева, громко затрещавших. Сноп искр высоко поднялся в воздух и быстро погас. Смотри куда-то вдаль, как будто читая в небе открытое только ему одному, Степан размеренно певучим голосом начал:

— От начала вечных лет обходит широту земную с полуночной стороны великопростертое русское океан-море.[39] Грозно русское имя в полуночных странах. Крепко стоит Русь на Груманте-острове да на Матке-земле горами сынов Студеного моря. И жили у Студеного моря, в богатой Двинской земле, два друга юных, два брата названных Кирик да Олеша. И была у них дружба милая и любовь заединая.

Столь крепко братья названные друг друга любили, что секли стрелою руку, кровь точили в землю и в море. Мать сыру землю и синее море призывали во свидетели. Кирик да Олеша одной водою умывались, одним полотенцем утирались, с одного блюда хлеба кушали, одну думу думали, один совет советовали — очи в очи, уста в уста.

Отцы их по любви морской лодьею владели и детям то же заповедывали. Кирик, старший, стал покрывать обрядом, на промысел ходить, а Олеша корабли строил.

Пришло время, и обоим пала на ум одна и та же дева Моряшка. И дева Моряшка с обоими играет, от обоих гостинцы берет. Перестали названные братья друг другу в очи глядеть.

В месяце феврале промышленники в море уходят на звериные ловы. Срядился Кирпк, а сам думает: «Останется дома Олеша, его Моряшка опутает!» И говорит брату он:

— Олешенька, у нас клятва положена друг друга слушати: сряджайся на промысел.

Олеша поперек слова не молвил, живо справился. Якоря выкатили, паруса открыли... Праматерь морская — попутная поветерь — была до Кирика милостива. День да ночь — Звериный остров в глазах. Вокруг острова лед. На льдинах тюленьи полежаки. Соступились мужи-двиняне со зверем, начали бить.

Упромыслили зверя. Освеживали, стали сальное шкуры в гору волочить. На море уж потемнело, и снег пошел. А Олеша далеко от берега убежал. Со льдины на льдину прыгает, знай копые звенит, головы звериные долу клонятся. Задор им овладел. Старый кормщик обеспокоился:

— Олеша далеко ушел. Море на часу вздохнет, вечерняя вода торосы от берега понесет...

Побежал по Олешу Кирик, ладил его окликнуть, да и вздумал в своей-то голове: «Олешу море возьмет, Моряшка моя будет!» И снова крикнуть хочет, и опять молчит: окаменила сердце женская любовь. И тут ветер с горы ударил. Льдина зашевелилась, заворотилась, уладились шествовать в море, час ее пробил. И слышит Кирик вопль Олешин:

— Кирик, погибаю! Вспомни дружбу ту милую и любовь заединую.

Дрогнул Кирик, прибежал в стан.

— Мужики-двиняне! Олеша в относ попал!

Выбежали мужики. Просторное море... Только взводень рыдает... унесла Олешу вечерняя вода...

Тем же летом женился Кирик. Моряшка в бабах, как лодья соловецкая под парусом, расписана, разрисована. А у мужа радость потерялась: Олешу зажалел.

Заказал Кирик бабам править по брате плачную причеть, а все места не может прибрать.

В темну осеннюю ночь вышел Кирик на гору, на глядень морской, пал на песок, простонал:

— Ах, Олеша, Олешенька!..

И тотчас ему с моря голос Олешин донесло:

— Кирик! Вспомни дружбу ту милую и любовь заединую! В тоске лютой, неуголимой прынул Кирик с вершины вниз на острые камни, сам горько взвопил:

— Мать-земля, меня упокой!

И будто кто его на ноги поставил. А земля ответила:

— Живи, сыне! Взыщи брата. Вы клятву творили, кровь точили, меня, сыру землю, зарудили!

На исходе зимы вместе с птицами облетела Поморье весть, что варяги-разбойники идут кораблем на Двину и тулятся за льдиной, ожидают ухода поморов на промысел. Таков у них был собацкий обычай: нападать на деревню, когда дома одни жены и дети.

И по этим вестям двиняне медлили с промыслом. Идет разливная весна, а лодейки пустуют. Тогда отобралась дружина удалой молодежи.

— Не станем сидеть, как гнус в подполье! Варяги придут или нет, а время терять непригоже! Старики рассудили:

— Нам наших сынов, ушкуйных голов, не уговорить и не остановить. Пусть разгуляются. А мы, бородатые, здесь ополчимся.

Тогда невесты и матери припадают к Кирику с воплем.

— Господине, ты поведи молодых на звериные ловы: тебе за обычай.

Кирик тому делу рад: сидючи на берегу, изнемог в тоске по Олеше.

Мужская сряда недолгая... На рассвете кричали гагары. Плакали жонки. Дружина взошла на корабль. У каждого лук со стрелами, копьё и оскорд — булатный топор. Кирик благословил путь. Отворили паруса, и пособная поветерь — праматерь морская — скорополучно направила путь.

Не доведя до Звериного острова, прабаба-поветерь заспорила с внуками — встречными ветерками. Зашумела волна. А молодая дружина доверчиво спит. Кирик сам у руля. И была назавтра Олеше година.

В тот час покрыла волну черная тень варяжской лодьи. И варяги кричат из тумана:

— Куры фра, куры фра?[40]

Кирик затрубил в корабельный рог грозно и жалостно. Дружина прынула на ноги. И тянут лук

крепко и стреляют метко. Поют стрелы, гремят долгомерные копья. Кирик забыл тоску и печаль, отдал сердце в руки веселью. Зовет, величает дружину:

— Мужь-двиняне! Не пустим варягов на Русь! Побьемся! Потешим сердца!

Корабли сошлись борт о борт, и двиняне, как взводень морской, опрокинулись в варяжское судно. Песню радости поет Кириково сердце. Блестит булатный оскорд. Как добрый косец траву, косит Кирик вражеские головы.

Но при последнем издыхании варяжский воевода пустил Кирику в сердце стрелу.

...Красное солнце идет к закату, варяжское трупье плывет к западу. Сколько двиняне празднуют о победе, о богатой добыче, столько тужат о Кирике. Он лежит со смертной стрелой в груди, весел и тих. На вечерней воде стал прощаться с дружиной:

— Поспешайте на Русь, на Двину с победною вестью. Оставьте меня и варяжское судно в благодарную жертву Студеному морю.

И дружина, затеплив по бортам жертвенной лодьи восковые свечи, с прощальною песней на своем корабле отплыла на Русь.

В полночь вздохнуло море, затрепетало пламя свечей, послышался крик гусиный и голос Олешин:

— Здрав будь, Кирик, брате и господине! Ликует Кирик о смертном видении:

— Олешенька, ты ли нарушил смертны оковы? Как восстал ты от вечного сна?..

Снова пронзительно вскричали гуси, затрепетали жертвенные огни, прозвенел Олешин голос:

— Я по тебя пришел ... Сильнее смерти дружная любовь. Две тяжкие слезы выронил Кирик:

— Люто мне, люто! Я нарушил величество нашей любви...

В третий раз гуси вскричали, как трубы сгремели, колыхнулось пламя жертвенных свечей, и Кирик увидел названного брата. Глядят очи в очи, устами к устам. И голос Олешин, что весенний ручей и свирель:

— Кирик! Подвигом ратным стерта твоя вина перед братом. Мы с тобой поплывем в светлый путь, в Гусиную Белую Землю,[41] где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми. Там немолчно рокочат победные гусли, похваляя героев.

Завязалась праматерь морская — поветерь — и взяла под крыло лодью-кораблик, где Кирик навек позабыл печаль и тоску.

Долго царило молчание у костра грумаланов. Былина о седой старине напомнила мореходам славные дела предков. Из тумана давнего прошлого выплывали древние корабли новгородцев...

Грести было тяжело: на буксире громоздкий плот.

Свежим ярким цветом раскрывалось полярное утро. И небо и море розовели нежными красками.

Алексей со Степаном уже хлопотали у плота, крепко привязывая его ремнями к корме осиновки. На плоту должен был остаться Степан и большим правилом удерживать его, чтобы не рыскал из стороны в сторону при буксировке. На лодке за весла сели Алексей с Ваней, Федора, как больного, усади ли на корму. Мишку в лодку не пустили, и он расположился на плоту у ног Степана, обиженно озираясь на Ваню.

Грести было тяжело: на буксире громоздкий плот. Домой вернулись только вечером, совсем выбившись из сил. Но Алексей боялся оставить плот на воде: не унесло бы в море ненароком. И через силу, не отдыхая, охотникам пришлось вытаскивать бревна на берег.

В избе все было в порядке. Около дверей и окон охотники заметили много медвежьих и песцовых следов, но пробраться внутрь зверям оказалось не под силу.

Войдя в горницу, Алексей прежде всего зажег свечильню и добавил зарубки на своем календаре. Сейчас поморы были уверены, что уже недолго им осталось так отсчитывать время.

К следующему вечеру весь лес, привезенный с Моржового острова, был аккуратно сложен вплотную к стенам избы.

— И нам теплее, и лес сохраннее, радостно потирал руки Степан, смотря на штабеля бревен и досок, прикрывшие жильё зимовщиков.

Глава двадцать первая

НАЧАЛАСЬ ВТОРАЯ ЗИМА

Промелькнуло короткое полярное лето, и опять надвинулась осень. Дни быстро убывали. Так и не увидели в этом году мореходы долгожданный белый парус на горизонте. Во всех жила твердая вера, что будущим летом удастся им на собственном судне уйти на Русь, пока же была неизбежна еще одна зимовка на Беруне.

Вторую полярную зиму грумаланы встречали гораздо увереннее. Не такой уж страшной казалась им арктическая ночь. Не боялись они замерзнуть без теплой одежды, не думали с тревогой — долго ли еще продержатся старые мезенские куртки и бахилы. «Главный закройщик» Степан ловко орудовал острым ножом, кроил оленье шкуры, в эту осень он задал всем особенно много работы.

Шить теперь умел даже Ваня. Да и плох тот мореход, что иголкой владеть не умеет. Мало ли для чего иголка в пути нужна, сшить новый парус или брезент на люк, заплату на старый парус поставить, буйно[42] сладить.

Летом поморы носили одежду, сшитую из тонкой шкурки оленя-небляя. Легкая и мягкая замша-ровдуга шла на шапки и куртки, на штаны и рубахи. На ноги надевали легкие бахилы из нерпичьей кожи с толстой заячьей подошвой.

Зимой требовалась другая одежда. Прежде всего Степан выкроил малицы.

Малица — замечательная полярная шуба из оленьего меха. Она несколько мешковата, надевают ее через голову, как юбку. Но как она тепла! Если мороз схватит за руки, их можно, не снимая шубы, вытащить из рукавов и отогреть под мехом.

Оленья малица — надежный защитник от ветра и холода. Единственно, чего она не терпит,

это сырости. Если промочишь, надо немедленно сушить, иначе мех подопреет и вылезет.

Бывают, однако, на севере такие холода, что дышать трудно, и ветер настолько свирепый, что даже сквозь малицу проникает. На этот случай зимовщики обзавелись вторыми шубами — совиками. Покрой у них одинаков, только малица шьется мехом внутрь, а совик, наоборот, мехом наружу.

Если поверх оленьей малицы надеть песцовый совик — нет такого мороза, чтобы человека прошиб.

Зимние меховые пимы шили из койбы — шкуры с оленьих ног, шерстью наружу. Под пимы натягивали меховые чулки — липты.

От разворошенных сыромятных шкур в избе не успевал выветриваться удушливый запах, но поморы давно притерпелись к нему.

Ценной находкой обрадовал своих товарищей Федор. Он обнаружил в скале, что была рядом с избой, небольшую пещеру с узким входом. Зимние метели набивали сюда снег, который летом почти не таял. За много-много лет здесь образовался плотный пласт старого снега и льда. Пещера превратилась в естественный погреб-холодильник, как нельзя лучше подходивший для хранения продовольствия и богатого промысла грумаланов.

Много разного добра поместилось в пещеру-кладовую. Чтобы не искушать ни песка, ни ошкуя, поморы завалили нижнюю часть расщелины камнями. Теперь попасть в кладовую можно было только приставив к скале высокую стремянку. И сам вход в склад Федор закрыл прочной деревянной дверью с засовом из толстого бруса.

Поморы готовились расширить охоту на песка. Они поставили уже не по пять, а по десять кулек на каждого. Песцовая охота давала свежее мясо, ценные шкурки, а главное — хорошую, почти ежедневную прогулку на чистом воздухе.

— Наперед всего думать надо, как себя от цинги уберечь, — не уставал повторять Химков.

На осеннюю охоту за оленем отец иногда отпускал Ваню уже самостоятельно, и редко когда мальчик возвращался с пустыми руками.

Вот и сегодня Ваня караулит, притаившись в скалах у горной речушки. Свергаясь водопадом с каменного уступа, ручей образовал здесь, пониже Ваниной засады, чистый прозрачный водоем... Показались олени... Щелкая на ходу широкими копытами, они легкой, осторожной рысцой подошли к водопою. Впереди стада размашисто бежал вожак — старый олень с красивыми ветвистыми рогами. Животные то и дело оборачивались к ветру, шевеля ноздрями.

Ваня наметил себе крупного, упитанного оленя и уже поднял было лук... но тотчас же его опустил вниз, у ручья, промелькнуло что то большое, похожее на гигантский ком желтого сливочного масла.

«Ошкуй!» — вздрогнул мальчик.

Как ни чутки олени, нападение медведя было для них неожиданным. Хищник уже не скрывался и с отрывистым ревом бросился на стадо.

И тут Ваня увидел то, чего совсем не ожидал.

Матки и телята мгновенно сбились в тесную кучу, а самцы образовали вокруг них плотное полукольцо. Перед медведем вырос целый лес острых ветвистых рогов. Еще секунда и матки, оленята бросились наутек, за ними, вскинув голову так, что рога почти лежали на

спине, как ветер, умчались и олени-самцы.

Ошкуй, видимо, по опыту знал, что преследование быстроногого стада бесполезно. Он остановился, облизнулся, потом медленно поплелся куда-то совсем в другую сторону.

Все это произошло столь молниеносно, что мальчик не сразу понял, как это медведь, при всей своей силе и нахальстве остался в дураках. Ваня и радовался и удивлялся смелости и быстроте маневра оленей.

На этот раз мальчик воротился домой без добычи, но не жалел об этом.

— То-то, Ваня, ошкуй редко нападает на оленей! Частенько ему приходится уходить от них ни с чем, — сказал ему потом Федор.

С приближением зимы Федору становилось все хуже. Последнее время он уже не вставал с постели. Его мучили то ломота, то озноб. Даже укутанный теплыми оленьими шкурами, он дрожал всем телом.

Дни между тем превратились в серые, тусклые сутемки. Солнце уже не показывалось. С моря порывами налетал резкий холодный ветер. Часто падал снег. Чтобы облегчить страдания Федора, в печи непрерывно поддерживали огонь. Когда он обессилел настолько, что не мог сам есть, Ваня кормил своего крестного с ложки, как ребенка.

Вечерами Ваня садился на низком чурбане около Федора и старался развлечь его или сам внимательно слушал тихий, неторопливый рассказ больного о его промысловых приключениях.

Вот, Ваня, какой случай был в зимовку на Колгуевом острове. Пожаловал раз к нам, к становой избе, под вечер здоровенный ошкуй. Ходил, ходил вокруг избы, шарил все — нет ли чем поживиться. Бочку пустую катал, дрова свалил. Надоел он нам — ну и получил пулю в бок. Шкуру его мы перед избой развесили, а мясо в сени убрали. Ночью просыпаюсь — слышу, ходит кто-то у избы. Подкрался я к дверям, приоткрыл... Луна всю светит. Смотрю: большущая медведица и два медвежонка с ней. Обнюхали они, значит, следы, кровь, где мы ошкую свеживали, и фыркают. Потом медведица подошла к шкуре, встала на дыбки да как застонет, будто плачет. И горестно так, словно понимает. Затихла — да в другой раз, да в третий... Вот тебе и дикий зверь, а жалость понимает... Так-то, Ваня.

— Что же, дядя Федор, застрелил ты медведицу? — с волнением спросил мальчик.

— Нет, Ванюха. Зачем? Я ее не выслеживал, и она меня не трогала. Однако, смотрю, учуяли меня звери и ушли от избы прочь.

Пока мальчик и больной помор тихо беседовали между собой, Алексей подолгу рассматривал карту Груманта, найденную в старой лодье, сверялся в записях на березовой коре и что-то чертил на белой, гладко оструганной доске. Степан все еще занимался кройкой и шитьем.

В избе было светло, тепло, тихо. А снаружи разыгрывалась, пробуя силу, первая за эту зиму пурга. Алексей оторвался от своих карт и встал.

Ну-ка, Иван, идем, дров поболее натаскаем, — озабоченно сказал он.

Заполнив дровами добрую половину сений, Алексей слазил на крышу, проверил, крепко ли стоит деревянная труба для тяги. Поморы помнили, как в старом становище они чуть не задохнулись, когда снег завалил всю избу.

— Здесь то изба правильно поставлена, двери на полдень, снегу меньше на них метет. И около избы открытое место, больших сугробов надувать не должно, — говорил сыну Алексей.

Едва они успели войти в сени и прихлопнуть дверь, как изба вздрогнула от нового ураганного порыва. Полуночник визгливо запел на разные голоса, проникая сквозь щели в горницу. Шкуры, развешанные по стенам, зашевелились будто живые.

Разойдясь на просторах Ледовитого океана, пурга не хотела и не могла скоро остановиться. Так прошли сутки, вторые, третьи... Прошло десять дней, а метелица все злилась и шумела.

Ваня почти все свободное время отдавал «Арифметике» Магницкого. Вот и сейчас сидит он за столом, подперев голову руками и устремив глаза в открытую страницу. Свет жировника освещает четкие буквы, чертежи. Степан, который не может долго молчать, несколько раз пытался завязать разговор с мальчиком, но напрасно. Ваня отвечал невпопад, весь уйдя в книгу.

— Ты бы всем почитал арифметику-то, Ванюха. И я уму-разуму наберусь по мореходству, — говорит, наконец, Степан.

— Правильно, — поддержал Алексей. — Читай вслух, Ваня, польза и тебе и ему будет.

С этих пор толстый том Магницкого стал неразлучным спутником разных по возрасту, но одинаково любознательных людей, не желавших и не умевших сидеть сложа руки даже взаперти в тесной избе, погруженной в буран и темень арктической ночи.

Иной раз, когда мальчик останавливался, чтобы перевернуть страницу, Степан успевал пошутить:

— Ванюха, разгадай вот загадку: «Один заварил, другой налил, сколь ни хлебай, на любую артель хватит»... Не разгадать? А еще арифметику знаешь... Книга это! Ну-к что ж, читай дальше, теперь мешать не буду.

Глава двадцать вторая

ЗАПИСКИ КОРМЩИКА СТАРОСТИНА

Будь Федор здоров, все было бы ладно. Зима как зима. Поморы шили, читали Леонтия Магницкого, слушали сказки и песни Шарапова, играли в шахматы.

Однажды Химков, с особо значительными нотками в голосе, предложил рассказать о записках кормщика новгородской лодьи Старостина.

Долго я тут разбирался, пока уразумел, что к чему. И букв много не хватает — стерлись, и письмо древнее, — перекладывая листочки березовой коры, говорил Алексей.

Зимовщики придвинулись к коптящему огоньку жирника и приготовились слушать.

В далекую старину перенесли их записки кормщика. Великая книга истории раскрыла перед ними свои непрочитанные страницы.

Август далекого 1468 года. Низкое вечернее солнце золотит высокие двухбойничные стены из толстых стволов вековой ели.

На башнях, крытых тесом, стоят караулы. Протяжные крики дозорных да неугомонный собачий лай нарушают тишину спящего города.

Высоким земляным валом, глубоким рвом и надолбами окружены стены. Крепкие запоры стоят на тяжелых, окованных железом городских воротах.

Надежно охраняет стража старинный русский город Холмогоры — оплот Господина Великого Новгорода на северо-востоке.

У деревянного домика на приречной улице остановился запоздалый прохожий и несколько раз крепко ударил по воротам увесистой палицей.

На стук яростным лаем ответил цепной пес. Послышались тяжелые шаги по бревенчатому настилу двора. Глазок у калитки заполнился густой рыжей шерстью.

Бородатый детина, узнав Тимофея Старостина, загремел запорами, открывая калитку.

Подобру-поздорову ли живете? Хозяин-то не спит еще?

— Спасибо, Тимофей Петрович, живем помаленьку. Проходи, рады будем. А хозяин не спит, за книгами сидит все.

Тимофей Петрович Старостин, кормщик только что построенной лодьи «Святой Архангел Михаил», миновал двор и, скинув шапку, вошел в просторную горницу.

Горница имела необычный для того времени вид. Бревенчатые стены были увешаны картинками с изображением разных кораблей, чертежами и картами. Прямо над столом висела большая карта звездного неба. Фантастическое изображение созвездий невольно привлекало взгляд: вот гигантский рак вызывает на поединок льва. Человек-конь целится из лука в скорпиона. Бык, упрямо нагнув голову, вот-вот пронзит рогами воина. Змеи, птицы, крылатые кони, овцы, рыбы, собаки, медведи... Так выглядели на этой карте созвездия, большие и малые звезды.

Тяжелый резной стол был завален толстыми рукописными книгами и пергаментными свитками. В беспорядке лежали на нем куски бумаги с замысловатыми чертежами и рисунками, циркули, линейки, угольники, медные круги, разбитые на градусы.

В одном углу горницы стоял большой глобус в металлической оправе, а в другом — круглые солнечные часы с синей магнитной стрелкой посредине.

У потолочной балки на кожаном ремне висела прекрасная модель лодьи в полном вооружении. Лодья словно неслась куда-то под всеми парусами. На полках по стенам виднелось еще много разных моделей. Одна из стен горницы сплошь была увешана пучками сухих трав, издававших острый лекарственный запах.

На почетном месте Старостин увидел знакомый большой чертеж Груманта. Карта пестрела многими становищами, избами и крестами.

Кормщик различил и свое становище: над кучкой нарисованных на берегу изб возвышалась часовня, а сверху четко выделялась крупными буквами надпись: «Жилом живут, не чуму молятся». Маленький лысый человечек с редкой, как будто выщипанной бородкой сидел у окна за раскрытой книгой. На шаги Старостина человечек живо обернулся, придерживая пальцем недочитанную строку. Маленькие колючие глазки впились в гостя.

— С чем пожаловал, Тимофей Петрович, али в море уходишь?

— Завтра утречком с поветром тронемся. Зашел вот к тебе маточку купить. Твои-то не в пример других лучше.

— Что ж, дело хорошее, пожалуй. Тебе маточку деревянную или в костяной оправе, с

часами? Гляди, выбирай.

Старостин повертел в руках предложенные хозяином компасы. Резная, из моржовой кости коробочка с часовыми делениями понравилась ему.

— Возьму костяную, Кузьмич.

— Ин ладно, бери. На счастье. — Хозяин хитро сощурил глазки, посмотрел на кормщика и спросил: — Куда путь-то держишь?

— Неведомо мне, Еврасий Кузьмич. Сыны посадницы лодью в дорогу обряжали, им и путь указывать, у меня на «Архангеле Михаиле» Антон за главного будет, а на «Великом Новгородце» — Феликс. Вместе и в море идем.

— На Грумант, видать, в вотчину свою корабли поведешь, Тимофей Петрович? Слыхивал я, прознала Марфа о промыслах.

Старостин нахмурил мохнатые брови и, понизив голос, ответил:

— Дошлая баба, что говорить. Все Поморье в руках держит, да мало ей. — Он оглянулся на дверь и, пригнувшись вплотную к хозяину, жарко выдохнул: — Недолго ей, Кузьмич, государить осталось. Верные людишки сказывали: под московской рукой скоро будем. Давно пора. Вся торговлю под себя подмяла посадница, а защиты от морского разбою торговым людям нет. От варягов совсем житья не стало.

Хозяин согласно кивнул головой, но тут же перевел разговор на другое:

— Чертеж-то грумантский отец твой рисовал. Грамотей был — равного трудно сыскать. Ты еще мальчишкой бегал, как чертеж этот я у него выпросил... Еще один мореход был, Иван Олегович, купец новгородский, тот на Матку больше плавал. Тоже большой грамотей. Сам книги писал про ходы корабельные... А лодьи твои хороши, — помолчав, закончил хозяин. — По моим чертежам строены. Лиственницу на Пинеге на выбор рубили, как в одно дерево.

— Слов нет, лодьи что надо. Денег не пожалели бояре. И промысел обрядили ладно. Мои молодцы во как довольны!

— Ну, счастлив будь, Тимофей Петрович, на все четыре ветра!

Старостин расплатился и надел шапку; он повернулся было уходить, но, вдруг что-то вспомнив, задержался.

— Еще к тебе дело, Кузьмич... Хочу ветерок попутный у тебя прикупить.

— Надолго ли?

— Да уж на весь путь.

Хозяин, порывшись в настенном шкафчике, достал цветистое перо какой-то редкостной птицы и протянул кормщику:

— Бери. Заговоренное перо-то. Ежели поветра три дня не будет, обрежь кончик и в море брось. Не придет ветер — день подожди, и половину пера долой. Другую половину спрячь. Ежели все перо в море бросишь, бури не миновать.

Кормщик спрятал за пазуху перо, отблагодарил хозяина и выйдя из дома, направился к реке, на свою лодью.

Легкий южный ветерок слегка рябил двинскую холодную воду. На много протоков

разбивалась в этом месте река, прорываясь между многочисленными песчаными островками. Холмогорский рейд пестрел самыми разнообразными судами, у берегов рядами стояли широкие деревянные барки, приплывшие из далеких мест. На больших с горбатыми крышами судах вологодские купцы привезли с юга хлебный груз. Много было пузатых обласов[43] с реки Вычегды, длинных крутоносых вологодских каюков,[44] тяжелых на вид сухонских павозков с грузом пеньки и льна. В небольшом затончике приютились быстроходные речные карбасы на двенадцать весел.

Среди других судов выделялись красивой легкой постройкой и чистотой небольшие лодьи и кочи новгородцев. Корпуса их были разукрашены затейливой резьбой. По Свири, через Онежское озеро, по реке Водле и Онеге выходили Новгородские купцы на Северную Двину.

Вместительные трюмы лодей и кочей были полны красным товаром: одеждой, тканями и обувью, разными кустарными изделиями своих и заморских мастеров.

Были суда поморян — большие морские лодьи и раньшины. Солидно выглядели громадные трехмачтовые корабли с грузом в двенадцать тысяч пудов. То там, то здесь сверкали золотые звезды на мачтах монастырских судов.

Поморье посылало сюда рыбу, сало, шкуры, моржовую кость и морскую соль, Печора — ценные меха и оленину.

Город пробуждался. Сегодня открывалось холмогорское торжище. На базарной площади, у старенькой деревянной церкви, толпился народ. С реки доносились крики и ругань молодцов-барочников.

Прибывшие на торжище гости: московские, новгородские вологодские купцы, тоже поднялись с петухами. Степенно разговаривая, дородные, грузные, они важно прохаживались по базару, выделяясь в пестрой толпе дорогой одеждой. Купцы пока только приглядывались и приценивались. Появились краснолицые, заплывшие жиром монахи. Могущественная церковь держала всю соляную торговлю на севере. Недаром все заволоцкие монастыри имели в Холмогорах соляные склады, амбары, монастырские дома и своих приказчиков в черных рясах.

Торг разгорался. Показались лоточники с горячими пирожками и другой снедью. Оглушая людей резкими выкриками, они предлагали отведать свой товар. Загнусавили на разные голоса нищие. Громко бранясь, торговались мужики с мелкими купчиками, покупая разный скобяной товар.

Расталкивая базарную толпу, появилась еще одна группа людей.

Золото на их одеждах, стальные кольчуги, блестящие на солнце шлемы привлекали общее внимание. Каждому хотелось посмотреть на бояр и вооруженных дружинников, расчищавших им дорогу.

Плечистый молодец, шедший впереди, отвесил тумак засевавшемуся мужичонке. Жалобно запричитал сбитый с ног смерд. Послышались возгласы:

— Бояре идут, расступись... дорогу!..

Антон и Феликс Борецкие, сыновья новгородской посадницы, торопились с дружиной на берег.

Там, у деревянной пристани, рядышком, как две родные сестры, стояли красавицы лодьи. На пристани братьев уже ждали. С лодьи на берег были положены сходни, покрытые цветными ковровыми дорожками, у сходен собралось духовенство в дорогих ризах и разодетая местная

знать во главе с новгородским наместником.

Высокие, в поколенных кафтанах из черного бархата на золотых застежках, в зеленых сафьяновых сапожках с узким загнутым носом, сыновья посадницы выделялись важным видом и напыщенностью.

Начался молебен за благополучное плавание.

Услышав церковное пение, разношерстная базарная толпа тоже ринулась к берегу. Воины в легких кольчугах пиками загородили дорогу.

Но вот молебен кончился. Братья на прощанье обнялись и расцеловались — мало ли что в пути может приключиться. Напутствуемые добрыми пожеланиями, новгородцы разошлись по своим лодьям. По разукрашенной сходне с резными перильцами кормщик «Архангела Михаила» Старостин провел Антона в роскошно убранную кормовую каюту.

На лодьях стали поднимать паруса и выкатывать якорь. Под возгласы провожавшей мореходов толпы корабли, набрав в паруса ветер, понеслись вниз по великой северной реке, к просторам «дышучего» моря.

Оборванные, ребятишки, шлепая босыми ногами по влажному береговому песку, бежали за уходившими судами.

Но вот уже не слышны голоса с пристани.

Мимо лодей потянулись скучные однообразные берега, заваленные плавниковым лесом, скопившимся за века. Часто встречались зеленые островки, покрытые кустарником и высокой травой.

Редко — редко проплывет перед глазами беспорядочная кучка деревянных избушек — поморская деревенька или покажется прилепившаяся на угорье нехитрая рыбацкая хижина. По болотистым местам рдела багрянцем морошка; на ягоде кое-где топтались лесные лакомки — бурые медведи.

Мирно несла свои воды по двинской земле могучая русская река.

Проходят лодьи древнюю Архангельскую обитель, что на урочище Пурнаволок.[45] Началось двинское устье. На несколько рукавов разбивается река. Лодьи плывут по узкому извилистому корабельному ходу среди песчаных островов, намытых рекой.

Изредка встречается мореходам запоздавшее к торжищу судно; ожидая попутного ветра, прижавшись к берегу, одиноко стоят корабли где-нибудь за мысом, хоронясь от течения.

Постепенно рукав делается шире, полноводнее. И вот последние двинские островки, покрытые бархатом высокой сочной травы, остаются позади, но и они тонут в речной глади. Еще немного — и только верхушки зеленых трав виднеются вдали.

Выйдя из реки, лодьи плыли у большого острова, низкой полосой тянувшегося справа.

Полуночное солнце резкими красками нарисовало причудливую картину. Низкие берега, окрашенные в лиловый цвет, тонули в белесом, тихом море. У горизонта море загоралось, розовело, отражая огненно-багровое небо. И в небе и в море застыли сиреневые облака.

Корабли действительно шли на Грумант. Погода благоприятствовала плаванию. Легкий южный ветерок — обедник — все время держал полными паруса.

Через несколько дней открылся Святой Нос. «Архангел Михаил» стал поворачивать к

скалистому мысу. Вслед за ним повернул и «Великий Новгород». Медленно подымались над горизонтом тяжелые угрюмые скалы; уже видно множество крестов, поставленных здесь поколениями русских мореходов.

Укрываясь от сильного течения, лоды зашли в заводь за низким мыском, далеко выступавшим от высоких скал в море. Вода убывала.

Дождавшись малой воды, кормщики на лодках добрались к самому мысу. Они взяли с собой по увесистому куску оленины и по несколько штук соленой рыбы.

Здесь, рядом с мысом, чернел большой камень, чуть-чуть выступая из воды. Кормщики положили на него свои дары и, поклонившись, отправились обратно. С прибылой водой море покроем черный камень и примет жертву. Теперь можно было продолжать плавание.

К концу второго дня ветер стал стихать. На горизонте показались безжизненные обрывистые скалы Семи островов. Немного осталось пути до поворота прямо на Грумант. Но ветра совсем не стало. Штиль разгладил все морщинки на море. Остановились корабли.

От «Великого Новгорода» отошла маленькая лодка и быстро заскользила по воде: Феликс решил проведать брата Антона.

Сидят братья в Антоновой каюте и после обильного обеда ведут неторопливую беседу, прихлебывая заморское вино и услаждая себя сверх сыта кедровыми орешками.

Полными хозяевами чувствовали себя на севере сыновья посадницы. Земельные владения Борецких широко раскинулись по Северной Двине и беломорскому побережью. Нескольким новгородским вельможам принадлежала вся двинская земля со всеми ее богатствами и черным народом — смердами.

И на берегу и в лодке — все боярское.

Антон расположился по-хозяйски. Каюту кормщика — лучшее помещение на судне — он занимал сам. Внизу, в трюме лоды, помещались дружинники, рослые, на подбор, молодцы изнывали от безделья, валяясь на нарах. Вокруг было развешано и разбросано оружие и доспехи: луки, колчаны, мечи, кольчуги, островерхие шлемы, небольшие, покрытые кожей щиты, копья. Часть трюма была отгорожена тесом — там хранилось продовольствие мореходов и богатые боярские запасы.

По палубе прохаживались дозорные, поглядывая то на море, то на скалистый Мурманский берег. Безлюдно море. Изредка сверкнут на солнце высокие фонтаны гренландских китов, выглянет из воды морда усатого зверя или мелькнет черная рыба спина.

Но вот внимание одного из дозорных привлекли серые под цвет моря точки, вдруг показавшиеся из-за высокого мыса. Точки быстро увеличивались, принимая очертания кораблей.

— Ну-ка, друг, покличь кормщика, — с тревогой в голосе сказал старший из мореходов, продолжая пристально вглядываться.

На палубу вышел Старостин.

— Тимофей Петрович, глянь: видать вражина к нам на веслах спешит.

Кормщик сразу понял, в чем дело. Он бросился на корму в каюту, где беседовали бояре Борецкие.

— Господине Антон Филиппович! Беда, варяжские разбойники на двух кораблях гребут.

Братья вышли на палубу и огляделись.

— Феликс, дорогой, — сказал брату Антон, — плыви на свою лодью, готовь дружину. Ежели трижды затрубит рог, спеши на помощь.

— Други! — крикнул Антон своей дружине. — Готовься к брани, плывут корабли вражеские!

— Господине, — снова обратился кормщик к Борецкому, — пускай дружина в готове внизу сидит, на палубу не выходит. Мои молодцы сначала бой примут, а уж потом твои на подмогу. Мало нас, хитростью врага брать надо, пускай думает, что на лодье зверобои одни.

Антон понял мысль кормщика и кивнул головой. Он спустился в каюту и вынес Старостину большое синее, расшитое золотом знамя.

Подыми, Тимофей, стяг. Пусть ворог знает, чья сила его крушить будет.

Стремительно приближались варяжские корабли. Вот уже они совсем близко. Хорошо видать головы драконов и острые корабельные тараны. На мачтах развевались разукрашенные знамена, блестели на солнышке флюгерки. Впереди шел голубой корабль. На высокой корме, вокруг капитана, сбились в кучу воины в тяжелых доспехах. На палубе, приготовившись к схватке, стояли варяги в более легком вооружении. У некоторых в руках были самострелы или мечи, у других храпы и крючья. На носу у двух бомбард, стрелявших каменными ядрами, возились пушкари.

Мореходы вышли на палубу «Архангела Михаила». У кого были пики, которыми били морского зверя, у кого топоры, у кого луки. Кормщик подозвал старика-носошника.

— Федот, спускай с Тимошкой павозок, у лодьи корму отведешь. Вишь ведь, вражьи дети, борт тараном норовят проломать.

Не успел кормщик глазом моргнуть, как уж лодка была на воде.

Корабли врага приближались. Каралось, вот-вот острие на носу вражеского корабля вопьется в борт лодьи. Морские разбойники того времени стремились всегда повредить беззащитное судно тараном и другими приспособлениями. Они норовили свернуть руль, сбить мачту и паруса или пробить в корпусе дыру.

Огнестрельное оружие тогда слабо было развито, и пушки в бою успевали выстрелить не более двух-трех раз.

Раздались громкие выстрелы, но каменные ядра, засвистев, пронеслись над лодьей, не причинив вреда. Кусок горящего промасленного полотна упал на палубу, подымая клубы дыма. Мореходы выбросили огонь за борт.

Еще залп. Одно ядро ударило в борт судна и отскочило, лишь оцарапав обшивку. Снова зарядить пушки пираты не успели, корабли сошлись почти вплотную.

И тут в самые опасные мгновения корма «Архангела Михаила» вдруг отошла вправо. Послышались зловещий треск и злобные вопли. Но трещала не лодья. Трещали весла вражеского корабля, ломаясь о крепкий борт русского судна.

«Архангел Михаил» вовремя подставил врагам свой тупой нос. На пиратском корабле не смогли быстро отвернуть в сторону и убрать весла.

Один из варягов-латников, стоявших на корме, побагровев от натуги, крикнул:

— Эй, Русь!.. Сдавайтесь, мужичье, смерды, не то всех перебьем!

На русском судне молчали. Носошник Никола, толкнув в бок Савелия, тихо сказал:

— Покажем мы им Русь, упомнят, небось. Ишь, раскричался, рвань варяжская!

Громко и тревожно затрубили корабельные рога. Раздались крики. С обеих сторон полетели стрелы. На русскую лодью упали тяжелые храпы и крючья — пираты полезли на абордаж.

Взвился на мачте флаг Великого Новгорода, и началась жестокая схватка.

Сплеча рубили зверобои топорами и кололи пиками пиратов. Стучали мечи, гремели щиты, ломались копья, лилась в море кровь.

Но много было врагов. Второй корабль бросил на лодью абордажные крючья, и новые враги полезли на палубу.

Тут раздался громкий протяжный свист. Из трюма неожиданно выскочили дружинники, сидевшие в засаде, и бросились на выручку мореходам.

Антон Борецкий бился впереди всех. Его золоченый островерхий шлем был виден в самой гуще схватки. Еще громче зазвенела каленая сталь, бешено посыпались удары на головы врагов.

О палубу лодьи стукнулись брошенные пиратами железные шарики с тремя заостренными иглами, растекалось жидкое мыло, вылитое коварной рукой врага. Палуба сделалась опасной и скользкой. Люди падали и прокалывали ноги.

Пятнадцать мореходов и двенадцать боярских дружинников отбивали яростные атаки более полусотни пиратов. Но множество ломило отвагу.

Трижды громко прозвучал рог Антона, призывая на помощь брата.

А Старостин, рубясь с врагом, нет-нет, да взглянет незаметно на паруса — не подул ли спасительный ветерок — давно ведь заговоренное перо плавало в Студеном море.

— Батюшко, припади! — шепотом молил он ветер.

Но не было в парусах ветра.

В это время первый вражеский корабль вдруг стал крениться и оседать на нос. Это старый Федот не терял времени даром — не утерпело ретивое. Вместе с Тимохой они незаметно подобрались в пылу боя к вражескому судну и острыми топорами стали рубить борт у самой воды. Щепки брызгами полетели под тяжелыми топорами. В большую дыру потоком хлынула вода, затопляя корабль. Спohватившись, пираты с криками бросились спасать свое судно, Федот с Тимохой тем временем подошли ко второму кораблю. Тут враги поняли воинскую хитрость противника и взяли на пики старого Федота и забочешника Тимошку.

Но самоотверженный подвиг двух русских людей сразу изменил положение. Поврежденный вражеский корабль все больше погружался в воду. Мореходы давно обрубили абордажные снасти. Почуяв гибель, отчаянными воплями зывали пираты о спасении.

Второй вражеский корабль отошел от борта лодьи, спеша на помощь гибнущим собратьям. Как крысы, бежали разбойники с тонущего корабля, бросая раненых.

Победный клич раздался на русских лодьях. Обнимались и целовались мореходы и дружинники, радуясь победе.

Отозвавшись на зов Антона, к «Архангелу Михаилу» подходил карбас с двенадцатью

дружинниками Феликса. Но битва была уже окончена, и карбас повернул обратно.

Кормщик Тимофей Старостин, не раз бывавший в таких стычках, не был еще уверен в благополучном исходе боя. Он стоял на носу лодьи и, насупившись наблюдал за всеми действиями врага. Вот он что-то заметил и обернулся к ближайшему мореходу:

— Беги сказать боярину, вражье сигнал подает, помощь кличут. — И подумал с досадой: «Рано Антон Филиппович праздновать начал».

Действительно, над уцелевшим пиратским кораблем подымался высокий столб черного дыма.

Не ошибся кормчий. Скоро дозорный на мачте различил две новые серые точки, показавшиеся из-за мыса.

Подошел Антон Борецкий и тоже стал вглядываться в темнеющий берег.

Вдруг Старостин радостно воскликнул. Тяжелый столб дыма стал клониться к воде, в сторону севера, — задул легкий шелоник. Покрываясь мелкой рябью, оживало море.

— Ребята, паруса ставить! — радостно прозвучала команда кормщика. — Савелий, прищепы доставай, полные паруса отворять будем. Мгновенно, как птицы, распустили лодьи белые крылья. Ветерок, поиграв парусиной то с одной, то с другой стороны, вдруг громко хлопнул полотнищем и сразу упруго расправил паруса.

Рванули с места лодьи и понеслись, рассекая темные воды.

Все дальше и дальше уходили мореходы, оставляя разбитого врага несолоно хлебавши.

Подсчитали свои потери на «Архангеле Михаиле». Один убитый и семеро раненых оказалось на лодье. Нет Федота и Тимошки. С почетом предав тело убитого Студеному морю, мореходы продолжали свой путь на север. Долго будет помнить двинский народ подвиг своих героев-мореходов. Гуслияры-песенники прославят имена Федота и Тимошки, распевая новую былинку про победу над врагами.

Вечерело. Старостин стоял у руля. Привычно охватив руками массивный румпель, он глядел вперед, что-то высматривая в загадочной голубой дали. К кормщику тихо подошел его помощник Савелий, держа в руках деревянный обломок.

— Тимофей Петрович, а корабли варяжские куды плоше наших. И парус один, и снасть жидкая, и дерево худое... Да и строены суды неладно. Смотри вот, разве такое дерево наши мастера на морскую лодью положат?

Старостин молчал, рассматривая доску.

— Варяги не раз русских лодейных мастеров к себе призывали, — заметил он после раздумья. — Им давно ведомо мастерство наше в судовом художестве. Наши-то с дружбой к ним шли, свое знатство не таили, а варяги, вишь, разбоем благодарят, — и Старостин гневно швырнул обломок за борт.

— Мы обычай русский строго блюдем, — громко, словно призывая в свидетели Студеное море, продолжал кормщик, — чужбины не хватаем и в своем море государим мирно. Полуночное океан-море от запада и до востока все наше. И Мурман,[46] и Матица-земля,[47] и Грумант, — то все под Русью. Русь там от века ходит и живет.

Обидные, тяжкие мысли шевелились в голове Старостина. Давно ушел в поварню подкормщик Савелий, а Тимофей Петрович все стоял у руля, о чем-то думая под скрип мачт и

слабый свист ветра, игравшего в снастях.

Еще прошло два дня. Шелоник все задувал в паруса. Ни одной льдины не встретили на пути лодьи. Вот показались камни и скалы южной оконечности Груманта. Осторожно обошел Старостин опасный мыс с коварными течениями и рифами.

Под скалистыми высокими берегами острова двигались теперь корабли. Обрывистые скалы гор местами спускались к самому берегу, нависая над морем.

Сверкали в лучах солнца вечными снегами величественные грумантские вершины. Под глубокими снегами лежали долины, выходящие к морю.

Мореходы любовались сверкающим голубым льдом многочисленных глетчеров, сползавших в воду широкими языками. Стали часто попадаться плывущие навстречу ледяные обломки.

Старостин то и дело показывал Борецкому на кресты, стоявшие на берегу, и называл становища и кормщиков, зимовавших в этих местах. Много русских лодей обогнали на своем пути мореходы. Много видели они поморских кораблей, стоявших на якорях за мысочками в ожидании поветра.

— А скоро твои владения начнутся, Тимофей? — пошутил боярский сын, похлопывая кормщика по плечу.

— Недалече уж теперь осталось, — серьезно ответил Старостин. — Там, за тем мыском, где семь крестов стоят, повернем.

Вот и южный мыс широкого залива, на много верст уходящего вглубь острова. Лодьи взяли на восток, обходя опасные камни. Совсем близко на черной скале стоял большой серый крест.

— Глянь, господине, крест это дед мой, Иван Старостин, ставил, уж полсотни лет, поди, как будет.

Лодьи, лавируя, медленно шли под южным берегом залива. За небольшим мыском открылось удобное становище. Показалось несколько судов, стоящих на якоре, избы на песчаном берегу, У изб копошились люди.

— Вот наше владение, старостинское, — с гордостью сказал кормщик, широко обводя кругом рукой. — Домой пришли...

Близко к берегу подошли корабли и бросили в воду тяжелые якоря. Антон вызвал к себе грамотея, дьяка.

— Вот, Афанасий, здесь твое место. Собирайся, жить тут долго придется, приказные книги бери. Грумантская земля велика, и становищ на ней множество.

Согнулся в пояском поклоне дьяк. Не долги были его сборы, и он первым полез в карбас, уходящий на берег. Съехали на берег и братья Борецкие с дружинниками посмотреть на «столицу» своей новой вотчины.

А на следующий день уже торопил боярский сын Старостина в обратный путь. Хотели еще братья на Малый Берун — остров посмотреть.

Быстро уладил свои дела Старостин. С радостью он узнал, что лодьи его благополучно добрались прошлым летом на Грумант. А сейчас кормщики хвалились хозяину счастливой зимовкой и богатым промыслом.

— С удачей тебя, Тимофей Петрович, — докладывал Старостину высокий рябой кормщик, —

постарались мы в этом году, ведь промысел-то какой: триста моржей добыли, восемьдесят зайцев, сто пятьдесят лысунов, сто пятьдесят медведей, тысячу песцов, кита одного да пуху гагачьего.

— Молодцы, вернетесь на Русь — озолочу, — радовался Старостин.

Не хуже промышляли и остальные старостинские артели.

Бородатые, обветренные промышленники собрались возле Старостина, народу оказалось много. Некоторые из них жили на Груманте оседло, по несколько лет, и давно свыклись с суровой природой острова.

Тимофей Петрович, степенно поглаживая русую, окладистую бороду, совсем закрывшую широкую грудь, рассказывал новости, передавал поклоны и гостинцы от родных и близких. Мореходы благодарили, кланялись в пояс.

— Ну, кажись, все обсказал, ребята. Теперь за дело — лодьи выгружать. Морошку на зиму вам привез, снастей промысловых, одежку да другого добра немало.

Лодьи разгружали всем миром. Вот уже последний ушат с моченой ягодой переправился из трюма на берег в просторный сарай.

Настроение у всех было приподнятое, праздничное.

Общую радость мореходов отравляло появление новгородских вельмож.

Поморяне недружелюбно посматривали на бояр и дьяка.

— Кабыть кончается вольная волюшка, — поговаривали они между собой, — и на Грумант наш бояре своего пса, дьяка, привезли. Глядишь, скоро и попы приволокнутся...

Через трос суток попутным ветром тронулась лодья в обратный путь.

Благополучно миновав южный мыс Груманта, Старостин повернул на северо-восток, к знакомому становищу на западном берегу Малого Беруна.

Упросил Тимофей Петрович боярского сына разрешить ему промысел на моржа. Соблазнился Антон, — уж больно много было зверя на острове. Половину добычи обещал отдать боярам Старостин.

Почти сутки шли мореходы, пересекая обширный пролив. Вот на высоком мыске показались три креста, стоящих рядом, за мыском открылось небольшое становище. Старостин удачно подвел к нему обе лодьи.

Мореходы рассчитывали на богатую охоту. И не напрасно. Пустынные берега острова были покрыты большими коричневыми пятнами моржовых залежек. На второй день начался промысел. Засучив рукава, вместе с мореходами работали дружинники.

Незаметно с моря подбирались охотники к залежке и, окружив моржей, поднимали громкий крик и шум. Путь к бегству был отрезан, и звери испуганно метались по галечнику.

Это и нужно было: на берегу быстро вырастал коричневый вал из моржовых тел, преграждая зверю выход в море.

Редко какому моржу удавалось выскочить из этой ловушки. Мутило сначала дружинников от крепкой моржовой душины, побаивались новгородцы страшных клыков и грозного рева, но быстро освоились и под дружную песню зверобоев без усталости кололи пиками морских

великанов.

Сила земна,

Вода водяна,

Земна толщина,

Морска глубина.

Зверь идет,

Зверя ведет.

Четыре ветра,

Четыре вихря.

Ходит сила

Из жилы в жилу.

Зверь идет,

Зверя ведет.

День с ночью,

Медь с кровью,

Стрела калена,

Тетива шелкова.

Зверь идет,

Зверя ведет.

Разноголосо пели молодцы, покачиваясь в такт песне...

Столько набили моржей промышленники на Малом Беруне, что одними клыкастыми моржовыми головами нагрузили свои лоды. А кожи и сало пришлось оставить на берегу на съеденье зверям и птицам.

Радовались кормщики, радовались братья Борецкие, радовались мореходы, дружинники богатому промыслу. Все подсчитывали выручку за дорогой «рыбий зуб».

Но не всегда получается, как думаешь. Уж отход был назначен на завтра, а проснулись — увидели на море сплошной грозный лед. Могучим потоком двигались льдины на север, ломаясь и громоздясь друг на друга.

— Господине Антон Филиппович, может статься, зимовки не миновать, — окинув зорким взглядом пролив, сказал Старостин.

Больно не хотелось зимовать на острове боярам, шибко горевали братья. Но что поделаешь!

Прошла неделя, другая.

Просторную, крепкую избу построили мореходы и дружинники. Но одной избы оказалось мало. Стали собирать лес для другого зимовья.

А леса было по берегам много. В иных местах трудно было перебираться через нагромождения толстых и тонких деревьев. Вековые сосны и ели, вывороченные с корнями буйными реками далеко на материке, принесли морские течения к Малому Беруну, а волны выкинули деревья на отмельные пустынные берега.

Лодьи надо было вытащить на угор.

Для подготовки громоздких судов на зимовку мореходы готовили деревянные катки и толстые канаты. Но опять случилось по-иному.

Изменился ветер и погнал льдины в открытое море. Не хотел Старостин выходить в плаванье, поздно было, но настояли братья Боренкие — думали, вынесет ветром лодьи в море вместе со льдом. Соскучились бояре по богатым хоромам, по веселому житью. Страшила их зимовка на суровом Груманте.

— Эх, боярин, — всердцах сказал кормщик Антону Борецкому, — по Студеному морю лодью водить не забава. В лед забраться — дело простое. Мудрено в осеннюю пору из льдов целым выйти.

— Распутья бояться, так и в путь не ходить, — сладко потягиваясь и позевывая перед сном, ответил Антон. — А ты готовь, Тимофей, лодьи к утру, авось пробьемся.

Стал пореже лед, и двинулись мореходы в путь вместе с ледяными полями.

Ждать нельзя было, каждый день мог перейти ветер, а тогда уж зимовка неизбежна.

Благополучно плыли мореходы лишь до скалистого мыса, за которым остров разрезался широким заливом. Тут сильное течение подхватило «Архангела Михаила» и понесло вглубь залива.

«Великий Новгород» был удачливей: его понесло к большому падуну, стоящему на мели. Мореходы на «Великом Новгороде» поставили лодью под защиту ледяного мыса и спаслись от коварного течения.

А «Архангела Михаила» ледяной поток нес по заливу. Глядя на острые камни, ставшие на пути лодьи, дружинники в ужасе шептали молитвы. Даже у привычных ко всему мореходов тревожно сжались сердца.

«Только бы пронесло мимо», — думал каждый.

Старостин видел, как громоздились на камни льдины, как разламывались о скалы ледяные поля. Помрачневший, стоял кормщик на палубе.

— Тимофей Петрович, — окликнул его Савелий, — гляди, гляди!

Но Старостин и сам знал, что смерть смотрела в глаза мореходам.

— Ребята, вылезай все на палубу, кто погибели не хочет! — громко крикнул кормщик.

Люди сбились на корме, окружив Старостина. Опасность была теперь совсем близко. Ударяясь о невысокие острые скалы, сильное течение кружило в водовороте мелкие льдины впереди лодьи. Вырываясь из кипевшей воды, обломки мгновенно уходили в стороны,

увлекаемые быстринной.

Но вот разнесло весь лед перед судном, открылась вода, бурлившая и пенившаяся, как в котле.

Освободившуюся на миг лодью водоворотом развернуло и прижало бортом к большой льдине, напиравшей сзади. «Архангел Михаил» двигался навстречу гибели.

В бессилии что-либо сделать, Старостин на мгновение закрыл глаза. Тяжело смотреть мореходу на гибель своего судна. Послышался чей-то крик, полный ужаса.

Подпрыгнув два-три раза на камнях, тяжело груженная лодья затрещала, сразу остановилась и стала погружаться носом в воду. На палубу хлынули бурлящие потоки.

— Бери багры, выходи все на лед. Пойдем по льду, к «Великому Новгороду» — спасенье только там! — услышали все твердый голос кормщика.

А сам Тимофей Петрович остался с Савелием на лодье. Он думал немного переждать. Может быть, еще удастся помочь судну.

Он успел осмотреть повреждения. В трюме, как раз посредине, острый камень, пробив насквозь днище, крепко держал «Архангела Михаила».

«Лодьи спасти не можно...»

Подпрыгнув на камнях, тяжело груженная лодья стала погружаться носом в воду.

Это были последние слова в записках кормщика.

— Вот и все, что я сумел прочесть в записках Тимофея Петровича — кормщика той самой лодьи, что ты, Ванюха, нашел на Моржовом острове, — закончил Химков.

— А сам-то Старостин остался жив али погиб?

— Трудно сказать, сынок. Знаем мы, что Антон, боярский сын, добрался до «Великого Новгорода». А Тимофей Петрович — может, и он спасся, как знать, род их не перевелся. Старостины по сие время на Грумант плавают да моржей бьют... Правду, выходит, старики сказывали про Старостиных-то, что и Соловецкого монастыря еще не было, а уж они на Груманте промысел имели.

Задумался Алексей. Задумались остальные зимовщики, вспоминая кормщика Старостина, старого морехода Федота, молодца Тимошку, братьев Борецких...

Глава двадцать третья

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Прошло еще две недели, а пурга все не ослабевала. Ураганный ветер неистово переметал горы снега над островом, над льдами океана, не выпуская зимовщиков за порог избы. Вот уже почти месяц они не имели возможности пойти за дровами, а печь топить приходилось почти непрерывно. Это было так необходимо для Федора. От холода он нестерпимо страдал. Поморы со страхом посматривали на быстро убывающую поленницу в сенях, но попытки экономить дрова приходилось тут же прекращать. Алексей ходил мрачный, как туча: он думал, как же быть?..

Наконец сожгли последнее полено. Прожили сутки в не топленной избе. Пурга живо выдула тепло. Зябли руки и ноги у здоровых людей, одетых в теплые оленье шкуры и меховые сапоги, а Федор стонал в голос от боли и ломоты в костях.

Правда, был один выход, у самой избы были сложены заветные брусья и доски, подготовленные для постройки карбаса. Но неужели сжечь, как дрова, этот корабельный лес? Другого ведь больше не найти. И тогда прощай надежда... Жди, пока зайдет сюда судно, жди, может быть, еще несколько лет. Мореходы так часто представляли желанную минуту, когда карбас развернет паруса и понесет их к родным берегам, что казалось невозможным от нее отказаться.

Вот о чем думали Алексей и Шарапов. И Шарапов не выдержал. Он высказал то, о чем подумать было страшно.

— Ну-к что ж, не пропадать же товарищу нашему верному, Алексей. Когда-то еще мы выстроим карбас... Да и доберемся ли еще на нем? А ведь Федор-то гибнет... Неладно так... Давай топить карбасом...

Молча согласился Химков. Ведь Степан и его думу высказал. Этот разговор услышал Ваня.

— Дядя Федор, мы тебя спасем! — радостно крикнул он. — Я пойду за дровами. — И, схватив топор, кинулся к двери. Степан — за ним. Вскоре послышались удары топора.

Федор вскочил с полатей.

— Иван! погоди, не надо! Мне легче! Я стерплю боль. Не надо, ребяташки, рубить карбас, не надо... Ох! — Он почти без памяти упал на лавку.

— Успокойся, Федор, — ласково уговаривал Алексей, глядя товарища по голове. — Ты словно маленький. Подумай: разве легкое дело на карбасе через океан-море плыть? А сюда, к острову, в обзят придет какая-никакая лодья. Вернее ведь это. А человек погибнет — не вернешь. Друг ты ведь нам, Федор. Ты за нас за каждого жизнь готов был отдать. И мы... А карбас порубить — это что... Вот так-то лучше будет. По-поморски это: всем за каждого в беде стоять и каждому за всех...

Федор примолк.

Скоро в печи запылал огонь, у всех на душе стало спокойнее, легче, светлее, как бывает, когда сделаешь так, как надо.

Разморенные теплом, все быстро заснули. Сидя возле своего крестного, задремал Ваня. Но Федор не спал. Его мозг лихорадочно работал: «Карбас... Надо спасти карбас...»

Вот он приподнялся, прислушался. Мерно дышали Алексей и Степан, уснул и Ваня, приткнувшись к его постели.

Затаив дыхание, Федор выждал еще несколько минут. Потом собрал последние силы и выполз из-под оленьего меха. Тяжело ступая босыми ногами, пошел к двери. Заколебалось пламя ночника, большая тень качнулась по стене вслед за Федором...

Беспокойно завозился медвежонок, освобождая голову от шкуры, сползшей с постели больного.

Федор замер. Нет, все тихо... Преодолевая жгучую боль, он бесшумно вышел за дверь, в сени.

Поставив на попа чурбан, Федор встал на него, наладил петлю из ременного пояса и,

оглядываясь на дверь, торопливо захлестнул ремень за потолочную балку. «Вот так...» Прошептав распухшими губами несколько слов, он перекрестился и накинул петлю на шею...

Вдруг послышались легкие, быстрые шаги, и в дверях показался испуганный мальчик. Торопясь, Федор резко оттолкнул ногой чурбан, с шумом покотившийся по сениям.

— Отец! Степан... — с криком бросился Ваня к Федору, стараясь, сколько хватало сил, приподнять его.

Из горницы выбежал Алексей. Одним прыжком он очутился около Федора и, взмахнув ножом, перерезал ремень. Федор без сознания рухнул на пол.

Больного бережно перенесли в постель. Степан долго прикладывал к его голове холодный снег, растирал грудь. Наконец Федор очнулся.

— Братаны, милые... Зачем?.. Зачем это? Хотел, чтобы лучше было.

Мореходы, сжав зубы, еле сдерживали слезы.

Когда обессилевший Федор задремал, Алексей сказал шепотом:

— Теперь, Степан, за ним следить надо. Погубит он себя!

Шарапов кивнул головой. Они понимали, что сейчас Федора мучит не только болезнь, — ему тяжела была жертва, принесенная ради него товарищами.

И друзья всячески помогали Федору успокоиться, забыть про сгоревший в печи карбас.

Унылое завывание пурги, наконец, прекратилось. Снега за это время намело столько, что с трудом прокопали в сугробах выход из избы. Получился длинный коридор со стенами в полторы сажени. Прежде всего проложили дорогу к дровяному складу. Затем пришлось рыть траншею к пещере: запасы мяса и светильного жира в сениях тоже подходили к концу. Все это потребовало многих дней труда.

Когда стало посвободнее, Шарапов, Ваня и Алексей пользовались каждым тихим днем для охоты на песцов. Охота была удачной: почти каждую неделю в кладовой прибавлялось по полтора-два десятка шкурок белого и голубого песца.

— Зверек этот, Ваня, не только ценная добыча, — говорил Алексей. — По песцу поморы-промышленники примечают, когда на море тяжелым льдам быть. Перед холодным, трудным для промысла годом песец к югу уходит. За песцом и волки и другой зверь подается. Помнишь, как «Ростислав» в море выходил, мезенские охотники сказывали, что песец уходит стал. Не к добру, дескать.

— А как же зверь узнает, когда льдистому году быть?

— Тут, сынок, не столь песец, сколь мышь тундровая чует холодный, тяжелый год. Снимается мышь эта со своих мест и вся к югу переходит, а песец уже за ней идет. Мышь-то трудно другой раз приметить, а песца сразу видно по добыче: совсем тогда промыслу нет в иных местах.

Почти ежедневные, дальние охотничьи походы действовали бодряще, укрепляюще: к концу зимы никто из троих поморов не страдал даже назубицей. Сделали свое дело и салата, оленья кровь, сырое мясо. Вяленое мясо шло в небольшом количестве, вместо хлеба.

Что касается Федора, то никакие просьбы и требования товарищей не приводили ни к чему.

С восходом солнца началась охота на тюленей. Когда пришло время промышлять, Степан напомнил мальчику:

— Ну-к что ж, Ванюха, попробуем мишку к делу приставить. Помнишь, в тот год собирались?

Как и предполагали Ваня с Шараповым, медвежонок благодаря хорошему чутью помог им.

Трудно найти зверя подо льдом, покрытым толстым слоем снега; это Ваня знал уже по своему опыту.

Степан говорил:

— Ведь нерпа, лысун и всякий морской зверь дышать должен. Пока лед нетолстый, он его головой прошибает, чтобы воздуху хватить. Спит когда, так ведь и сонный все равно кверху идет дышать. Ну, а как лед толще становится, тут зверь прошибить его не может. Он тогда маленькую луночку, всего в ладонь, прогрызает. Всю зиму не дает в продушине льду замерзнуть. Оттаивает своим теплом. В толстом льду под лункой целое логовище образуется. Внизу оно широкое, и зверь в нем свободно помещается. Сверху лунка тонким ледком покрыта, а поверх чуть снегу лежит. Ежели нужен воздух лысуну, подымет он к лунке, лед выдавит и воздуху набирает. Таких лунок зверь десятков и больше себе делает. От медведя стережется. Вот и поймай его. Только не устережется. Там, где наш мишка лунку учует, надо шестом щупать. Как дыру найдешь, вынимай шест, а лунку опять снегом засыпай. Ежели свет виден будет, зверь в обязат ту лунку бросит.

— Ну, а как я-то лысуна увижу, ежели лунка под снегом? — удивился мальчик.

— Тут, Ваня, своя примета нужна. Возьми спицу тонкую деревянную и поставь в лунке: один конец — подо льдом, а другой — на глазах. После жди тихо. Как толкнется в лунке зверь, спица сверху подымет. Тут и бей в лунку кутилом. Аккурат в голову зверю попадешь.

Охота эта очень увлекала и Шарапова и Ваню.

Нужно было много терпенья, сноровки и ловкости, чтобы выследить и добыть тюленя через маленькую дырку.

Мишка хорошо справлялся со своими новыми обязанностями. Найденную медвежонок продушину брал под наблюдение один из охотников, а другой шел с мишкой дальше. И ему медвежонок указывал зверя. Долго приходилось стоять, не спуская с деревянной палочки глаз. Но вот спица качнулась... Охотник с силой метал кутило и, крепко держа в руках обору, понемногу потравливал ее за раненым тюленем. Когда зверь утомлялся, его тащили кверху. Подтянув тюленя к продушине, поморы обкалывали топором лунку, чтоб была шире, и вытаскивали добычу на лед. Иногда же охота бывала неудачна, и, промучившись на морозе целый день, друзья возвращались ни с чем.

Глава двадцать четвертая

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Весна была холоднее прошлогодней. Вот уже второй месяц держались лютые морозы. Во время последней охоты Ваня обморозил щеки и нос и теперь не выходил из избы, смазывая лицо оленьим жиром. В становище поморов опять стучалась цинга. Почувствовал слабость Алексей: как и прошлой весной, у него стала болеть голова, кровоточили десны. Он похудел и ослаб. Цинга не тронула ни Вани, ни Шарапова, Федор был по-прежнему плох и не вставал с

постели.

Прошло две недели с тех пор, как был убит последний тюлень. Запропали куда-то и песцы. Когда Степан отправлялся на охоту, его ждали с особым нетерпением, надеясь, что на этот раз поход окажется удачнее.

Вот и сейчас Алексей и Ваня настороженно прислушивались к звукам, доносящимся снаружи: Шарапов ушел по ближним ловушкам. Время томительно тянулось. Наконец послышались далекие шаги по звонкому снегу. Алексей по походке чувствовал, что Степан торопился. Громыхнула щеколда. Степан громко затопал в снях, отряхивая снег.

Охотник вошел в избу и молча стал раздеваться. Он долго возился, снимая малицу. Мороз крепко приклеил бороду к оленьему меху.

— Нет зверя, пусто, — еле двигая онемевшим подбородком, сказал Степан. — Хотел было дальше идти, за Черный камень, да мочи нет, мороз не пустил.

С помощью Вани он разделся и стал отогревать замерзшие ноги и руки. И говорил и раздевался Степан, не поднимая головы.

— Ничего, Степа, повременю, перебыюсь. Авось потеплеет, не век морозу жить, — бодрился Алексей.

Шарапов взглянул на бледное, со впавшими щеками лицо Химкова, и у него защемило сердце.

— Вдвоем бы идти способнее, — виновато пробормотал он. — Одному страшно. Как, Ванюха, недужишь все?

Ваня молча кивнул головой. Степан мысленно ругал себя, что не усмотрел, позволил морозу отнять в такое трудное время надежного помощника.

В молчании прошел этот вечер.

Назавтра, выйдя из избы, Степан заприметил вдали над мертвым, однообразным морем, покрытым шероховатым ледяным панцирем, длинную полосу тумана, державшуюся на одном месте. Эта туманная полоска была как бы слабенькой, но новой нотой в скучной и монотонной песне арктической зимы.

«Лед в заливе разошелся, — соображал Степан. — Какая никакая, а весна. А может, и от мороза треснул... Ишь ведь, хватает как, проклятуций», — и он, скинув рукавицу, зажал в теплой ладони помертвевший нос.

Степан забрался на скалу. Теперь он ясно видел разводье, или, вернее, широкую трещину, разорвавшую лед. Над черной извилистой линией в морозном воздухе клубились испарения, очевидно трещина разошлась совсем недавно.

«У разводья лысуна только и бить. По продужинам искать — морока одна, холода натерпишься, и муторно».

Степан решил попытать счастья. И вот он уже в избе: сидит и точит носок, готовясь к охоте.

Хоть и очень нужно было свежее мясо, Химков не одобрял этот рискованный план. Несколько часов на таком морозе, вдали от жилья могли привести к гибели. Но Степан заупрямился и твердо стоял на своем. Уже отворив дверь, невидимый в дымящемся морозном воздухе, он шутиливо крикнул:

— Ежели меня до теми не будет, справляй поминки, ребята.

Дверь захлопнулась за охотником, умолк и скрип его лыж.

Степан шел ходко, размашисто, торопясь достигнуть цели как можно скорее. В заливчике лед был гораздо ровнее, чем у старого зимовья: реже встречались торосы, да и то не такие высокие. Темная фигура человека сначала отчетливо выделялась среди снегов, но постепенно, покрываясь морозным инеем, превратилась в мутное пятно, почти незаметное в белой пустыне. От быстрой ходьбы дыхание Степана участилось. Пар густыми клубами вырывался изо рта и, оседая на бороде и усах, превращался в ледяную корку.

Тихо. Только лыжи жалобно тянули свою однообразную песню: скрип-скрип... скрип-скрип... Изредка безмолвие нарушалось резким звуком, словно кто-то стрелял из ружья. В мертвой тишине звук казался нестерпимо громким, и охотник каждый раз вздрагивал и останавливался. Степан знал, что это трещит лед, и все же не мог побороть мгновенного испуга. Там, где ветры сдули снег, обнажилась шершавая поверхность льда. На ней виднелись тонкие трещины, змейками разбегавшиеся в разные стороны. Иногда встречались трещины пошире, в них свободно прошла бы ладонь, они глубоко уходили в толщу льда.

Сетка трещин — это работа мороза. Холод сжимает опресненную поверхность льда, затем трещина разрывает все мощное поле. Силы, вызванные разностью температур на поверхности и внутри ледяной толщи, разрушают не только морской лед, но и гигантские глетчеры, плавучие ледяные горы. Так, исподволь мороз ослабляет лед, подготавливая весеннее освобождение полярных морей от зимних оков. Летом эта работа мороза проявляется в том, что могучие на вид ледяные поля от одного удара корпуса судна легко разламываются по зимним трещинам на множество кусков. Зимой же на приливе небольшая трещина может превратиться в широкое разводье.

Трещина, к которой шел Степан, оказалась гораздо дальше, чем он предполагал. Охотник шел по льду уже добрый час, а до разводья еще оставался немалый путь. Степан то и дело оттирал снегом то нос, то щеки.

А у самого разводья Степан совсем помрачнел. И не даром: чуть в стороне от него пробирался к воде другой охотник, любитель жирных тюленей — медведь. Ошкуй шел не торопясь. Утоляя жажду, он то и дело хватал дымящейся пастью морозный снег. Степан припал за торос. Медведь не замечал человека и остановился над самым разводьем.

И человек и зверь вышли на добычу.

Тонкая корочка мягкого серого ниласа заколебалась. От показавшейся на поверхности блестящей головы зверя по льду волнами разошлись круги, как будто это была вода, а не лед. Медведь молниеносно скрылся за ропаком. Тюлень, вытянув шею, осмотрелся и, обольщаясь кажущейся безопасностью, почти без шума ломая нилас, поплыл к кромке льда. Неуклюже трепыхнувшись жирным телом, зверь рывком взобрался на лед. Не успел он как следует расположиться, выбрав себе местечко по вкусу, как медведь придавил его ко льду лапами и, рыча, прокусил ему затылок.

Захватив тюленя зубастой пастью, ошкуй понес его в укромное место, чтобы спокойно позавтракать: так кошка уходит с пойманной мышью в зубах. Степан проследил взглядом за медведем, пока тот не скрылся в торосах.

В разводье показались еще две тюленьи головы. Охотник сразу насторожился, забыв и медведя и мороз. Сжав в руках свое оружие, он осторожно крался к зверям, распластавшимся на льду.

Сильный удар, носок впился в тюленью спину. Зверь рванулся к разводью. И тут произошло

несчастье: Степан упал в воду...

То ли охотник сделал неосторожное движение, поскользнулся и не мог удержаться на ногах, то ли окостеневшие пальцы были виноваты, и ремень, петлей зацепив руку, потащил охотника вслед за зверем, — трудно сказать. Так или иначе, положение Степана было отчаянным. Свалившись в воду, он еще больше запутался в ремнях, и тюлень успел дважды окунуть его, пока непослушные пальцы сумели вытащить нож. Освободившись от кожаных пут, Степан, барахтаясь в шуге, подобрался к кромке трещины. Но то, что для тюленя было одним движением, оказалось не по силам окоченевшему в ледяной воде человеку. Несколько раз он почти выбирался на лед и всякий раз снова срывался. Наконец Степан напряг все свои силы в битве за жизнь и выиграл ее.

Теперь он лежал на льду, но сил подняться не было. Мороз беспощадно превращал одежду в твердые, как железо, ледяные латы. Смерть снова угрожала ему. Степан зашевелился, поднялся на четвереньки. Потом выпрямился и, пошатываясь, пошел. Неуверенно, словно учась ходить, сделал он первые шаги. Его шатало, как пьяного. Он ничего не думал, вернее все его существо, мускулы, нервы — все собралось в едином усилии: двигаться!.. двигаться вперед!

«Не упади — погибнешь», — твердил себе Степан.

Он не чувствовал мороза, не слышал и не видел ничего, кроме тоненькой струйки дыма, едва заметной в опаловом вечернем небе. Вот он пошел быстрее, напоминая большую заводную игрушку, которую пружина рывками толкает вперед.

Наверное, Степан прошел так полпути, с трудом передвигая ноги. Но вот и колени одеревенели, ноги стали подламываться. Со стороны было бы странно смотреть на человека, который приседал на каждом шагу. Шаги его все замедлялись, делались неувереннее.

«Не упади — погибнешь», — твердил себе Степан.

Еще два шага, сделанные по инерции, и Степан рухнул в снег. Он попытался встать, но не удалось. Степан пополз. Он весь окоченел. Но мысль еще работала и глаза видели. Воля к жизни заставляла его двигаться вперед.

Если бы не дымок, курившийся впереди, не дойти бы Степану. Но Степан полз: медленно, тяжело, упорно.

И вот лед — самое трудное — позади. Впереди совсем близко, шагах в двадцати, темнела изба. Но одолеть эти двадцать шагов Степан уже не мог. Он свалился на белое холодное покрывало груммантской земли.

Казалось, все, что мог сделать человек, было уже сделано. Ледяное безмолвие накрыло, окутало его непроницаемой тьмой... Но нет, не все... Человек способен на невозможное!

Сколько пролежал Степан без сознания — неизвестно. Может быть час, может быть одну минуту. Он очнулся внезапно. Ему почудилось, будто в самое ухо знакомый голос явственно произнес одно слово: — Смерть!..

Словно горячая волна пробежала по всему его существу. Оглушительно застучала в висках кровь. Вдруг прояснившимся взором Степан вновь увидел избу: вот она, жизнь, рядом...

Покуда бьется сердце, надежда не умирает. Крепко заложено это чувство в каждом человеке. Велика сила жизни у русских людей. Еще раз все, что осталось живого в Степане, толкнуло его вперед. Он то полз, то перекатывался с боку на бок, то снова полз.

Давно, со все возрастающим чувством тревоги зимовщики ждали Степана. Алексей все чаще выходил наружу в надежде увидеть охотника. К вечеру мороз еще усилился, деревянная изба то и дело потрескивала, будто мороз хотел раздавить ее в своих холодных объятиях. Тоскливо и тихо в избе, на догоравшей печке что-то нашептывал давно вскипевшей котелок.

— Пойду, — не выдержал Химков.

— Я с тобой, Алексей, — пошатываясь, поднялся с лежанки Федор. — Сердце сказывает, беда с ним приключилась. — Федор говорил медленно, затрудненно.

Алексей взял его за плечи и, уложив снова, стал торопливо натягивать пимы.

В эту минуту Ваня вздрогнул: ему показалось, что у двери кто-то тихонько скребется. Медвежонок поднял уши, вытянул шею. Ваня прислушался. Нет, ничего не слышно...

Но вот опять послышался легкий шум.

Алексей с топором в руках осторожно стал открывать обмерзшую дверь. Вдруг он отпрянул назад и задвинул засов.

— Отец, в сенях кто-то живой!

— Ошкуй! Достань, Ваня, пику, огонь запали. Возьми сухую лучину...

У дверей опять кто-то заворочался. Теперь все явственно услышали три слабых удара, раз за разом, у Алексея мелькнула догадка:

— А может, и не медведь это! Ну-ка, давай огня.

Дверь снова открыли. Яркий свет факела осветил сени. У самого порога лежало что-то большое, бесформенное, белое.

Не то стоны, не то всхлипывания слышались из груды смерзшейся одежды и льда. Груда вдруг зашевелилась, пытаясь приподняться, громохая, свалилась и снова замерла. Алексей рванулся было вперед, но остановился, стараясь понять, что же случилось.

Федор, страшный, с посиневшим лицом и растрепавшейся бородой, торопясь, спотыкаясь, едва передвигая распухшие ноги, шел к сеням.

— Да Степан же это! — ни к кому не обращаясь, строго и неожиданно громко сказал он.

Подойдя к большой, беспомощной, но живой глыбе льда, Федор нагнулся, и столько нежности послышалось в его ласковых словах:

— Степушка, родной, сейчас поможем тебе... хорошо будет. Слышишь меня, Степанушка?

Он схватил могучими когда-то руками бесформенное тело, силясь поднять, но пошатнулся и упал.

Ваня заплакал. Тут Алексей, опомнившись, бросился к Федору, помогая ему подняться. Виновато смотрели добрые глаза больного богатыря на друзей. «Простите, слаб стал», — говорил его взгляд.

Степана внесли в избу. Медвежонок зарычал и, взъероша шерсть, попятился. Вид Степана был страшен. Сплошной кусок льда покрывал лицо и бороду, спускаясь сосульками на грудь. Шапка смерзлась с малицей и волнистыми волосами. Вместо ног уродливые ледяные бревна. Руки, судорожно вздрагивая, скрюченными, застывшими пальцами стучали о пол.

Наверное, первый раз в жизни Алексей растерялся. Он не знал, за что взяться, что делать, и с ужасом глядел на Степана.

— Ножом режь, срезай все догола! Скорей, не опоздать бы... не опоздать бы, — чуть слышно говорил Федор.

Точными и быстрыми движениями, словно снимая шкуру со зверя, поморы срезали со Степана окаменевшую одежду. Долго возились они, перебрасываясь короткими, отрывистыми фразами...

Наконец Степан, совсем раздетый, лежит в постели. Он слабо стонет, голос у него чужой, незнакомый. Алексей и Ваня трут ему изо всех сил ноги, руки, лицо. Постепенно на бело-омертвевшей коже проступают живые краски — кровь начинает приливать к оттаявшим членам. Лишь пальцы левой ноги да два пальца на руке по-прежнему оставались белыми и твердыми. Обмороженное, сейчас опухшее, багрово-красное тело болело все сильнее и сильнее. Степан пришел в сознание, у него жалко дрогнули губы.

— Ну-к что ж, спасибо, братцы, за жизнь, — прошептал он заплетающимся языком, — ежели... ежели... — и он поднял руки, шевеля пальцами. Посмотреть на ноги у него не хватало сил: он опять впал в забытие.

— Будет жить Степан, — торжественно произнес Федор. На следующий день Степан рассказал, как случилось несчастье.

— Спасибо, дверь открыта была, — закончил он. — В сени сумел пролезть. А не то крышка мне, с души бы снялся.

— Степан, а стучал ты как, в дверь-то?..

— Головой, Ванюха.

Ваня посмотрел на курчавую, как прежде, но побелевшую, точно снег, голову Шарапова, и ничего не сказал.

Степан выздоравливал медленно. Солнце поднималось все выше, светило ярче и ярче, прогоняя морозы, так долго терзавшие зимовщиков.

Весна... В неподвижном воздухе мягко падает мокрый снег. Повеселевший Алексей вместе с Ваней по утрам выходит на осмотр капканов и почти всегда возвращается с добычей. Свежее мясо и чистый воздух вылечили Алексея.

Однажды, румяный и бодрый после прогулки, Ваня подсел к Степану. Охотник все еще как будто не верил, что остался жив. Он часто задумывался, сосредоточенно уставившись в одну точку.

— Упорна жизнь, Ванюха... Что здесь? Лед, да снег, да камень голый. А живое плодит. Нет, видно, предела живучести земной. — Степан помолчал и, вздохнув, добавил: — Однако тяжело на грумантской земле.

— А зачем, Степан, ты сам-то на дальний промысел покрутился? Знал ведь и прежде, каково здесь...

Степан ответил не сразу:

— Интерес потому большой имел, Ванюха. Посмотреть захотелось на Русь полуночную. И во

снах мне Грумант-то чудился. Старики как зачнут разговор про досельные времена, так остров-то этот всегда помянут. Не корысти ради пошел. Душа у меня такая — незnamое знать тянет. — Степан оживился, в глазах блеснули лукавые огоньки.

— Хочешь послушать, отчего норвегам на Грумант ходу нет?

Ваня только поудобнее уселся у ног Степана.

— Жил в новгородские времена в городе Коле соборный поп Варлам, — начал Степан. — Знаешь Колу, Ванюха? Та самая, про которую пословка сложена: «В Коле с одной стороны море, с другой горе, с третьей мох, с четвертой ох». Ну-к что ж, слушай дальше. Крепко любил Варлам свою попадью. А она, вишь, к другому подалась: к гостю варяжскому Фарлафону. Каждый год приходил Фарлафон на своем корабле в Колу повидать попадью. Но не все коту масленица, узнал про это Варлам, не стерпел и пришел однажды на варяжский корабль, где веселилась попадья. Варяги было отдали причалы, хотели в море уйти, но Варлам ухватился за якорь, остановил корабль, перебил всю дружину, убил и жену свою и Фарлафона. Побросав убитых варягов в воду, обрядил Варлам тело любимой жены своей и положил ее посредине корабля. Отворил он тут паруса, взял в руки правило и пошел в море. И ходит тот корабль по морю-океану и меж льды и денно и ночью. Русским мореходам от Варлама — корабельщика — помочь: не дает в обиду ни бурному морю, ни лихим людям. А варягам мутит погоду, туман на ихние корабли насылает. Так-то, Ванюха, — закончил Степан ухмыляясь. — Поп Варлам, и тот не хочет, чтоб Грумант в варяжские руки дался.

Степан устало откинулся на меховое изгольбье. Стало тихо...

Время двигалось от весны к лету. Опять начали таять снега. Опять зашумели воды. Опять на влажной земле показались яркие цветы...

Жмурясь от ласкового солнца, Степан с посошком ковылял возле избы, наслаждаясь теплом и жизнью. Он немного хромал: на ноге не хватало пальцев, их отрезал, Алексей боясь огневицы. А на левой руке вместо пальцев костяшки, обтянутые кожей. Но это пустяки, главное — жив. «Ну-к что ж, с голоду не пропаду, — думал Степан, глубоко вдыхая запахи пробудившейся земли. — Таким-то меня в любую артель возьмут... Проживу, русский человек всяко жить умеет».

Глава двадцать пятая

ОСТРОВ ТУМАНОВ

В июле Ване исполнилось четырнадцать лет. Два года, проведенные на острове, многому научили его. Ваня вырос, возмужал.

Стреляя из лука, он на пятьдесят сажений без промаха попадал в песца или крупную птицу, а олень и на сто сажений был верной его добычей. На озерах редко какой линный гусь мог уйти, от быстрого мальчика. Бесстрашно лазая по высоким скалам птичьих базаров, он быстро набирал полные мешки яиц. Мастерски управлялся Ваня с парусом и с веслами, никогда не упуская случая «побегать» по заливу на своей «Чайке». Отец после похода на Моржовый остров стал разрешать мальчику кататься на лодке одному.

Вот и сегодня мальчик подозвал медвежонка, спихнул осиновку на воду, и «Чайка», немного накренившись под легким северным ветром, полетела по заливу, задорно надув свой парусок.

Сделав несколько поворотов под разными галсами, Ваня направил лодку на юг, к большому падуну, видневшемуся у Летнего мыса. Закрепив шкоты, мальчик развалился на корме, погрузившись в мечты.

Уже несколько часов скользит «Чайка» по морской глади. И падун совсем близко, а Ване нет охоты поворачивать назад.

Неожиданно ветер круто сменился юго-западным. Заполоскавший парус вернул мальчика к действительности.

«Шелоник завязался, — оглянувшись, подумал Ваня. — Это лучше — попутняком будет. Вишь, куда я забрался! И не заметил, как в голымя[48], „Чайка“ вынесла».

Он быстро повернул лодку на обратный курс, домой.

Но шелоник принес с собой густой туман.

На большом судне, с компасом и то нелегко проложить путь-дорогу морскую в тумане. А на утлой лодочке, в незнакомом месте да без компаса совсем плохо дело. Можно сутками кружиться на одном месте, можно попасть совсем в другую сторону.

У Вани не было компаса.

Мальчик шел по ветру. Если, на счастье, не переменится ветер, он на верном пути. Ветер не переменится, — он стих вовсе.

Жалко обвис мокрый парус «Чайки». Ваня взялся было за весла, потом оставил. Грести некуда: сейчас все направления одинаковы и все могут быть неверными. Задумался мальчик, вспомнил отцовы слова:

— У Летнего мыса воды быстрые... Берегись, чтобы не унесла в голымя. — И маточку Ваня вспомнил. Недаром поморы говорят: «В море стрелка не безделка», «Лодья ходит, матка водит». С маточкой-то он нашел бы дорогу.

Стал припоминать, когда воды встречаются, отлив приливом сменяют.

«Если прилив начнется, понесет меня к берегу, домой ближе, а если отлив...» Об этом и думать было страшно.

Но что делать? Сиди и смотри, как клубятся седые клочья над свинцово-черным морем. Крикнул Ваня... Глухо прозвучал его голос, запутался в белесой пучине. Не по себе ему стало, одиноким почувствовал себя мальчик.

Одежда Вани намокла, струйки воды текли за воротник, заставляя вздрагивать от холода. То ли дело медвежонку! На мишкиной шкуре тоже крупными жемчужинами оседала влага, но что ему! Показал бы мишка, куда и путь нужно держать, нюх у него хороший, да не понимает, дурачок, почему закручинился его хозяин...

Стоит ли на месте осиновка, несет ли ее куда — не поймешь. Туман все непрогляднее. Несколько раз у самой лодки высывались из воды усатые головы и тотчас скрывались. Медведь стал беспокойно ворочаться: зверь морской его дразнит или лежать надоело?

Вдруг Ваня почувствовал, что «Чайку» стало покачивать на волне, и что дальше, то больше.

Понял мальчик, что лодку отливным течением упорно несло в открытое море. Хотел он снова закричать, да вспомнил, что бестолку: все равно никто не услышит! Часто-часто забилося сердце...

Колышет и колышет, поднимает и опускает лодку на морской зыби... Но вот опять насторожился медведь, подрагивая ноздрями. Прислушался и Ваня. Показалось, будто прибой где шумит. Нет, не прибой. То звери ревут. «Моржи!» — сообразил Ваня.

Раз рев и пыхтенье моржовое слышны, значит земля близко. Не очень-то приятна встреча с моржами, но другого выхода не было: течение еще страшнее. Ваня решил держать к берегу. Тихо двигая веслами, он направил лодку на голоса зверей.

На поморских лодках уключины устроены так, что к залежке можно приблизиться почти бесшумно. Для этого к борту прикрепляется планка с вертикальным отверстием для кочета — не большого клинышка; кочет, кроме того, соединяется с планкой гужом, кожаным ремешком. Когда кочет на месте, весло как бы опоясано ремешком. При обычной гребле весло опирается на кочет. Когда нужно соблюдать тишину, гребут от себя, и весло ложится на гуж. Все это Ваня знал.

Вот уже сквозь тьяканье и рык послышался шорох набегающей на гальку волны. Еще несколько взмахов веслами, и из тумана показалась расплывчатая темная полоса с белой лентой прибоа.

Чтобы не привлечь внимания моржей, Ваня соблюдал крайнюю осторожность, двигая лодку только с накатом волны. Вытащив «Чайку» на песок, он прислушался. Звери ревели где-то справа.

Только теперь, когда главная опасность миновала и под ногами была земля, Ваня почувствовал, как он голоден. Но ничего съестного на этот раз он не захватил, так как не собирался далеко. И который раз за сегодняшний день вспомнился ему отец, часто повторявший: «Идешь в море на день, бери хлеба на неделю».

Ваня только вздохнул, отряхнул одежду и пожаловался медвежонку:

— Ну, мишенька, попали мы с тобой в переделку!

Боясь заблудиться в тумане на неизвестном берегу, а еще больше опасаясь встречи с моржами или ошкуем, мальчик решил пока остаться в лодке. «Накрою „Чайку“ парусом — и дом с крышей будет, а развиднеет когда, что ни есть на обед раздобуду».

Ваня быстро поставил в лодку шелемки — три пары связанных по верхним концам палок, перекинул через шелемки с носа на корму ремень и накрыл все это парусом. Получился шалаш.

Такой шалаш поморы часто делают на промысле. Только вместо паруса натягивают специальный чехол — буйно. Кроме того, зверобои берут с собой большое овчинное одеяло. Вытащив лодку на лед и устроив шалаш, промышленники кладут на лед железный лист или насыпают на толстую доску песок и разжигают огонь. Для варки пищи на лодке всегда есть тренога — варило, котелок и дрова.

На «Чайке», кроме шелемок и паруса, ничего не было. Мальчик и медведь улеглись в шалаше голодные, мокрые.

Пригрелся Ваня у теплой мишкиной шкуры, забыл все тревоги в сладком сне. Отошли прочь думы-смутницы. И приснилась ему родная Мезень... Весна на дворе. Еще снег не весь стаял, а Ваня уже месит весеннюю грязь босыми ногами. Зазябнут ноги — на бугорок скорее. Отойдут чуть-чуть на пригретой солнышком земле ооченевшие пальцы, и поскакал дальше... Жарче солнышко, снега уж не видно нигде. С табунком таких же, как и он, белобрысых мальчишек, с берестяным кузовком за плечами, бежит Ванюха на болото за морошкой. Бегут ребята по зеленому крутому берегу, и по всей деревне колокольчиками звенят их озорные

голоса. Бегут мальчишки мимо высоких-высоких крестов, стоящих на берегу, рядом с крестами, почерневшими от старости, покрытыми лишаем, стоит совсем новый, еще пахнущий смолой Новый-то крест Егор Кузнецов в прошлом году ставил, после седьмой зимовки на Матке. А старый неподалеку его прадедом Химковъш Василием Тимофеевичем поставлен. А вот совсем уж древний крест: покосился, замшел весь, на подпорках только и держится. Отец говорил, поставил его кормщик, который первым из мезенцев на Грумант ходил. В Большой слободе тогда домов с десятков, не боле, было... Вот и деревне конец — изба бабки Мочалихи, что на самом краю, у оврага живет; стоит ветхая старушка у крыльца, прикрылась ладонью от солнца, смотрит на ребятишек... За околицей — рощица, а тут уж и болото близко. Стала морошка попадаться. Но здесь еще мало ее. Мальчишки знают места, где ягод росло столько, будто их насыпали на лужайку. И морошка знатная: крупная, что орех грецкий... С полным кузовком золотисто-красных ягод возвращается Ваня домой. В сенях пахнуло вянущим березовым листом. Зелено над головой. Это мать сушит березовые веники, зимой хвощиться в бане. Мать всегда за работой. Вот и сейчас сидит она в горнице у стола: шьет, согнулась над детской рубашонкой. Да еще люльку покачивает. Поскрипывает старая люлька, баюкавшая еще Ваню. В люльке безмятежно спит, причмокивая во сне, младший Ванин братишка — Федя... С гордостью ставит мальчик на стол тяжелый кузовок. Мать поднимает на Ваню усталые, добрые глаза, гладит сына-помощника по упрямым вихрам. Набегался Ваня по лесу, есть хочется. Надо бы спросить ячменный колобок или шанежку с рыбой, да как-то слова не идут с языка: так бывает во сне. А материнская ласковая рука все гладит вихрастую Ванину головку...

На этом и проснулся мальчик. Проснулся потому, что лицо его усердно лизал своим большим розовым языком медвежонок. Ему тоже есть хотелось, вот и решил он потревожить друга.

Хлопнул сердито Ваня ладонью по мишкиной морде и совсем очнулся, все вспомнил. Беспокойно заняло сердце. «Как дальше быть? Что делать? Суждено ли еще мать, отца увидеть?» Но гонит мальчик-помор тоску-печаль: «Коли в мореходы пошел — нечего по земле тужить. Это еще что, хуже бывает», — старается он подбодрить себя.

Глянул Ваня из-под паруса, — туман. Но сидеть и ждать тоже стало невтерпеж: ведь вторые сутки без пищи.

«Пойду по берегу, может чайку подшибу али песца встречу». Потрогав нож на поясе, мальчик взял багор, вылез из — лодки и решительно зашагал в противоположную моржовой залежке сторону.

Туман все еще не редет, но ветер усилился. Океан с шумом катил на берег ряды высоких волн. Пена белым кружевом расплзлась на плотном песке, обмытом и укатанном приливами.

По самой кромке прибоя кучами лежали морские водоросли, распространявшие гнилостный запах. Местами на желтом мокром песке отчетливо вырисовывались следы птичьих лапок. Вот маленький куличок выпорхнул прямо из-под ног и скрылся в тумане.

Сжимая в руке острый камень, Ваня осторожно шел дальше. Вот опять куличок — морской песочник. Птичка деловито расхаживает по берегу, заглядывая под каждый камешек и роясь в кучах водорослей. Волны не мешали ей: куличок всегда успевал отпрыгнуть в сторону от пенящегося потока или взлететь над прибоем.

Выпив дюжину гагачьих яиц, Ваня повеселел.

Улучив момент, Ваня метко швырнул камнем и подбил птицу.

Волоча крыло, куличок пытался скрыться, но мальчик не собирался упускать его.

Однако птичка была совсем маленькой, надо добыть что-нибудь посуше, и Ваня бредет дальше, пристально вглядываясь и прислушиваясь.

Внезапно дорогу преградили возникшие из тумана черные груды камней, покрытых мхом и лишайником. Мальчик обрадовался: в таких камнях любят гнездиться гаги, крупные нырковые утки. И впрямь, его зоркий глаз вскоре заметил торчавшую из расщелины голову птицы. Утка даже не шелохнулась, когда Ваня приблизился к гнезду. Свернув гаге шею, мальчик наскоро выпил яйца, оказавшиеся совсем свежими, и продолжал поиски.

Через какой-нибудь час у пояса охотника висел десяток жирных птиц: гаги, видимо, только что начали высиживать птенцов. Эти птицы — завидная цель охоты: они дают нежное мясо, вкусные яйца и тонкий шелковистый пух.

Выпив дюжину гагачьих яиц, Ваня повеселел. Его положение теперь не представлялось уже таким мрачным. Вот бы еще просушить одежду, погреться у костра...

Мальчик повернул к лодке, но не успел сделать и шагу, как заметил три темных пятнышка, как бы висевших в тумане. Пятна шевелились. Присмотревшись, он остолбенел: перед ним совсем — совсем близко стоял огромный белый медведь. В молочной пелене тумана он был почти незаметен, только кончик носа да глаза удивительно резко выделялись черными точками.

Опасность была велика, но годы, проведенные на острове, приучили Ваню ко всяким неожиданностям и опасностям, воспитали в нем решительность и выдержку.

«Убегать нельзя, все равно настигнет ошкуй. Не буду трогать, может и он не заденет. А нападет — всажу багор в брюхо, как Федор», — решил мальчик.

Зверь и человек так и стояли друг против друга, не двигаясь с места. Крепко сжав багор, напрягшись всем телом для схватки за жизнь, Ваня смело смотрел на медведя.

Не выдержал человеческого взгляда ошкуй: отвернул морду, отступил. Вот он остановился, еще раз оглянувшись на мальчика и, раскачиваясь тяжелым телом, быстро растаял в тумане.

Только тут Ваня почувствовал, как у него заныли кисти рук и странно ослабли колени.

Добравшись к «Чайке», Ваня не нашел там своего мишки. «Куда бы он мог деваться?» — забеспокоился мальчик. Однако идти в такую погоду на поиски было бессмысленно, и он устало сел на борт осиночки, свесив ноги. Свой промысел Ваня поделил: две утки оставил себе, остальные — своему другу.

Так прошло с полчаса. Вдруг мальчик услышал какой-то шорох и схватился за положенный было в лодку багор. Но тревога оказалась напрасной. Из тумана показался медвежонок. Он волочил по песку тушу молодого моржа, изрядно объединную.

Как досталась мишке первая победа над зазевавшимся зверем, осталось тайной, однако ран у него не было. Часть моржа проголодавшийся медвежонок, видимо, уничтожил прямо на месте охоты, наевшись так, что еле двигался; однако он не бросил добычу, — позаботился о Ване.

Сытые, довольные тем, что нашли друг друга, мальчик и медвежонок снова мирно задремали под защитой паруса.

Проснулся Ваня от сильных порывов ветра, сотрясавших «Чайку». Он выглянул из шалаша и радостно вскрикнул: тумана как не бывало. На море шли крутые волны.

Взобравшись на ближайший утес, мальчик попытался разобраться, где же он находится и в

каком направлении становище.

С высоты нескольких десятков саженей он увидел, что его вынесло на совсем небольшой островок. Ближайшая часть острова была каменистой, поодаль тянулась низкая мшистая равнина. По равнине степенно двигалось сразу несколько медвежьих семейств.

— Да как их много! — Ваня насчитал девять взрослых медведей и трех медвежат. — Хорошо, я на медведицу с пестунами не наткнулся!

Обводя глазами соседние острова и горизонт, мальчик вдруг заметил вдали дым.

«Отец, товарищи на Крестовом мысе огонь зажгли, дорогу мне указывают!»

Мальчику хотелось в ту же минуту сесть в лодку, но море так расходилось, что плыть на скорлупке-осиновке было страшновато.

Ваня стоял на утесе в нерешительности. Может быть, он и переждал бы непогоду, но в это время на горизонте, со стороны моря, показалась белая, чуть приметная полоска. Это был лед.

Колебаться было нельзя. Ваня понимал, что значит, если льды преградят дорогу. Тогда мало надежды добраться домой.

Мальчик усадил медвежонка в лодку и, выждав волну послабее, столкнул «Чайку» на воду. Но впереди набухает новая большая волна, она угрожает выбросить лодку обратно на берег. По колесо, потом по грудь в холодной воде, Ваня изо всех сил удерживает «Чайку». Зашипев пенящимся гребнем, волна накрыла мальчика с головой и прошла мимо. Ваня вскакивает в лодку и успевает сделать несколько взмахов веслами. От берега оторвался благополучно...

Хлопнул парус, и «Чайка» вихрем понеслась, черпая бортом пену. Ваня лял зубами от холода, но уже не боялся за свою осиновку: она прекрасно держалась на волне. Мореходность суденышка заметно улучшал медведь: расположившись на самом днище, он служил отличным балластом.

Все шло как нельзя лучше. «Чайка» смело резала грозные волны, с каждой минутой, с каждым часом приближая путешественников к дому.

За Летним мысом определяться стало гораздо легче: направление — на хорошо видный теперь черный дым зимовья. Казалось, до него совсем близко.

Ваня уже представлял себе сытный ужин и хороший отдых у жаркой печи, но тут случилось другое. Когда «Чайка» проходила мимо большого айсберга, сидящего на мели, мишка, привлеченный шумом прибоя, внезапно бросился к борту, и лодка перевернулась.

Пустой бочонок, шелемки, весла — все всплыло возле «Чайки», торчавшей из воды вверх килем. То скрывалась, то вновь показывалась над волнами голова мальчика. Тут же в воде метался виновник кораблекрушения — медвежонок.

Ваня перебросил ремень через киль и уперся ногами в борт, стараясь перевернуть лодку.

Испугайся, растеряйся Ваня — и конец бы. Недолго может продержаться в студеной воде человек. Но мальчик в эту минуту даже не думал о себе. «Лодка! Как спасти лодку!»

Ухватившись за крен? Ваня нырял по волнам вместе с осиновкой.

«Что делать!.. Падун! Скорее за падун, за ним, как за островом, поди, тихо совсем», — пронеслось в голове при взгляде на айсберг.

Только бы за торос спрятаться, только бы добраться туда... Ваня, держась за лодку, пытался грести одной рукой. Но слишком слабы были его силы, чтобы тащить опрокинутую «Чайку» по вздыбленному морю.

«Вот кабы мишка помог...»

— Мишенька! Миша! — закричал мальчик.

Медвежонок, высоко подняв морду, подплыл к Ване. Белый медведь — прирожденный пловец полярных вод. Ему не страшны волны и холодная вода. Многие версты могут проплывать белые медведи в полыньях и в открытом море.

Поймав медвежонка за шерсть, Ваня стал подталкивать его к падуну приговаривая:

— Плыви, мишенька, выручай! Медведь как будто понял, чего от него хотят. Загребая сильными лапами, он быстро поплыл к ледяной горе. Как всякий зверь, он охотно направлялся туда, где была твердь.

Мишка оказался прекрасным буксировщиком. Ему нипочем был такой груз. Да и недалеко было. Через четыре-пять минут медведь подтянул Ваню и лодку к подветренной стороне айсберга. Здесь действительно было гораздо тише.

Мальчик совсем окоченел, выбивая зубами дробь. Еще немного, и он не сможет двинуть ни рукой, ни ногой. И мальчик торопился. Прежде всего он отрезал ремень, привязанный к носу лодки, и, поглубже вдохнув, нырнул под осиновку. К счастью, у самого днища осталось немного воздуха, и Ваня сумел, не возвращаясь на поверхность, освободить из гнезда мачту, отвязать ванты и закрепить ремень за распорку, как раз посередине лодки.

Вынырнув, мальчик перебросил ремень через киль и уперся ногами в борт, стараясь перевернуть лодку. Понатужившись, он сумел сделать и это.

Правда, «Чайка» была до краев полна воды, но вылить воду — это уж полдела. Прихватив всплывшую мачту с парусом, Ваня подгрел к подошве падуна, выступающей далеко под водой, и затащил лодку на лед. Через полчаса осиновка была на плаву. За работой Ваня так согрелся, что от одежды пошел пар.

Быстро поставлена мачта, укреплен парус. Потеряны весла, но осталось правило, и вот снова несется «Чайка», взлетая на волнах и круто кренясь под ветром. Следя за курсом, мальчик в то же время оглядывался то на лед, наступавший с моря, то на медвежонка.

Лед был еще далеко, медведь лежал смирно.

Уже различимы очертания отдельных приметных мест вблизи становища. «Десять верст осталось, на час ходу».

Возвышаясь над темной громадой мыса, показался крест. Скоро острые глаза мальчика рассмотрели и людей на берегу.

«Встречать вышли. И Федор...»

«Чайка» скрипит кренями по песку, ее враз выволакивают из воды. Ваня соскочил на землю, за ним медвежонок.

Мальчик ждал наказания и виновато отводил глаза в сторону, не замечая, что на лицах поморов можно было прочесть все что угодно, только не упреки.

— Что с тобой, Вашоха? На тебе лица нет, — негромко сказал отец.

Ване действительно было плохо. Выйдя из лодки, он едва удержался, чтобы не упасть. Силы оставили его, ему было то жарко, то холодно... Как добрался до избы, как разделся и лег — мальчик уже не помнил. Его била жестокая лихорадка.

— Знобея. Вишь, горячий весь, — Федор осторожно трогал Ванин лоб. — Сейчас бы отваром из кукольников его напоить, да где взять?

— Эх, зачем так далеко на лодке ушел! — сокрушался Шарапов.

— Молод еще он, Степан, с годами мудрость-то идет, — возразил Алексей.

Десять суток мальчик бредил, не приходя в сознание. Но крепкий организм и заботливый уход друзей победили. Настал день, когда он рассказал все, что с ним случилось.

Молча, не прерывая, слушали Ваню поморы. А как кончил, отец ласково посмотрел на него и сказал:

— Ты не бойся, Ванюха, бери «Чайку» всегда, как захочешь. В такие руки, как твои, можно лодку отдать. Только сам бережись... А остров тот островом Туманов назовем. Ладно, что ль?

В этот момент мальчик был счастлив, как никогда. Скупая похвала отца наполнила его сердце гордостью. Уж если похвалил помор, отважный на деле и скромный на словах, значит есть за что.

Понял Ваня, что с этого дня он стал равноправным в маленькой артели грумаланов.

Глава двадцать шестая

СМЕРТЬ ФЕДОРА

Еще одна зима прошумела метелями над занесенным снегом становищем грумаланов и снова пришли светлые, солнечные дни.

Для больного Федора апрельское солнце и чистый воздух были особенно необходимы. Почти всю зиму он в полузабытьи пролежал в темной, душной избе.

После долгих колебаний Алексей решил прибегнуть еще к одному народному средству прервать полусонное состояние цинготного больного, заставить его встряхнуться.

Однажды в теплый, безветренный день поморы вывели Федора из избы, не обращая внимания на его сопротивление и жалобные просьбы оставить в покое.

— Братаны... ведь во сне легче мне... Куда вы меня тащите?!..

— Дядя Федор, крестный, на воздухе скорее хворь пройдет, — уговаривал его Ваня. — Хорошо на воле, сам потом не уйдешь.

Алексей и Шарапов отвели бессильные руки больного назад и вставили под них жердь. Привязав руки, они взялись за концы жерди и быстро пошли вперед. Федор сначала просто волочился по снегу, не в силах двинуть опухшими ногами.

— Братцы! — кричал он. — Отпустите, не мучьте. Лучше убейте!

Но поморы словно не слышали его воплей.

Убедившись, что слова бесполезны, Федор, стоная и охая, стал понемногу перебирать ногами, стараясь поспевать за товарищами. Такую же «прогулку» ему устроили и на следующий день. На третий он сам пожелал «погулять».

Волей-неволей принужденный двигаться, наглотавшись чистого воздуха, больной стал чуть-чуть бодрее. Тогда Алексей применил еще более сильное старинное средство.

Выйдя на очередную прогулку, поморы подвели Федора к невысокому утесу с отвесным обрывом и неожиданно столкнули вниз, в сугроб, Федор барахтался, барахтался в глубоком снегу и с большими усилиями выбрался на розное место.

— Что за потеха с хворым? Грех на душу берете... Ведь так загубить человека можно... Не ожидал я от вас, — возмущался, отряхиваясь и отплевываясь, Федор.

На его всклокоченных волосах, в ушах, на ресницах, во рту — везде был снег. Химков и Степан прятали в усах улыбку, а Ваня весело кричал сверху:

— Не сердись, крестный, ведь для твоей пользы все!

Грумаланы, как могли, старались вернуть товарища к жизни. Поморские способы лечения, несомненно, дали необходимую встряску совсем поникшему телом и духом Федору. Чистый воздух, солнце тоже сделали свое дело, и состояние больного как будто улучшилось.

— Стало полегче маленько, — говорил он.

Федор стал меньше спать днем, интересовался всем, что делалось вокруг него.

...Короткое лето прошло в охоте за оленями и за озерной птицей. Два раза Шарапов с Ваней ходили за яйцами на птичий базар. И все зорко наблюдали за морем. Но не было лодьи...

Наступила и ушла еще зима. Промелькнули весна и лето.

Море было пустынно.

Казалось, никогда не дожждаться мореходам выручки.

Вновь над одинокой избой завывала и загудела метель...

Так прошло пять зим. Сколько всяких напастей выдержала за эти годы отважная четверка, сколько тяжелых дум было передумано за долгие полярные ночи... Кто сочтет, кто расскажет?..

Грозна и жестока Арктика к людям, но поморская воля и дружба сильнее стихии; ни пурге, ни морозам, ни цинге не сломить ее!

Лишь обросли грумаланы да почернели от копоти. Но бились в них храбрые, добрые сердца товарищей. В борьбе за жизнь среди дикой, первобытной природы они стали еще тверже и выносливее — в ходьбе и беге, в охоте.

Особенно преобразился Ваня. Из белобрысого мальчугана-зуйка на «Ростиславе» он превратился в рослого восемнадцатилетнего парня с русой, курчавой бородкой.

Песец, олень, морж, нерпа, любая птица — никто не уйдет теперь от его стрелы и копья. «Сам на сам» выходил Иван Химков с рогатиной или топором на медведя, и берегись ошкуй, если станет на его дороге!

Старшие товарищи, отец во всем служили ему примером. Алексей Химков и на зимовке был не только руководителем, старшиной с непререкаемым авторитетом. Иван видел, что отец, как бы тяжело ему не приходилось, не прекращал наблюдений за природой Груманта, за ветрами и льдом, приливами и отливами. Он исследовал берега островов и наносил их на карту, разведывал места, богатые промысловым зверем, изучал горные породы, подробно описывал растительность. С методами и результатами своей работы он знакомил остальных зимовщиков, разъяснял им непонятное.

Любознательный от природы, Иван тоже многое перенял от отца — морехода-исследователя. Не пропали даром и вечера, проведенные над Леонтием Магницким. Даровитый юноша, сын своего народа, год от году развивал свои многообещающие задатки.

Испытанные поморские средства помогли троим зимовщикам осилить страшную болезнь — цингу. Но она решила доконать четвертого, когда-то самого могучего из них — богатыря Веригина.

Пятый год болен Федор. Сейчас весна, май, но он уже не мог сделать без посторонней помощи ни одного движения и лежал пластом в полном безразличии. Зубов у него не осталось, рот и губы кровоточили, тело как-то разрыхлилось, на коже выступили открытые язвы.

Но этот получеловек-полутруп был дорог товарищам. Больше всего около него находился Иван.

— Ты бы поел, дядя Федор, ведь нельзя так: два дня, кроме воды, ничего в рот не брал...

— Душа не при...нимает... ничего, Ванюха... — прерывисто, задыхаясь, шептал Федор.

— Да ведь есть-то надо! — настаивал Иван. Однажды, после бесплодных уговоров попробовать кусочек спасительного свежего мяса, Степан спросил его:

— Как же ты, когда на промысле тебя на льдине унесло, без хлеба целый месяц прожил?

— Не ел я и в тот раз мяса, братаны, — еле слышно ответил Федор. — Вымя утельги резал... Молоко пил. Бутылку, а то и более из вымени высасывал. Жирное, густое молоко, коровьему не в пример. Тем и жил... Крепко задумались поморы, особенно молодой Химков. Он решил во что бы то ни стало добыть зверя живым, скажем матку — олениху.

Не откладывая, Иван взял лук и отправился к ближайшему оленьему пастбищу. Вот подошло небольшое стадо из четырех маток с телятами и двух самцов. Пока взрослые животные пили, опустив морды к воде, телята, перебирая тонкими ножками, приткнулись к материнским сосцам.

«Добуду молоко! Надо только изловчиться, так матку подстрелить, чтобы жива осталась и убежать не могла», — думал про себя Иван.

Сегодня был удачливый день... Запела меткая стрела — и одна из маток упала грудью в ручей. Острый железный наконечник вонзился как раз в коленный сустав передней ноги животного. Олениха билась, пытаясь подняться, и тут же валилась на бок.

Иван с силой бросил в ручей большой камень. Громкий всплеск напугал стадо, олени встрепенулись и быстро умчались прочь, замелькав по тундре темными точками.

Раненая матка тоже сделала несколько прыжков на трех ногах, но стрела в колене мешала ей. Около оленихи остановился и ее теленок.

Иван сбежал со скалы и поймал теленка. Связав олененку ножки ремненным поясом и взяв его

на руки, юноша сделал вид, что уходит. Матка, несмотря на боль, дернулась вслед.

То замедляя, то ускоряя шаг, Иван шел к зимовью. Поодаль ковыляла олениха, держа навесу раненую ногу и вытягивая тонкую морду к детенышу.

— Степан, ну-ка, сюда, скорее, — крикнул Иван, приблизившись к избе.

Когда удивленный Степан привязал олениху к сараю, Иван положил около нее теленка и распутал ему ноги. Теленок тут же вскочил, мать обнюхала его со всех сторон и, казалось, была довольна. В этот момент юноша коротким движением выдернул железное острие из ноги животного. Олениха приняласьлизывать рану.

Сбегав на моховую ложбинку, Иван и Шарапов притащили целую охапку ягеля, постлали его в углу сеней и перевели туда матку с теленком.

Уже через три дня олениха спокойно встречала людей, а на пятый день Степан попробовал подоить ее, подпуская сначала к вымени теленка.

Так Федор получил белое, жирное, питательное оленьемолоко. С жадностью выпивал он из рук Ивана несколько ложек, еле слышно благодарил и, уронив голову на постель, опять забывался.

— Эх! Как я не сделал этого раньше! — казнился юноша.

Шарапов вспомнил, что против цинги хорошо помогает порошок из сухого ягеля, размешанный в оленьем молоке. Стали давать и это лекарство.

Но видно было по всему, что дни Федора сочтены. Он все реже приходил в сознание.

— Кончается, видно, Федор-то, — тихо сказал однажды Шарапов. — Недаром цингу черной смертью зовут. Видишь, как почернел...

Но вдруг после мучительной ночи к утру Федору стало как будто лучше.

— Ваня, позови Алексея... — внятно сказал он.

Химков склонился над больным.

— Ну, кажись, все, Алеша... Прошу крест надо мной... Мать-старуха... приведется вам домой вернуться, не обдели... Обидел кого... простите, други... винюсь... — Это были его последние слова.

Мореходы поклонились в ноги умирающему.

— Прости и нас! Не унеси зла с собой... Скупые мужицкие слезы жгли глаза поморов... Первым очнулся Степан.

Вот. Втроем остались. Давайте проводим Федора. И мореходы торжественно запели поморское погребенье:

Как огонь, разгораемся

И, как трость, исполеваем.

Как мгла, восходим

И, как прах, без вести бываем.

Как облак, распространяемся

И, как трава, усыхаем.

Как говор водный, надымаемся

И, как искра, угасаем...

Похоронили Федора недалеко от избы, под скалой. Когда тело опускали в могилу, грумаланам захотелось покрыть его самым дорогим, что было у них здесь. Степан принес синее шелковое новгородское знамя с древней лодьи. Этим знаменем и обернули Федора Веригина, одного из тысяч безвестных тружеников Студеного моря...

Три тяжелых камня навалили поверх могилы. Иван посадил в холмик ярко-красные цветы.

Выполняя последнюю волю покойного, над ним поставили большой деревянный старообрядческий крест с копьём и тростью.

Всю ночь после похорон Алексей лежал с открытыми глазами, и думы, одна другой тяжелее, томили душу. Опять вспомнился кормщик Амос Кондратьевич Корнилов, Настасья, дети. «Поди, не узнают отца-то. Не узнают... Увидят — так узнают. Только увидят ли?»

Глава двадцать седьмая

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Вскоре после смерти Федора зимовщиков ждало еще одно потрясение: они встретили на острове людей. Но что это были за люди!

Произошло это так.

Однажды ранним утром, когда тень на солнечных часах подходила к пяти, Степан и оба Химкова хлопотали возле лодки, снаряжая ее в новое плавание. С моря дул мягкий ветер, небольшие волны, словно торопясь, выплескивались на гальку и, сердито журча, сбегали обратно. У самой кромки прибоя лежал медведь. Положив голову на вытянутые передние лапы, он одними глазами следил за действиями людей.

Когда все было готово, Алексей взял правило и взглянул на сына:

— Трогай, Ванюха.

Лодка плавно сошла с места. Юноша на ходу вскарабкался на борт и расправил парус. Зашумели, захлопотали под днищем «Чайки» волны.

— Путем-дорогой! На все четыре ветра! — донесся голос Степана. — Обратно скорее, с удачей жду!

Оставшийся на берегу, Шарапов прощально махал рукой, пока быстрая лодка не скрылась за черным утесом.

Шло шестое лето. В этом году оно выдалось теплое, раннее. Полуночные ветры за неделю взломали и вынесли прочь лед из пролива, и сейчас, в середине июля, море было чисто.

Пользуясь хорошей погодой, Химков решил навестить старое зимовье, привезти оставшиеся там клыки, собранные на моржовых кладбищах.

Благополучно миновав сувои Крестового мыса, «Чайка» проходила птичьи базары. Ветер усилился; осиновка набирала и набирала скорость. Что ни час, то добрых двенадцать верст оставалось за кормой.

Проведя лодку через опасные места, Алексей отдал руль сыну и лег отдохнуть: собираясь в дорогу, он почти не спал прошлую ночь.

Довольный, юноша пересел на кормовую банку, по-хозяйски подправил парус и, подставив лицо свежему ветру, вполголоса затянул какую-то песенку.

Медведь дремал. Но он открывал глаза и настораживался всякий раз, когда лодка кренилась или, по вине замечтавшегося рулевого, хлопал парус.

Время шло незаметно. Когда мореходы оказались на Моржовом берегу, у заливчика Спасения, солнце давно перевалило за полдень.

Иван с радостным волнением осматривал знакомые места. Вот высится тяжелый крест из серого плавника, поставленный ими в память своего спасения. Вдали виднеется ущелье, где стоит старая избушка. Черные скалы торчат на отмелем берегу. Все по-прежнему, будто вчера, а не годы назад покинули зимовщики эти безрадостные, но ставшие какими-то родными берега.

Не доходя избы, Алексей вдруг удивленно остановился и, нагнувшись, что-то поднял с земли. Иван увидел у него в руке обрывок красной материи.

Кормщик молча рассматривал неожиданную находку.

— Здесь кто-то был, Ванюха. Люди были, — сдерживая волнение, сказал он. И добавил, пробуя разорвать лоскут: — Недавно брошен, крепкое еще сукно-то.

И тут, на мокром желтом песке, они заметили следы человеческих ног.

Алексей присел на камень и трясущимися руками набил трубку сухим мхом. Юноша выжидательно глядел на отца; вместе с радостью в сердце закрадывалась непонятная тревога.

— Что за люди? Откуда? Как попали на остров, где находятся сейчас? — вслух недоумевающе рассуждал Алексей.

Наконец, выбив трубку, он тряхнул головой и поднялся. — Думать надо, море лоскут выкинуло. Пошли в избу, Иван!

Но Химковых ждало новое открытие. Не успели они сделать и двух шагов, как на песке что-то блеснуло. Иван поднял пустую бутылку.

— Отец, склянка!

— Спиртное было, запах есть, — пробормотал Алексей, повертев бутылку.

Двинулись дальше, у встречной речушки остановились испить воды: легли на песчаный бережок и с наслаждением прильнули к чистой холодной струе, докатившейся сюда, к морю, с

горных ледников.

И тут, на мокром желтом песке, они заметили следы человеческих ног. Следы были совсем свежие, они шли от ручья вглубь острова.

— Двое их было... Гляди, гвозди какие па этих, а это — другие... каблук сбил... Обувь не наша, заморская, — отрывисто говорил Алексей.

Поморы не знали: радоваться им или печалиться. Теперь они уже не сомневались, что на острове есть люди, и не свои промышленники, а чужие, иноземцы.

Взобравшись на ближайший утес с плоской выщербленной вершиной, грумаланы огляделись, резко и тревожно кричали чайки, словно призывая к бдительности. Поморы смотрели до боли в глазах и ничего особенного не заметили. Юноша увидел лишь двух полярных сов, неподвижно сидевших на больших камнях. Совы с удивительным терпением караулили свою поживу — мышей.

— Ишь ведь, будто пни торчат, — указал на птиц юноша. Но Химкову — отцу было не до сов. Он продолжал пристально процупывать взглядом каждую точку побережья и скал.

— Ваня, — вдруг сказал он приглушенным голосом. — Люди!..

Из-за скал показались две человеческие фигуры в оборванкой одежде. Они, видимо, тоже заметили поморов, так как замахали руками и бросились навстречу. Зимовщики сошли с утеса.

— Русский, русский... Я знаю, здравствуй, русский! — еще издали восторженно затараторил подбежавший первым. Он улыбался и протягивал руку.

Поморы были взволнованы не меньше, русский язык неизвестного поразил и обрадовал их.

— Какой счастье видеть русский мореход! Какой счастье! Я... — и незнакомец пошатнулся, схватившись за грудь.

Поморы, взглянув на его холщово-серое лицо, синие губы, провалы у глаз, сразу определили: «Цинга...»

Отдышавшись, небольшого роста, давно не бритый человек продолжал:

— Мы потерпели аварию. Я английский матрос. Чемберс, Джон Чемберс. Я много лет плавал Архангельск... Два года жил в этом городе... А это мой товарищ, Том Д'Онейль, — указал он на второго, высокого рыжего ирландца.

Поморы тоже назвали себя, и все снова пожали друг другу руки.

Ирландец выглядел еще хуже, очевидно болезнь совсем одолела его.

— Где ваше судно? — спросил Чемберс. — Сколько времени идти до него?.. Я ведь совсем не знаю здешних мест.

Алексей в коротких словах объяснил положение. Лицо матроса омрачилось. Он передал слова Химкова товарищу. Горевшие надеждой глаза Д'Онейля потухли; он еще больше сгорбился, словно увял.

В свою очередь, Чемберс удивился цветущему здоровью грумаланов.

— У вас такой вид, словно вы только что вышли из дома. Пять зимовок! Невероятно, просто невероятно, — изумлялся он.

— А вы давно ли здесь? Где погибло ваше судно? — спросил Алексей.

— О, это страшная история, вы все сейчас узнаете, — торопливо ответил матрос. — Только сядем, пожалуйста, мы так ослабли.

И Чемберс прерывающимся, нетвердым голосом рассказал о последнем плавании своего корабля...

Владелец небольшого китобойного судна «Клайд» капитан Смайльс, идя на промысел, взялся доставить к берегам Шпицбергена служащего английской королевской полиции Якоба Топгама и семь находящихся под его начальством пассажиров.

Пассажиры тоже не имели никакого отношения к китобойному делу: это были уголовные преступники, приговоренные к смерти. Король помиловал их, заменив казнь поселением на Шпицбергене.

Судно подходило к Колокольному заливу, на западном берегу Шпицбергена, где предстояло оставить поселенцев и их груз, в том числе целый разборный дом.

— Кстати, капитан, откуда залив получил свое название? — спросил Смайльса полицейский чиновник.

— Когда наши моряки впервые там высадились, они увидели большой колокол, лежавший в русском поселке и назвали его Колокольным?. Русские называют залив Старостинским.

«Клайд» медленно шел вдоль берегов Груманта. На носу, сбившись в кучу, стояли каторжники. Они шумно спорили. То один, то другой показывали, гремя кандалами, на мрачные, пустынные скалы с высокими крестами.

— Здесь тоже не жизнь. Смотрите, весь берег в крестах! Открылся входной мыс Колокольного залива. К каторжникам подошел Топгам.

— Ну, ребята, — весело начал он, — сегодня вы будете свободными людьми. Думаю, следует отметить этот день порцией рома, что вы на это скажете?

Семеро переглянулись. Судя по их хмурым лицам, они были далеки от радости!

— Мистер Топгам! Мы решили остаться на судне.

— Что такое? Да вы забыли, что вас ждет!

— Лучше сразу умереть с веревкой на шее, чем погибать медленной смертью в этом страшном месте. Чиновник растерялся.

— Вы шутите, ребята. Неужели ни один из вас не хочет попытаться счастья на острове?

— Мы не сойдем с судна!

Длинный, как жердь, полицейский круто повернулся, побежал на корму и ворвался в каюту Смайльса.

— Высадка отменяется, капитан. Здесь нам нечего делать, эти подлецы не хотят зимовать на острове. Надо возвращаться в Англию.

Смайльс даже подпрыгнул на стуле.

— Это невозможно, сэр! Мне грозит разорение. Я должен привезти груз китового жира...

Чиновник угрожал, стучал кулаком, просил. Смайльс — толстенький, добродушный с виду человек — оставался непреклонным.

— Я вернусь в Англию только после промысла. Это мое последнее слово, сэр, — спокойно и твердо сказал он.

Топгам в бешенстве выскочил наверх и долго мерил своими длинными ногами палубу. Но как он ни был зол, ему ничего не оставалось, как подчиниться неожиданному изменению обстоятельств.

Судно тем временем двигалось с попутным ветром к северу. Вахтенные из бочки на самой верхушке мачты непрерывно наблюдали за морем. Весь экипаж с нетерпением ждал появления китов. Капитан, несмотря на солидный возраст и весьма округлые формы, сам не раз влезал на мачту и долго просиживал в «вороньем гнезде».

— Ушли киты, — бормотал он, пыхтя и отдуваясь, разогнали разбойники голландцы.

Смайльс уныло смотрел на проходившие мимо судна небольшие островки, приютившиеся у северо-западной оконечности Груманта. Там, в хорошо закрытом заливе, голландцы уже давно построили салотопенные печи, в которых вываривался китовый жир. В начале XVII века сюда каждый год летом приходили сотни китобоев, нагруженных богатой добычей. Теперь, когда эти животные были почти истреблены, голландцы редко посещали свой Смеренбург — Сальный город. Поселок влачил жалкое существование. О его былой славе напоминали лишь старые промысловые печи, ветхие жилые постройки да обширное кладбище...

Пошли северные берега Груманта, окруженные толстым торосистым припаем. Плоские будто усеченные, покрытые чистым снегом прибрежные скалы, будучи приподняты рефракцией, казалось, стояли на базальтовых столбах. Похолодало. Матросы укутались в неуклюжую теплую одежду и вышли на палубу: ветер задувал в кубрики дым топившихся камельков.

Двадцать дней тянулось бесплодное плавание. Но Смайльс все еще надеялся и без передышки рыскал в грумантских водах. Только сильный туман заставлял его отдать якорь или ложиться в дрейф. Так судно добралось до мыса Верлеген. С давних пор этот мыс служил границей китобойного промысла: дальше — льды.

В другое время Смайльс никогда бы не решился обогнуть Верлеген, но сейчас отчаяние толкнуло его на этот шаг.

— Не понимаю вашего беспокойства, капитан, — вмешался полицейский чиновник. — Какие льды? Их здесь не бывает до самого полюса.

— К сожалению, вы заблуждаетесь.

Чиновник, не говоря ни слова, принес из каюты книгу:

— А это что?.. — сказал он. — Я только что прочитал: тут самые подробные сведения о здешних водах.

Толстяк взглянул на книгу и покачал головой:

— Ах, Топгам, здесь нет ни единого слова правды.

— Как! Иосиф Моксон, гидрограф ее королевского величества, мог написать ложь?!

— Сэр, эта книга написана с пьяных слов голландских матросов... они подшутили над ученым гидрографом... Поверьте мне, я сорок лет ежегодно посещаю эти воды, но никогда не поднимался севернее восьмьдесят первой параллели... Я слышал много сказок голландских китобоев, никто из них не знает здешних льдов. Да, да, это так. К сожалению, и мы всегда избегали плавать во льдах.

— Как же такая книга вышла у нас дважды?

— Очень просто, у нас в Англии тоже не знают морских льдов и верят всему... Я все же решил, Топгам, обогнуть Верлеген, — переменял разговор Смайльс. — Надеюсь, нам повезет на другой стороне острова.

«Клайд» благополучно обошел с севера Большой Берун и спускался к югу, плывя по большому проливу.

Погода была прекрасная, воздух чист и прозрачен. Справа и слева поднимались ледниковые берега, небольшие округлые горы. Все чаще встречался плавающий лед. Наконец судно вошло в неширокий пролив или залив, глубоко уходящий в берег. Остров был неизвестен: карт восточной части Груманта на судне не было. Капитан измерил широту град-штоком: оказалась 78°10' северной широты.

— Справа по носу киты! — раздалось вдруг из бочки на мачте.

Этот долгожданный возглас поднял на ноги весь экипаж. Почти мгновенно пять гребных ботов были спущены на воду. «Клайд» встал, отдав оба якоря.

Бесшумно работая веслами, матросы подкрадывались к ничего не подозревавшему животному. Киты спокойно лежали на поверхности, время от времени выпуская фонтаны зловонного пара. Шлюпки все ближе...

На первой шлюпке — лучший гарпунер судна Иоган Хигс, ему капитан доверил первый удар. Вот Хигс поднял руку, и все шлюпки остановились: моряки боялись спугнуть зверей и выжидали удобного момента для начала охоты.

Морской гигант, лениво шевеля плавниками, очутился совсем рядом с ботом Хигса. В тот же момент в него полетели, один за другим, два дротика. Кит выбросил багровый фонтан и заметался, по воде пошли крупные волны, едва не захлестнувшие шлюпку.

— Назад, ребята табань! — крикнул Хигс.

Спасаясь от удара могучего хвоста раненого животного, гребцы работали изо всех сил. Шлюпка быстро удалялась: китобойные шлюпки, боты делаются одинаково заостренными с носа и с кормы, им не нужно разворачиваться, чтобы пойти назад.

Случайно зацепив хвостом одну из гарпунных веревок, кит разорвал ее, словно нитку, но от другой не сумел освободиться. Тогда он попытался спастись в морской глубине и стремительно нырнул; деревянная вьюшка, высучивая уцелевший гарпунный трос, завертелась так быстро, что дерево задымилось.

Вдруг веревка соскочила с носового ограничителя и пошла через борт. Шлюпка накренилась, ее стало заливать водой. Хигс бросился к веревке, чтобы перенести ее на место, но не рассчитал: захваченный тросом за руку, он, не успев даже крикнуть, оказался за бортом и пошел ко дну...

Гребцы замерли от ужаса.

Между тем охота велась уже со всех шлюпок.

На боте Хигса наставили второй трос. Кит не сдавался и уходил все глубже и глубже. Трос наставили еще раз. Триста саженой гарпунной веревки пришлось выпустить морякам. Через полчаса кит всплыл на поверхность, и в него снова полетели дротики. Кит терял силы слабел от ран. Шлюпка подошла к нему вплотную, люди с ожесточением кололи и рубили умирающего зверя рогатинами и топорами. Через два часа кит перевернулся на бок и затих.

К вечеру у бортов «Клайда» лежали закрепленные верейками пять больших китовых туш.

— Сто тонн жира да пять тонн уса — три с половиной тысячи гиней, — радовался толстяк капитан, потирая руки.

Матросы за чаркой рома, Смайлс за вечерней молитвой помянули добрым словом погибшего товарища. Назавтра предстояла разделка китов — тяжелая, нудная работа.

Шел первый час ночи. На корабле все спали. Кровавый шар полуночного солнца выплыл из-за грумантских гор, окрашивая в пурпур редкие торосистые льдины, застывшие на зеркальной поверхности залива.

Вахтенный, борясь со сном, медленно бродил по судну. Вот он остановился у фок-мачты, постоял немного в нерешительности, потом сел на палубу, прислонясь к бочке. Глаза закрылись сами собой, матрос задремал. Сквозь сон ему послышалось, будто что-то тяжелое плюхнулось в воду... Матрос вздрогнул и с испугом осмотрелся. Нет, все тихо...

Вахтенный не заметил, что «Клайд» был уже не один: совсем рядом отдал якорь другой английский корабль, неожиданно появившийся из-за ледяного мыса: толстое дерево мачты закрыло судно от глаз матроса, успокоенный вахтенный снова притулился к бочке. Голова его упала на грудь...

Обманчива погода в Арктике. Только что держался штиль, — и вот уже ветер, и все сразу изменялось. Навалил густой туман, он покрыл и суда, и море, и берег...

Кораблю, ставшему возле «Клайда», тоже не везло в промысле: время было возвращаться домой, а в трюмах ни одной бочки жира. Он пришел в залив еще раньше Смайлса, но не заметил китов, которые теперь попали в руки конкурента. И капитан решил поправить положение иначе — за счет своего соотечественника.

Между полночью и четырьмя утра, сон особенно крепок, и вахтенный на «Клайде» не слышал, как из тумана послышались мерные всплески весел, приглушенные голоса. Он не слышал, как тихо пристала чья-то шлюпка. Вот кто-то, ухватившись за канат, взобрался на борт и крадется между бочками и ящиками... Удар дубовой вымбовкой[49] — и оглушенный вахтенный мешком свалился на палубу.

— Готово, начинай, ребята, — тихо сказал чужак, перегнувшись через борт.

Из тумана возникло еще несколько шлюпок. Пока внизу рубили тросы и отводили китов и гребные боты, человек на палубе перепилил ножовкой якорные канаты. Затем он позвал на помощь еще двоих и спихнул с кормы корабельный руль.

(Смайлс предусмотрительно вынул руль из петель, боясь, что его может повредить внезапно появившийся лед).

— Пусть зимуют! — Злорадно рассмеявшись, «китобои» спустились в ожидавшую их шлюпку.

И опять все тихо. Лишившись якорей, «Клайд» попал во власть течения и медленно втягивался в узкий пролив... Туман, туман...

Около шести утра Смайлс, зябко поеживаясь, вышел на палубу, чтобы позвать вахтенного

растопить камелек, увидел туман, он всполошился.

— Лед где-то близко... Эй, вахтенный! Д'Онейль! Никто не отозвался.

— Д'Онейль!.. Да он спит, негодяй. Выходит так: держать собаку, а лаять самому, — заворчал капитан, споткнувшись о вытянутые ноги.

Матрос с трудом поднял голову.

— Я... меня...

Почувствовав неладное, Смайльс бросился к борту: ни китов, ни шлюпок — пусто. Не веря глазам, он перебежал на другой борт — и там ничего не было. На носу Смайльс столкнулся с боцманом.

— Якорные канаты перерезаны, сэр, нас несет течением. Смайльс понял все.

— Мы ограблены! Звать всех на палубу! Приготовить запасной якорь, проверить глубину... Поставить на место руль, — отрывисто командовал он.

Небольшой запасной якорь не смог задержать судна. Матросы и каторжники стали сколачивать плот. Течение продолжало нести корабль. Вот «Клайд» встряхнуло, словно днище задело о камень. Вот еще толчок, еще один... Что это? Льды, скалы, отмель? Туман...

Несколько минут прошло спокойно. Но вот сильный удар потряс весь корпус, и судно, наклонившись на правый борт, резко остановилось.

— Мы тонем, капитан! — метался от матросов к Смайльсу полицейский чиновник.

— Нет, начинаем зимовку.

— Здесь?

— Да. Видите, в тумане чернеют скалы. Пока льды не отнесли корабль в море, будем выгружать на берег все, что успеем.

— Вот так штука! Значит, и я остаюсь со своим сбродом на этом проклятом острове... Черт знает, что такое!

Капитан уже не слушал его. Он приказал быстрее заканчивать плот, завезти канат на берег, начинать выгрузку. Другого выхода не было.

Вскоре Смайльса опять задержал чиновник. Он заметно повеселел, в руках у него была книга.

— Не все пропало, капитан! Я так рад, что мне пришло в голову приобрести в Лондоне эту замечательную книгу. Теперь мы можем зимовать. Это даже интересно.

— Что за книга, Топгам?

— «Жизнь и замечательные приключения Робинзона Крузо на необитаемом острове», — торжественно ответил полицейский.

Капитан с недоумением посмотрел на ликовавшего чиновника.

— Дорогой Топгам, — перелистывая страницы, начал Смайльс, — четверть века назад и я зачитывался этой книгой, но... что вы хотите с ней делать здесь?

— Это достовернейший случай, — горячился чиновник. — Александр Селькирк, англичанин, прожил в одиночестве больше четырех лет... Четыре года на необитаемом острове! Здесь описано с мельчайшими подробностями множество приключений. Его богатый опыт незаменим для нас.

Смайльс слабо улыбнулся.

— Александр Селькирк жил там, где сама природа помогала ему. Мы будем зимовать на острове, покрытом вечными льдами... Простите, Топгам, мне необходимо заняться делами, — и он вернул книгу.

Разгрузка судна быстро подвигалась. Плот то и дело отходил от борта «Клайда». Ящики, мешки, тюки, свертки грудями лежали на берегу.

Но вот юго-западный ветер разогнал туман.

Перед глазами англичан открылся большой пролив, забитый с юга льдами.

Мощные ледяные поля надвигались на судно. Через несколько часов лед столкнул корабль с мели. Трещая и содрогаясь, корпус пополз по каменистому дну...

Весь экипаж уже хлопотал на берегу, перетаскивая груз к видневшейся вдали избушке, у которой высился тяжелый русский крест. А «Клайд» встретил на своем последнем пути подводную скалу: круша дерево, льды расплющили застрявший корабль и двигались дальше, унося с собой обломки.

Глава двадцать восьмая

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

Когда матрос описывал гибель «Клайда», Иван Химков спросил его:

— А зачем вы корабль в море бросили? Почему на берег не вытащили?

— Не мешай, Ванюха, — строго остановил сына Алексей. И, пока Чемберс собирался с мыслями, пояснил: — Заморское судно не лодья, на берег, хоть какой, ему хода нет. Востродонное судно разве вытащить?

Да, да, — прислушавшись к словам Химкова, согласился Чемберс. — Англичане никогда не хранят своя суда на берегу.

Матрос заканчивал свое скорбное повествование:

— Из экипажа нас трое осталось — мы да боцман — остальных похоронили. Несколько дней назад скончался наш капитан... Из преступников умерло четверо. О, это нехорошие люди. После смерти капитана хозяином на зимовке стал чиновник. Он заодно с преступниками. И боцман тоже.

Поморы давно догадались, что англичане наткнулись на их прежнюю избушку, и думали, как быть, чем помочь людям.

Русские поморы всегда славились честностью, гостеприимством и отзывчивостью в беде.

Каждый, нуждавшийся в крове, огне и пище, мог рассчитывать, что с ним поделятся

последним.

Двери домов в поморских деревнях никогда не запирались. Даже в отсутствие хозяев путник мог зайти в избу, растопить печь и утолить голод. Зверобои зачастую оставляли на пустынном берегу на долгое время лодку, снасть, промысел. Стоило воткнуть около оставленного шеста, в знак того, что это имущество еще понадобится хозяину, и никто не прикоснется к нему пальцем. Прибывших с попутным ветром на севере называли «ветренными гостями» и всегда радушно встречали.

— Жалко мореходов ваших, — тихо произнес Химков, — не смогли себя уберечь... Что ж, надо в избу сходить, посмотреть, чем пособить можно.

Алексей обернулся к сыну:

— Ванюха, отведи медведя к осиновке, пускай там сидит, нечего людей пугать. Отведешь, меня догоняй.

Только сейчас англичане с оторопью заметили большого белошерстного зверя, все это время неподвижно лежавшего у скалы.

Ваня, окликнув мишку, побежал к лодке, а Химков и англичане направились к зимовью. Оба матроса долго оглядывались на свирепого зверя, послушно бредущего за юношей.

Вот и изба. Алексей толкнул знакомую дверь и первым вошел в горницу.

За столом несколько человек шумно играли в кости. Увидя невесть откуда взявшегося плечистого, бородатого помора, игроки застыли с открытыми ртами.

— Здравствуйте, добрые люди, — с достоинством поклонился Химков.

Англичане растерянно переглянулись.

— Кто этот человек, Джо? — изумленно спросил почерневший от копоти худой, долговязый англичанин.

— Капитан русского судна, сэра. В этот момент в дверях появился Иван и стал рядом с отцом.

— Русские? Ты убежден, Джо? Хм, хм... — несколько оправившись, сухопарый англичанин принял важный вид. — Спроси, могут ли они доставить нас в Англию?

Пока Чемберс рассказывал все, что сам успел узнать о русских зимовщиках, Алексей незаметно толкнул локтем сына:

— Видать, это главный, сухопарый-то. Что длинен, что черен... Будто сухарь ржаной... И остальные хороши: в грязи да в копоти все.

Юноша тишком фыркнул в рукав.

Выслушав матроса, Топгам, — это был он, — многозначительно посмотрел на своих и вскользь заметил:

— Вот оно что... Их здесь только двое...

— Скажи этим дикарям, Джон, — обернулся он к Чемберсу, — что я, Якоб Топгам, властью его величества короля Англии назначен губернатором этого острова, русские должны повиноваться мне. — И он важно ткнул пальцем себя с грудь.

Чемберс нехотя перевел.

Химков удивленно взглянул на Топгама.

— На русской земле вашему королю власти нет, — тихо, но твердо ответил он. — Елизавета Петровна нам государыня, а мы ей слуги...

— Кто ты такой? — грубо перебил чиновник.

— Я этого дома хозяин, — Алексей гордо поднял голову. Под его взглядом Топгам отвел глаза.

— Сэр, мы должны захватить шлюпку русских, пока они здесь, — заговорщицки зашептал чиновнику один из игроков с широким угреватым лицом, — Тогда этот бородач заговорит по-другому...

Топгам утвердительно кивнул. Широколицый — боцман — и еще один поднялись из-за стола и вышли из горницы.

Чемберс с испугом посмотрел на Химкова.

— Они хотят украсть вашу шлюпку, — украдкой шепнул он, — принимайте меры... Топгам совсем не губернатор, он лжет!

К удивлению матроса, Химков остался спокоен. Топгам же, проводив взглядом своих людей, продолжал разговор.

— Так вы хозяин, — говорил он с издевкой. — Очень жаль, но я вынужден был занять ваш дворец без разрешения. Химков словно не заметил насмешки.

— По обычаю нашему, по нужде всякий может домом владеть, ежели хозяина нет... Вижу я, цинга вас одолела, помоч хотел. А вы... — Вы умеете лечить цингу? — оживился чиновник.

— Ежели бы нам в знатье, что здесь люди живут, — продолжал Химков, — давно бы помочь дали, снадобья принесли. Да и обувку показали бы как шить. В таких сапогах-то, — он показал на обувь англичан, — по острову много не походишь. Хоть и лиходеи у вас, а все жалко: люди.

Гонгам недовольно посмотрел на Чемберса:

— Здесь преступников нет, все помилованы его королевским величеством. По прибытии на остров я всем снял кандалы.

— Кандалы? Да уж здесь в кандалах не проживешь... И без кандалов не сладко... А насчет избы не сомневайтесь, живите сколько надо... Баньку бы вам, попариться, помыться, вишь, как замшели...

Химков искренне хотел поделиться своим мудрым житейским опытом с этими людьми, уже так дорого заплатившими за королевскую «милость». Топгам же тянул время. Единственно, что его заинтересовало, — это противцинготные лекарства русских. А прежде всего надо было заполучить их лодку.

Но тут в горницу ворвался боцман с искаженным от страха лицом.

— В шлюпке медведь! — хрипло выкрикнул он. — Большой белый медведь... Мы хотели отогнать, но он бросился на Чарли и чуть не загрыз его.

Чемберс и молодой Химков звонко расхохотались.

— Замолчи, щенок! — накинулся на матроса с кулаками боцман.

— Скажи ему, — приказал чиновник Чемберсу, — пусть добром отдает лодку, не то...

Матрос перевел и добавил:

— Вам надо уходить, эти люди способны на все!

Химков как будто не понял, чего от него хотят.

— Отдать лодку? Но она нужна, нам самим, сударь...

— Так он еще разговаривать?! Ребята, связать их!

Каторжники и боцман бросились на поморов.

— Бей... без ножа, Ванюха, — успел крикнуть сыну Алексей.

Он схватил за ворот боцмана и каторжника и, стукнув их головами, бросил оземь. Ваня легко отшвырнул вцепившегося в него англичанина.

Топгам выхватил из-за пояса пистолет.

— Закройте двери! — завизжал он, — Я их...

Но Д'Онейль, подскочив, толкнул его руку, и пуля прошла мимо.

— Прочь с дороги! — властно скомандовал Химков стоявшим у дверей.

Как только Химковы оказались спиной к англичанам, все кто мог, кроме Чемберса и Д'Онейля, снова кинулись к ним.

— Стой! — резко обернувшись в дверях, громыхнул Алексей и поднял кулак. На скулах у него заходили желваки. Каторжники шарахнулись в стороны. — Сдыхайте, псы шелудивые, ежели так!

Задержавшись еще на мгновение, Химков обернулся к матросам.

— Спасибо, други. Иди к нам, Джон, и товарища заberi. Хлопнув дверью, Химковы крупно зашагали к берегу. Алексей дал волю своим оскорбленным чувствам. Горько ошибаться в людях там, дома, но неизмеримо тяжелее здесь, на острове, после долгого одиночества.

Медведь встретил хозяев довольным урчанием. Химковы приласкали верного друга и, усевшись на берегу, стали ждать английских матросов.

Прошло с полчаса. Алексей стал тревожиться.

— Отец, гарью пахнет! — воскликнул Иван, вскочив. — Смотри, дым какой над избой-то!

Поднялся и медведь взъерошил шерсть, зарычал. Из-за утесов выбежал человек: он прихрамывал на одну ногу и что-то кричал.

— Это губернатор ихний, — признал юноша и взял в руку камень, — вдруг опять стрелять будет.

Это действительно был Топгам. Он бежал к лодке, размахивая небольшим свертком.

Поморы выжидательно следили за англичанином.

— Рус, рус! — кричал Топгам.

Не добежав до берега, он свалился и пополз по гальке. Сверток раскрылся, из него посыпались золотые гиней.

Алексей догадался, что «губернатор» просил взять его в лодку и предлагал за это деньги.

— Чемберс где? — грозно спросил Химков, почувствовав недоброе.

Топгам молча показал на небо и лицемерно перекрестился.

— Что? Убили, подлецы! Будь здесь, Ванюха, — схватив топор, он бросился со всех ног к избушке.

Как стог сухого сена, пылала изба, когда Алексей подбежал к ней. У порога лежал широколицый боцман с ножом в спине. Дверь была плотно заперта снаружи бревном.

Химков рванулся было к двери, но в этот момент сильный взрыв развалил избу. Совсем близко от Алексея пронеслась дымящаяся головня и упала где-то далеко за грудой камней.

Какая драма тут произошла — можно лишь было догадываться. Скорее всего, что Топгам и боцман, сговорившись подкупить поморов, обманно заперли всех остальных в избе и то ли сами подожгли ее, то ли каторжники и матросы, пытаясь выбраться, в суматохе заронили огонь. А боцман — он, верно помог чиновнику завалить дверь и был больше не нужен...

«Звери! Хуже зверей!» — в ужасе думал потрясенный Химков.

То там, то здесь по лощине дымились деревянные обломки, разбросанные взрывом; казалось, что загорелась огненным гневом холодная Грумаланская земля...

Не добежав до берега, он свалился и пополз по гальке.

Под ногами Химкова, испуская едкий дым, тлел какой-то предмет. Алексей посмотрел — книга. Это были сочиненные Даниелем Дефо «Жизнь и замечательные приключения Робинзона Крузо».

Ничего не поняв в английских буквах, помор с сожалением бросил книгу и с поникшей головой пошел на берег.

— Помер губернатор-то. Как ты ушел, тут и помер, — встретил Иван отца. — Только и силы у него, видно, осталось, что сюда прибежать.

Алексей, не взглянув на труп и не говоря ни слова, принялся сталкивать лодку.

Скользнула в воду «Чайка», тихо закачалась на волне, потом развернулась и легла курсом на юг.

Памятное каменное ущелье, Моржовый берег, залив Спасения, мыс Ростислава отодвигались все дальше и дальше.

Последним исчез высокий серый крест, словно растворившись в спокойном вечернем небе.

Отходили в прошлое грязные чужие дела, задевшие мимоходом поморскую жизнь.

— Забыть надо, как сон тяжкий, — сказал Степан, когда мореходы снова оказались в своем зимовье.

Глава двадцать девятая

Один за другим тянулись месяцы и годы. Прошла еще одна тяжелая зима. Наступило седьмое лето. На острове, все было по-прежнему. Только Федора уж больше не было в маленькой дружной семье зимовщиков. Часто вспоминали мореходы товарища. Тяжела была для них эта потеря.

В летние дни могилу Федора всегда украшали живые цветы. Не забывал Иван своего крестного.

Втянулись в свою одинокую жизнь за это время поморы. Осилили полярную стихию.

В прошлом году Алексей с сыном еще раз побывали на Моржовом острове. Хотелось проверить, не удастся ли точнее узнать про судьбу Тимофея Старостина.

Лавируя по бухточке на «Чайке», они старались разглядеть в прозрачной воде между черными камнями еще что-нибудь из остатков лодьи или снаряжения новгородцев. Ивану удалось подцепить багром несколько моржовых голов, покрытых вековым илом. Как только их вытащили в лодку, клыки выпали из черепов. В другом месте выудили колчан со стрелами и лук. От долгого пребывания в воде и лук и стрелы пришли в полную негодность.

Иван различил глубоко на дне две секиры и длинный прямой меч. Достать их не удалось. Подняли только тяжелую, почерневшую от времени доску. Юноша попробовал резать дерево, но нож лишь царапал его темную, окаменевшую поверхность.

— Это лиственница, Иван. Тоже, не иначе, с лодьи. От воды лиственница только крепче делается, и червь ее не берет. По твердости она, ежели долго в воде пробудет, не уступит и кости. Захвати с собой, дома от скуки безделку какую вырежем.

На берегу, в гальке Алексей ухитрился найти три шахматные фигурки и круглую, слегка заостренную палочку с отверстием на одном конце — перо для бересты. И шахматы и палочка были сделаны из моржовой кости. Очистив их от налипшей грязи и вымыв в морской воде, поморы поразились тонкой, прекрасной работе. Прохаживаясь мимо невысоких береговых скал, Алексей вдруг сказал:

— Знаешь, Ванюха, забыли мы, что море-то в давние времена выше стояло и камни эти под водой были. Поди, берег-то проходил у твоей скалы, помнишь, ремнем мерил? Вот где надо старостинские следы искать!

Когда Химковы забрались на вершину Ваниной скалы, юноше сразу бросилось в глаза то, чего он раньше не заметил: посреди площадки возвышалась груда камней, явно сложенная руками человека. То был поморский приметный знак — гурий.

Это немудреное полуразрушенное сооружение дало поморам ответ на главный, волновавший их вопрос. Тимофей Старостин Савелий Шубин спаслись неминуемой смерти 1468 год

На гладком плоском камне, лежавшем поверх гурия, славянской глаголицей было отчетливо выбито:

— Спаслись ведь, отец! — восторженно воскликнул юноша.

— Да, Иван, спаслись. Только на карте моей скалу эту теперь Старостинской переименовать придется, — Алексей с улыбкой посмотрел на сына, чье имя скала носила раньше.

— Старостинской, конечно, — горячо отозвался Ваня, — А мысок, где лодья на камнях

сидела, — Шубинским...

Сегодня на Беруне стоял погожий солнечный день. Позавтракав, старший Химков со Степаном отправились на охоту. Иван остался хозяйничать дома.

Сварив обед, юноша собрался навестить свою новую любимицу, прирученную олениху Звездочку — на лбу у нее была круглая белая отметина.

Первые дни, еще во время болезни Федора, Степан привязывал к ногам оленихи деревянную колоду, чтоб не ушла далеко. Потом зимовщики убедились, что не нужна колода: Звездочка и ее теленок прижились, привыкли к своим сеням и уже никуда не отходили от зимовья. Корм олени находили сами, в соседних ягельных низинах.

Мишка стал взрослым, громадным белым медведем. Он теперь тоже уходил на охоту самостоятельно и без всякого труда промышлял нерп и тюленей. Своего молодого хозяина он по-прежнему слушался и любил. Если Иван шел куда-нибудь, медведь неизменно увязывался следом, и его нельзя было никакой силой удержать на зимовье. Степан и Алексей стали немного побаиваться медведя: уж больно сделался велик да страшен.

Олениху с теленком и вообще олениху мишка никогда не трогал.

Проведав свою Звездочку, погладив ее по красивой блестящей шерсти, юноша, как всегда, полез на скалу посмотреть на море.

По отцову календарю сегодня было 17 августа 1749 года. Большим стал календарь кормщика. Целую стену занимал он сейчас в избе. Аккуратно в течение шести лет Алексей отмечал проходящие дни.

Взобравшись на высокий камень, Иван взглянул на море, прикрыв глаза ладонью от яркого солнца.

Что это там на горизонте?! Или показалось ему?.. Юноша протер глаза и снова посмотрел. Нет, не показалось. На соединившейся синеве моря и неба далеко-далеко белел парусок. Одним духом слетел Иван с утеса. Прихватив из избы заветный мешочек с кремнем и огнивом, он со всех ног помчался на Крестовый мыс. Мишка тяжелым галопом пустился в догоню за своим приятелем.

Тяжело дыша, юноша добрался до приготовленного для костра плавника.

Через малое время костер загорелся ярким пламенем. Отвалив каменную плиту, Иван вытащил из ямы, неподалеку от костра, куски заранее приготовленного тюленьего жира и стал бросать его в огонь.

Высокий столб черного дыма поднялся над островом. Но юноше казалось, что этого мало. Все больше и больше бросал он в костер и дров и жира. Очнулся он только от хриплого крика:

— Иван, костер зачем?.. увидел разве чего?

Иван не узнал отца. Лицо его было мертвенно-бледно, руки и губы тряслись. Глаза смотрели на сына с такой мольбой и с такой надеждой, что юноше сделалось не по себе. Тут же стоял растерянный Степан. Оба они увидели дым и прибежали к костру.

— Парус, отец!.. Да гляди на море-то... Зачем на меня глядишь?

— Парус... Ванюха... да что это! — Алексей бестолково суетился около костра, хватая трясущимися руками то дрова, то куски жира. — А вдруг уйдут?.. Не заметят нас!.. Да что ж ты, Степан? Ваня, дров давай побольше... ведь парус... люди ведь...

Алексей вдруг опустился на камень возле костра. Закрыв руками лицо, он громко заплакал. От несдерживаемых рыданий ходуном ходило все его тело.

Шесть лет крепился Алексей, не выдавая своих чувств ни сыну, ни товарищам. Шесть лет он был для всех примером настойчивости, упорства и терпения. Но сейчас сдал, не выдержал Алексей. Все горе его, беспокойство за жену, за детишек вырвалось наружу, разжалась вдруг рука, что с железной силой держала сердце шесть долгих лет.

И Ваня и Степан понимали состояние Алексея. Отойдя подальше, молча стояли они, стараясь ничем не помешать его чувствам.

Но вот Алексей поднялся с камня:

— Простите меня... не думал я, что так...

— Ну-к что ж, Алексей, у меня тоже водица соленая глаза застилает... От счастья это... Ведь дома в этот год будем! — быстро и радостно говорил Степан.

Великий праздник был на душе у поморов. Но скоро они опомнились.

— Ванюха, ты здесь у костра будешь. Возьми вот, на копье вздень, маши, как лодья ближе будет, — Алексей торопливо сдернул с себя рубаху. — А мы со Степаном в зимовье пойдем. Собрать добро надо. Нищими нам домой вернуться нельзя. Дома-то хоть немного пожить бы, а с голыми руками ежели приедем, опять сразу иди на промысел.

— Парус, отец!

Иван остался один у костра. Прошло немного времени, и ясно ему стало, что с лодьи увидели дым. Судно шло теперь к Ледяному мысу.

Затем, передернув немного паруса, лодья легла курсом прямо на избу зимовщиков.

— Гляди, мишка, парус, людей на лодье должно быть много. Поплывем мы с тобой скоро в Мезень, домой. Мать, братишек своих да сестренку тебе покажу...

Медведь довольно равнодушно смотрел на синее море, на остров, что чернел вдалеке, и ничего особенного не замечал. Правда, далеко в море двигалось что-то белое, похожее на ледяной обломок, но удивишь ли ошкуя падуном?

А юноша все махал пикой с отцовской рубахой да подбрасывал дрова в ненужный уже костер. И, видно, не только он боялся какой-нибудь случайности: от зимовья тоже валил густой черный дым. Это старался Степан, раздул еще один костер.

Глядя вниз, на залив, Иван любовался плавно приближающимся судном. Вот на лодье сбавили паруса. Остался один большой парус на грот-мачте. На самом носу три человека возились у якоря. Вдруг юноша заметил, как от берега отошла «Чайка» и стремительно помчалась навстречу лодье.

«Наверно, отец, — подумал Иван. — Вот ведь терпел сколько да скучал как, а нам и невдомек было. Как камень твердый был... Ну, теперь и мне тут делать нечего». Бросив еще два-три оставшихся полена в догоравший костер, Иван стал медленно спускаться к морю.

Привычная картина была перед его глазами. По-прежнему тоскливо кричат надоедливые

чайки, по-прежнему синеет неоглядная морская даль, и яркое солнышко разливает вокруг приятную теплоту. И изба и сарайчик стоят на прежнем месте. Но по-иному выглядит для него теперь все вокруг. И изба, и сарай, и кресты около зимовья стали совсем другими. Все предметы как бы потеряли свое прежнее значение, стали далекими, ненужными.

Крылатая, большая птица, что прилетела из родных мест, сейчас заслонила собой все.

Юношу вернул к действительности голос Степана.

— Ванюха, помогай! Чего стоишь, лодья ведь ждать не будет! — кричал Степан. С охапкой оленьих и песцовых шкур он спускался по стремянке из кладовой. — Вот ведь сколько набралось!

Оторвавшись от своих мечтаний, юноша вместе со Степаном торопливо принялся сносить к самому берегу промысел, накопленный за долгие годы. Много нужно было переносить добра. Более двухсот пятидесяти оленьих шкур, без числа песцовых мехов, десять шкур белого медведя и много жира оленьего, тюленьего и нерпичьего; клыков моржовых да шкур морского зверя тоже немало было.

Куча на берегу все росла и росла.

Мишка явно не понимал, в чем дело. Он ходил по пятам за Иваном, обнюхивал со всех сторон груды шкур и удивлялся. Никогда не было такой суতোлки на зимовке. Да и Иван изменился. И не только Иван, а и Степан. Бегут, суетятся... кричат...

Но вот пришло время забеспокоиться и мишке. Донес до него ветерок чужой, незнакомый запах.

Долго стоял медведь, вытянув морду к ветру, жадно втягивал воздух черным кончиком своего подвижного носа.

Неведомо пахнувший островок появился вдруг у зимовья.

Глава тридцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда лодья «Надежда доброго согласия» оказалась в виду Малого Беруна, людно стало на ее палубе. После долгого бурного плавания всем захотелось поглядеть на берег.

Остров все ближе. Вот падуны обмелевшие стали попадаться.

Изредка мимо судна важно проплывала торосистая стальная льдина.

Высматривая, где лучше пройти, подкормщик дед Никифор сидел на грот-рее и, будучи любителем поговорить, даже оттуда, с мачты, поучал молодых мореходов:

— Молодая льдина твоего судна боится: тонка и хила; а вот с такой отечной, матерой старухой поздоровкаешься, она тебе ребро и бортовину выломит. Замечай, ребята: у тороса на плаву только верховище видать, а вся нога в воде. По образу верхушки должно разгадать, широка ли та нога. Садкое судно близко не води — пропадешь... Дым! — вдруг закричал, как оглашенный, Никифор. — Дым на острове! Ребята, Амос Кондратьич... А чтоб тебя!.. — Старик от волнения не так слез, как свалился с мачты, по-юношески легко поднялся на ноги

— и бегом к кормщику.

А кормщик, и без того уже приложившись к длинной медной трубе, шарил глазом по берегу.

— Амос Кондратьич, люди там... — Никифор поперхнулся и схватился за грудь. — Стар стал... пых перевести не могу, ежели малую пробежку сделаю.

Кормщик опустил трубу.

— Вижу, Тимофеич, и людей вижу, знаменьем машут... Да кто в последние годы в этих местах зимовал? Будто и не было никого. Держи на дым, — сказал он рулевому.

И вот стоит лодья на якоре в тихой гавани, покачивается лениво, чуть-чуть. Крепкий пеньковый канат надежно держит судно. На хорошем, глубоком месте стоит оно, от всех ветров укрыто, а напротив — неизвестное зимовье.

Вся команда на палубе: уж больно интересно, кто это костер на горе жег. Но вот к борту лодьи подошла осиновка и на палубу поднялся незнакомый, седой, как куропать, растерянно улыбающийся человек. Молодцы промышленники сразу окружили его, со всех сторон посыпались вопросы.

Стоит Алексей у мачты, не знает, кому отвечать. Только счастливая улыбка не сходит с его лица.

Расталкивая всех, к Алексею пробрался дед Никифор. Подойдя поближе, он вдруг остановился в нерешительности:

— Эге... да это ты, земляк... Алексей Химков...

— Я, Никифор... — и Химков сделал шаг, чтобы обнять старика.

Но тут, неожиданно для всех, дед вдруг попятился, стараясь спрятаться за спины промышленников.

— Алексей Химков... упокойник... панихид сколько отслужили, отпетый, оплаканный... — бормотал он.

— Да не упокойник я, Никифор, живой пока. — Алексей было к деду, но тут народ расступился, и он увидел второго знакомого, друга старинного. К нему шел Амос Кондратьевич Корнилов. Крепко обнялись кормщики.

— Алексей... сынок, вот ведь свиделись где! А изменился ты... седой не по годам. Вижу, тяжело было.

Амос Корнилов повел Алексея на корму в свою каюту.

Долго говорили между собой кормщики. Скупыми словами рассказал Алексей про свою трудную жизнь на Груманте.

Понял все старый Амос, ласково положил на белую голову Алексея свою большую костлявую руку, ободрил, успокоил.

— Настасье твоей, слов нет, тоже тяжело. Сколько лет ведь о «Ростиславе» слыхом не слышать было. Ну, я говорил ей: знаю, мол, Алексея, редкий по твердости души человек, такой и судьбу в узел завяжет, коли во льдах не погиб. Да и сама Настасья правильная, упорная жонка. «Жив, — говорит, — мой Алексей, чует сердце, на Груманте он». Ведь как меня просила пойти сюда... Два раза пытался, да льды не пустили. Не в обычай торосовато

море было. Знаешь, поди, на грумантские промыслы поболее двухсот судов летом выходит, а в эти годы никто на острове не бывал, льдов боялись. Я и нынче не собирался, да графа Шувалова сальная контора уговорила — новые места зверобоям разведать.

Кормщики договорились о всех делах.

— Ну, так, Алеша... по рукам. Больше никуда «Надежде доброго согласия» ходу нет... Грузи свой промысел на борт, мои молодцы помогут, разведывать мне теперь тут нечего, ты за шесть лет все разузнал, лучше не надо. Вот как кончишь грузить свое добро, так и домой, в Архангельск поплывем.

Алексей вышел на палубу и сразу же заторопился на берег. Теперь это снова был крепкий, деятельный человек — такой, каким его знали всегда. Закипела работа. То карбас, то осиновка подходили к лодье и, быстро разгрузившись, уходили обратно к берегу. Работали почти сутки без перерыва. На последний карбас грумаланы сложили остатки своего скарба, свое промысловое снаряжение, оружие, домашнюю утварь, — все, что они своими руками сделали на острове.

Но вот настала минута, когда ничего не осталось больше на острове Малом Беруне из добра мореходов. Пора им самим в карбас грузиться.

Сжалось сердце у зимовщиков. Не так просто покинуть место, где осталось шесть лет жизни, где навеки под мерзлой землей остается преданный друг, деливший все тяготы одинокого, тяжелого житья!

Посмотрели они вокруг себя в последний раз и снова промелькнули у них перед глазами незабываемые картины всех этих шести лет...

Вот покосившийся небольшой крест над дверями, поставленный Алексеем в первый же день переселения в новую избу.

Вот могила Федора с букетиком яркокрасных цветов.

Лежит брошенная возле пещеры стремянка, дверь в кладовую осталась открытой... А вон по берегу видны копища — оставленные оленями истоптанные ягельные пастбища... Хороша была тут охота!

А там, далеко, виден Моржовый остров. Памятна всем эта крупинка русской земли. Никогда не забудут поморы свою находку, лодью новгородскую.

Еще дальше белеет Ледяной берег. И видится Ивану грозный вал от падуна, слышится громовый голос Федора...

Но вот застучал топор. Это Алексей накрепко забивал досками оставленное мореходами осиротевшее жильё.

Помня свои лишения и, главное, свой страх остаться без огня, Алексей положил в избе на видном месте, у печи, взятые на лодье трутоношу с кремнем, огнивом и трутом, охапку сухой лучины. Кадочку соленой трески, куль муки, соли на деревянном кружке да жира бочонок не забыли положить в избе. Ведь придется еще тут промышленникам других русских судов зимовать. Всегда надо об атом помнить мореходу. Всякое может быть. Без огня и без пищи, бывает, остаются люди.

Звездочку с теленком мореходы порешили оставить на свободе, на родном острове. Но как быть с мишкой? Трудно везти его: страшный больно медведь. Все же Алексей упросил Корнилова взять медведя на лодью, побожился, что не обидит, не тронет никого зверь. На осиновку зимовщики не пускали мишку уже давно — тяжек стал, утопить может лодку.

Перевезли ошкуя с берега на карбасе.

И «Чайку» свою Иван не забыл, перегнал к лодье. Погрузили и ее на палубу.

Долго стояли на палубе грумаланы и смотрели на свой остров.

Только вышли из залива, засвистел ветер в снастях, задул крепкий побережник. Как угадал ветер, что время ему пришло. Побережник отнес лед, и лодья быстро плывет под южным берегом Малого Беруна. Вот уже позади высокий скалистый мыс — весь в трещинах и рубцах, с остатками старого снега, будто полосатый. Прошли остров Туманов, с его выходящими далеко в море песчаными бугристыми отпрядышами. Перед глазами поморов открылась величественная картина. Сначала лодья прошла у двух глетчеров, тянувшихся по несколько верст каждый, а потом засверкал на солнце острыми голубоватыми изломами сплошной ледяной берег.

Уже четыре часа плыла «Надежда доброго согласия» мимо сверкающих, неприступных ледяных скал. То там, то здесь на пути лодьи с грохотом отваливались от глетчеров гигантские падуны и, покругившись в водовороте, подхваченные ветром, медленно отплывали от берега. Это холодный остров салютовал своим победителям — русским мореходам.

Долго стояли на палубе грумаланы и смотрели на свой остров.

Вот скрылся Ледяной берег... Стали тонуть в глубоком море прибрежные крутые мысы... Теперь осталось на горизонте несколько небольших темносиних точек — самых высоких гор на острове, а скоро и они потерялись в необъятной морской глади.

Благополучно вернулись на родину грумаланы. Радостно встретили своих родных и близких. Дождалась Настасья своего мужа, хоть и бедовала с детьми на руках. Увидел Алексей ребятишек.

Много рассказывали зимовщики о богатствах своего острова: про тысячные моржовые залежки, про большие олени стада, про множество песцов, голубых и белых.

На следующий год откупщик сальных промыслов граф Петр Шувалов послал к тому острову свое судно — галиот «Николай и Андрей». Капитан галиота нашел и остров и становище поморов на нем.

Вступив на берег, капитан назвал остров Алексеевским, в честь русского морехода Алексея Химкова, прожившего на нем шесть лет.

Но напрасно стали бы мы искать на карте Алексеевский остров. Нет на ней и Студеного моря, нет и Груманта, нет Берунов — ни Малого, ни Большого. Баренцево море, а не Студеное, написано на карте. Шпицбергенем назвали Грумант. Остров Эдж, а не Алексеевский остров обозначен там.

Не обратили внимания невежественные правители царской России на труды поморов. Много славных имен русских мореплавателей было погребено в пыльных архивах и забыто. Много чужих имен незаслуженно попало на карту нашей родины.

А народ русский не забывает и никогда не забудет подвигов сынов своих, отважных мореходов и землепроходцев. Не забудет он первооткрывателей Груманта кормщиков Старостиных. Не забудет Алексея и Ивана Химковых, Федора Веригина, Степана Шарاپова.

Примечания

1

Бушприт.

2

Дальше от берега.

3

Камень, покрываемый водой в прилив.

4

Маленькие каменистые островки.

5

Мысы.

6

Жир из рыбьей печени употреблялся как приправа в пищу.

7

Опрокинуть, перевернуть.

8

Гренландский тюлень.

9

Кормового среза.

10

Стадом.

11

Передняя, средняя и задняя мачты.

12

Поперечины на мачте.

13

Бревно, выступающее с носа корабля.

14

Поперечина на бушприте.

15

Косой парус впереди фок мачты.

16

Веревки, вшитые в паруса; служат для уменьшения площади паруса.

17

Юго-западный ветер.

18

Волна.

19

Наем предпринимателем работников в промысловую артель.

20

Люк, ведущий в каюту кормщика.

21

Старинный прибор для определения широты. Долгота в то время вычислялась приблизительно, по пройденному судном пути.

22

Меридиан наблюдения.

23

На западо-северо-запад.

24

Остров Эдж, входящий в архипелаг Шпицбергена.

25

Во время прилива.

26

Широкие короткие лыжи, приспособленные для передвижения по льду.

27

В разреженном льду.

28

Примерзший к берегу лед.

29

Большие торосы на мели.

30

Флюгер.

31

Ловушки.

32

Поморский гарпун.

33

Первая стадия образования льда на морс.

34

При северном сиянии.

35

Полюса.

36

Химков называл звездами спутников Сатурна и Юпитера.

37

Клыки моржа.

38

Староверы в те времена преследовались церковью и правительством.

39

Легенда записана Б. В. Шергиным.

40

Кто идет?

41

Легендарное название Северного полюса.

42

Чехол, брезент, поднимаемый над карбасом или лодкой на берегу для защиты от непогоды.

43

Речные парусные суда.

44

То же, более крупные.

45

Через сто лет на этом месте возник город и порт Архангельск.

46

Мурманский берег.

47

Новая Земля.

48

В открытое море.

49

Рычаг для выхаживания якоря.